ШКОЛА ПРОПАГАНДИСТОВ им. Я. М. СВЕРДЛОВА
при ЦК ВКП(б)

КУРС ИСТОРИИ СССР

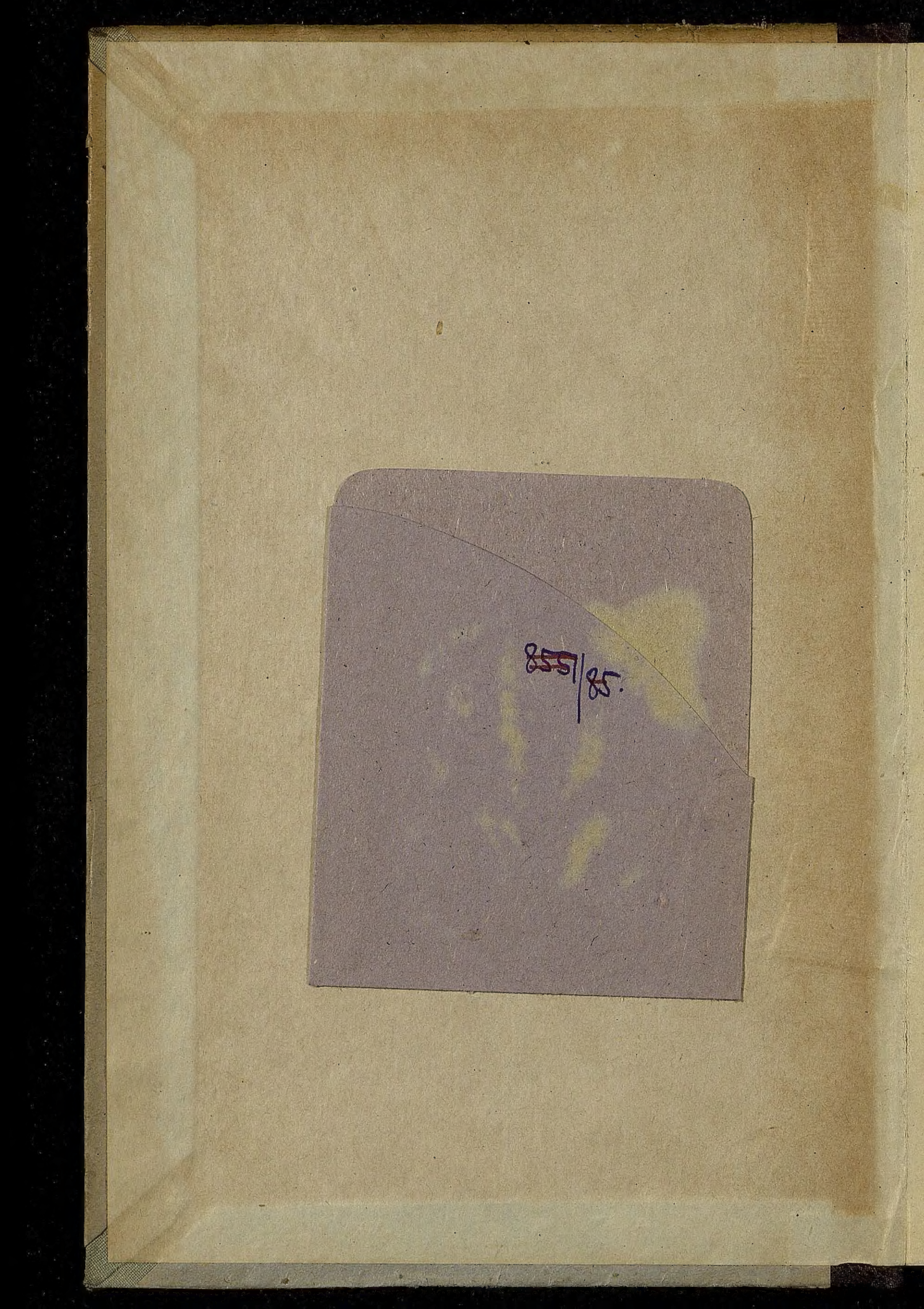
На правах рукописи

Только для слушателей и преподавателей

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И ПОЛЬСКО-ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Материалы и документы

МОСКВА 1939

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПРОПАГАНДИСТОВ им. Я. М. СВЕРДЛОВА
при ЦК ВКП(б)

КУРС ИСТОРИИ СССР

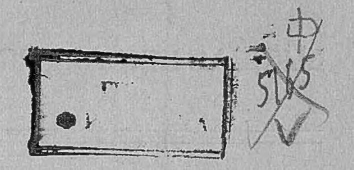
На правах рукописи

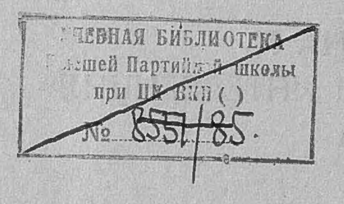
Только для слушателей
и преподавателей

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И ПОЛЬСКО-ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Материалы и документы

МОСКВА 1939

Отв. редактор П. М. Федосов Составители: М. Г. Власова и Б. Л. Лихтер
Сдано в набор 3/XII 1938 г. Подписано к печати 27/II 1939 г. Об'ем $8^1/_2$ п. л.
Уполн. Главлита РСФСР № А 2374 Заказ № 2170 Тираж 3000
Типография Высшей школы пропагандистов им. Я. М. Свердлова при ЦК ВКП(б)

„...историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов“.

История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XVI И НАЧАЛЕ XVII вв.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

К XVII веку вместо «государств» удельного периода в составе Московского государства различали иного рода районы. Эти районы следующие:

1. Замосковные города. Сюда входила старая территория Московских уделов и великого княжения Владимирского.
2. «Города от немецкой украйны» — территория Новгорода с пригородами и Пскова с его пригородами.
3. «Поморье» или «Поморские города». Все северные владения Новгорода до Урала.
4. «Низ» или Понизовые города — земли царства Казанского и Астраханского.
5. Рязанские города.
6. Заоцкие города — предмет спора между Москвой и Литвой.
7. Украинные города, стоявшие на границах «дикого поля».
8. «Поле» — вновь занятые земли на юге.
9. Донские казачьи городки.

Поморье. Сюда входили земли: Вятская, Пермская, Двинский уезд, Корельский берег и Обонежские погосты, Каргопольский край, Важская, Великий Устюг, Вычегодск и Северовосточный край по рр. Пинеги, Мезени и Печоре. Основное занятие жителей этого края был рыбный лов в море, охота за морским зверем, морской торг со своими и чужими. На земле же нельзя было прожить пахотой, так как земля была неродима. Здесь можно было вываривать соль, сводить лес для этого, охотиться за пушным зверем и водить оленей. Здесь большое значение принадлежало Соловецкому монастырю. Его владения к XVII в. охватывали Белое море с юга, севера и запада. Имея в своих стенах 270 человек монахов и больше 1000 человек работных людей в монастыре и на промыслах, этот монастырь был крупнейшим центром и экономической силой в Поморье. Соловецкие «старцы» считали соляной торг основанием своего монастырского хозяйства.

В Поморье все города имели одинаковый склад и однородное значение, они являлись центром и руководителем хозяйственного

труда в своем районе, и город тесно связывал свою жизнь с жизнью области. Город соединялся с уездом в одну областную единицу и в одну тяглую общину.

«Замосковные города». Сюда входили земли старых великих княжений Владимирского, Московского, Суздальского, Нижегородского и Тверского, с плотным населением, сравнительно высокой хозяйственной культурой, промышленным и торговым оживлением. Кроме Москвы здесь были и другие первостепенные по торговому и промышленному значению города, как-то: Вологда, Ярославль, Нижний Новгород и др.

г. Вологда. Крупный торговый центр; играл большую роль во внешней и внутренней торговле государства. Город славился культурой льна, прядильным и ткацким делом, кожевенным производством и вел самый разнообразный торг.

г. Ярославль. По мнению иностранцев: Ченслера, Флетчера и Т. Смита Ярославль был большим, красивым и богатым городом. Трудно перечислить все промыслы, которыми кормились ярославские жители. Город принимал оживленное участие во внешней и внутренней торговле государства, на его рынках и пристанях обращалось решительно все, что поступало в торговый обмен и промысловый оборот. В уезде его было развито ткацкое дело, а на Волге рыбные промыслы.

Устюжна Железопольская лежала на р. Мологе, она играла некоторую роль в торговом движении между Приладожьем и Поволожьем. В Устюжне Железопольской происходила, главным образом, выделка железа из болотной руды, чем занималась половина всех городских ремесленников (119 из 245).

В Белоозерском крае основным занятием жителей было: рыболовство, лесные промыслы, варка соли, землепашество. Крупным центром здесь был Кириллов монастырь, имевший громадное хозяйство, где рядом с пашнями были заведены разнообразные промыслы: соляные варницы и др.

Нижний-Новгород очень красивый и большой город, это был крупный торговый центр. В 1621 г. в Нижнем-Новгороде было 1900 дворов и изб, и на это большое число приходилось только 7 пустых дворишков и 34 дворовых места. В нем было 480 торговых помещений всякого рода, не считая кузниц и харчевен.

Владимирский край — населеннейший промышленный центр, с самой разнообразной промышленностью. Сельское население славилось своими промыслами и торгами.

Города, расположенные на юг от тверских мест, в верховьях реки Москвы и по Оке, играли роль крепостных прикрытий, были военными городами, главными из них были: Серпухов, Кашира и Коломна, в них же велась и значительная торговля.

Однако «Замосковный край» был районом частного крепостнического землевладения, районом наибольшей эксплоатации кре-

стьян, а потому то крестьяне и бежали отсюда на юг, на «дикое поле», где не было еще власти феодалов, а когда и там его настигали русские феодалы, то это беглое крестьянство бежало еще дальше на юг, за черту крепостей и «сторожей», в донские казачьи городки. Во 2-й половине XVI столетия, когда крепостнический гнет еще более увеличился, вследствие опричнины, побеги крестьян из «Замосковного края» приняли массовый характер, и к концу XVI столетия мы имеем в нем уже не расцвет сельского хозяйства, а запустение.

Города «от Немецкой украйны». Сюда входили старые области Великого Новгорода и Пскова с их пригородами.

В 1545 г. в Новгороде насчитывали 4335 тяглых черных дворов из общего числа 5300 дворов. Это очень крупный центр для того времени. Торговля в крае сосредоточивалась, главным образом, в городе и в ярмарочных торжках по главнейшим торговым дорогам, здесь же сосредоточивалась и обрабатывающая промышленность, которая была в зачаточном состоянии. Земледельческий труд и рыболовство лежали в основе хозяйства не только в волостях, но и в новгородских пригородах. Такую же картину представлял и Псков с его пригородами в конце XVI в.

Города «от Литовской украйны» были расположены на верховьях Днепра и Десны. Это были крепостные города, наибольшее значение из них имел Смоленск и Великие Луки. В Смоленске шел большой торг, промыслы же не отличались большим развитием. Видное место занимал сплав леса по Днепру и Зап. Двине. Конопля и пенька, посуда глиняная и деревянная, сало, воск и мед, пушные товары — вот предметы местного промысла. Такое же положение занимали и Великие Луки.

Заоцкие города. Сюда относятся следующие города: Калуга, Воротынск, Козельск, Кременеск, Лихвин, Медынь, Мезецк, Мосальск. Все это небольшие городки, но они находились в краю давно населенном, довольно плодородном и не лишенном торгового оживления. Эта территория была предметом споров между Литвой и Москвой.

«Украинные города»: Алексин, Болхов, Белев, Дедилов, Карачев, Крапивна, Мценск, Новосиль, Одоев, Орел, Тула, Таруса, Чернь и Кромы. Главным из них была Тула. Все меры правительства здесь сводились к тому, чтобы запереть для татар путь в центр Московского государства.

«Рязанские города» служили этим же целям. Если украинные города служили оплотом от крымцев, то рязанские города охраняли Русь по-преимуществу от «ногайской стороны».

«Поле»—вновь занятые земли на юге, где для отражения врага строились крепости и устраивалась укрепленная пограничная черта из валов и засек, а за укреплениями ставились войска. Для наблюдения за врагом и для предупреждения его набегов выдвигались в поле за линию укреплений наблюдательные погосты—«сторожи»

и «раз'езды». Каждый шаг на юг, конечно, опирался на уже существовавшую цепь укреплений. Поле являлось местом, куда бежало из центра крестьянство от крепостнической эксплоатации. Здесь жили служилые люди, так называемые «приборные»: стрельцы, атаманы, казаки, ездоки, сторожа, вожи и т. п.; они были земледельцами не только на своих землях, но и на казенной государевой «десятинной» пашне. Состав южного московского уезда так же однороден, как и состав северного уезда, только там население сплошь промышленное, а здесь исключительно служилое, военно-земледельческое. Южный уезд так же, как и северный, крепко связан со своим городом, но на севере эта связь основана на отношениях экономического порядка, а здесь — на военно-административных. На севере преобладающее значение имеют представители крупного земельного и торгового капитала; на юге, на Поле, — мелкопоместный люд, сильный военной организацией.

«Низ» или «Понизовые города». Сюда входят земли царства Казанского и Астраханского. Волжские города строились в эпоху покорения Казани и Астрахани, они были направлены, главным образом, против черемисы (мари), мордвы и чувашей. Земля здесь была хорошая, к ней тянулись русские землевладельцы. Само правительство устраивало на ней служилых людей, давая им поместья и вотчины. Духовенство также здесь стало крупнейшим земельным собственником. С переходом Поволжья в русские руки процесс обезземеления усилился и увеличился гнет русских и местных феодалов, и это служило главной причиной того недовольства, с каким мордва и черемисы, а за ними чуваши и вотяки, относились к Московскому государству. Все поволжские города, вместе с Астраханью, были военными постами, выдвинутыми далеко за черту народной русской оседлости. Эти посты имели гарнизоны, но еще не имели русского населения. Только под стенами Астрахани образовались рыбный промысел и соляная добыча и шел торг с персидскими и средне-азиатскими купцами.

Донские казачьи городки. На Дону, Сев. Донце и Нижнем Днепре и Волге хозяйничала среда полевых казаков. До половины XVI в. вся масса «гулящего» люда, бежавшего из крепостнического центра на московских окраинах, пребывает в состоянии полного брожения, у казачества не заметно ни военных центров, ни общей организации. В середине же XVI в. казачество начинает организовываться в городки. На Дону в эти годы уже образовались Раздоры — центр низового казачества, которые действовали, главным образом, против Азова. Московское правительство получало большие выгоды от даровой стражи казаков от татар и нагаев, оно вступало с ними в сношения, посылало им боевые припасы и давало служебные поручения.

Конспект 1-й главы книги Платонова „Очерки по истории смуты", стр. 3—120.

ПРОЦЕСС ДАЛЬНЕЙШЕГО ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Уставная грамота Соловецкого монастыря села Никольского-Пузырева крестьянам (1561 г., мая 2)

Благословение Филиппа игумена Соловецкого монастыря иже о христе с братьею, в Бежецкой Верх, в Мещерской стан, в село в Никольское Пузырево, крестьяном нашим, селчаном и деревеньщиком, лутчим и середним и молодым и всем без омены*). Прислали есте к нам бити челом Николского села крестьянина Ивана Клевнева о том, что будтосе на вас наши приказщики емлют наш оброк и пошлины не по нашим жаловалным грамотам и не по окладу, и дела делати велят, не по уложению**), через наш оклад...

И яз игумен Филипп, о том с братьею соборовав***), вас благословил есмя и пожаловали: вперед приказщиком своим ходити у вас велели по сей нашей жаловалной грамоте и по окладу. Имати у вас оброк хлебной, с тридцати вытей****) и с трех вытей, на год с выти по четыре четверти ржи, да четыре четверти овса, в новую меру в Городецкую; да с тех же вытей на год с выти, на Оспожин день*****) по сыру по сухому, а нелюб сыр и за сыр две денги; да в осень, на покров святей богородици******), по пятидесят яиц да по хлебу, да по калачу. А пашню пахати на монастырь в селе Николском, а сеяти семяны монастырьскими, с выти по четверти ржи да по две четверти овса, и всее пашни пахати на монастырь, сеяти в поле тридцать четвертей и три четверти ржи, а овса шестьдесят четвертей и шесть четвертей; а похощет приказщик сеяти пшеницу, или жито, или горох, или гречу, или лен, и крестьяном то пахати, на которых десятинах приказщик излюбит*******). Также волостью на приказщика, и на слугу, и на доводчика, крестьяном рожь на хлебы и солод на квасы молоти. Да с тех же вытей, с выти, привозити на монастырьской двор по два возы дров да полененых, по третьему возу сосновых дров на квасы, да по десяти полен лучины, також крестьяном. А повоз везти к Вологде с выти по лошади, а на лошади везти по четыре четверти ржи, а овса по шти четвертей; а с Вологды везти в село Николское, или на Городецко или на Киасову Гору, на тех же конех на выть по полутретьядцати пудов соли; а пшеница, и горох, и семя, и крупа запарная********), и толокно, класти против ржи, а солод и гречневая крупа класти на лошадь по пяти четвертей; а случится повоз везти к Москве, или на Белоозеро, или ближе Вологды, или дале Вологды, и крестьяном с приказщиком в том счет против Во-

---

*) Без омены — без из'ятия.

**) Уложение — то, что положено властью.

***) Соборовать — чинить совет.

****) Выть — окладная единица разных видов.

*****) Оспожин день — успение, 15 августа старого стиля.

******) Покров — 1 октября старого стиля.

*******) Излюбит — выберет, назначит.

********) Крупа запарная — крупа, которую обдали кипятком.

логды; а не случится крестьяном которого году повозу везти, ино на них взяти за подводу по четыре гривны Московскую. Також и доводчику имати своя пошлина с тех же вытей, с тридцати вытей и с трех вытей, с выти празничных кормов; на Велик день *) две денги Московская, а на Петров день **) такоже две денги Московская, а на Рожество Христово четыре денги Московская; да с тех же вытей доводчику на год с выти по два алтына, то ему и осенчина, и всего доводчикова доходу на год с выти по гривне по Московской; да доводчику же в'езжего, на всякой год, с всякого дыма по две денги, а ково даст на поруку доводчик в селе, и ему имати хоженого денга Московская, а по кого поедет в волость на поруку давати и ему имати езду на версту по денге по Московской, а на правду с суда вдвое.

Також есмя вас благословил и пожаловали о суде и о пошлинах: судити приказщику, а с ним быти в суде священнику да крестьяном пятма или шестмя добрым и середним, а на виноватом имати пошлина с рубля по алтыну; а лучится приказщику ехати на межу или на протраву, или кого лучится послати, и на виноватом взяти за боран алтын и доводчику имати езду на версту по денге, а на правду с суда вдвое. Случится у кого свадба, выдаст за волость дочерь, и приказщику куница десять денег, да с отводин хлеб да колачь, а доводчику две денги, а женит сына, и приказчику алтын новоженой ***) да хлеб, да колач, а доводчику две же денги. А лошадь или корову продаст за волость, или менит за волостью, и с лошади и с коровы явки по московке ****), а меж собя купят или меняют, и приказщику не имати ничего...

А двор монастырьской и гумно крестьяном поделовати, и которые хоромины пристареют *****), и в тех хором место новые хоромы ставити. И приказщика слушати во всем, и на монастырьское дело ходити на солнечном всходе, как десяцкой весть подаст; а кто не придет, на том заповеди приказщику две денги, а доводчику с десяцким две денги; а коли приказщик позовет на монастырьское дело крестьян в честь, сверх урочного дела, и кто придет, и приказщику тех людей кормити монастырьским хлебом. А у которых крестьян в полях рощици и им тех рощиц беречи, а на дрова и на жерды к изгородам не сечи; а кому понадобится столп, или подпор, или переклад, и им сечи тот запас доложа приказщика; а кто учнет сечи без докладу и на том взяти заповеди приказщику полполтины на монастырь... Також есмя вас благословил и пожаловали: вперед кому будет вам дело до доводчика, или до монастырьских слуг, и яз велел на них вам управу давати приказщиком в селе в Пузыреве; а будет приказщику не мочно учи-

---

*) Велик день — пасха.
**) Петров день — 29 июня старого стиля.
***) Новоженой — новобрачный.
****) Московка — московская деньга.
*****) Пристареть — притти в ветхость.

нити управы в чем, и будет и мочно в чем управа учинити, а приказщик не учнет управы давати, и вы к нам пишите на приказщиков, и мы вам управу дадим на приказщиков.

«Акты Археографической Экспедиции», т. I, № 258.

1588 и 1589 г.г. — Отрывки из документов, упоминающие о «заповедных годах»

В 1589 году по челобитью помещика Пестрикова был произведен допрос по следующему делу:

В прошлом 91 году князь Михайла Кропоткин из села из Заостровья... из попова двора крестьян насильством Сеньку Борана да его брата Кирилку Тереховых детей да Олексейка Тресту в свое поместье... в заповедные годы вывез ли, и будет вывез, и сколь давно и в котором году?

Обыскные люди ответили:

Слух, господине, нам и ведом есть: в прошлом 91 году князь Михайла Кропоткин ис села из Заостровья... ис попова двора крестьян Сеньку Борана да его брата Кирилку Тереховых да Олексейка Тресту в свое поместье... в заповедные годы вывез.

В 1588 году по аналогичному вопросу было произведено следствие:

По Иванову челобитью Непецына на старца на Стахия Никольского Едровского монастыря в беглых крестьянех на Ваську да на Тришку на Гавриловых детей, что они збежали в заповедные годы 90-го году из за Ивана из за Непецына из деревни с Крупца, а Иван был на государеве службе в Лялицах.

Сказка обыскных людей:

Из за Ивана Непецына из деревни с Крупца Васька да Тришка Гавриловы дети в заповедные годы 90-го году сбежали.

Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, стр. 46. М. 1909.

Указ о беглых крестьянах (1597 г., ноября 24)

Лета 7106 ноября в 24 день, царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал, и бояре приговорили:

Которые крестьяне из-за бояр и из-за дворян и из-за приказных людей и из-за детей боярских и из-за всяких людей, из поместей... и из монастырьских вотчин выбежали до нынешнего 106 году за пять лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком из-за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичьим и владычним детем боярским и монастырских сел приказщиком и служком, давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил.

А которые крестьяне выбежали до нынешнего 106 году лет за шесть и за семь и за десять и больши, а те помещики и вотчинники, из-за кого они выбежали... на тех своих беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они из-за них выбежав живут, до нынешнего 106 году, лет за шесть и за семь и за десять и больше государю царю не бивали челом: и государь указал и бояре приговорили: на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давати, и назад их, где кто жил, не вывозити.

«Акты исторические». Изд. Археографической комиссии, т. I, № 221, стр. 420—422.

Из Указа царя Федора Ивановича о кабальных людях 1597 г. апреля 25

«Лета 7105 апреля в 25 день по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии память Михаилу Ивановичу Внукову да дьяку Пятому Кокошкину. Государь царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии приговорил со всеми бояры о холопех о полных и о докладных и о кабальных людех, которые люди, на Москве и по городом, служат в холопстве у бояр, и у князей, и у думных, и у приказных людей, и у гостей и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по докладным и по всяким крепостям, и по кабалам по старым и по новым записным кабалам, и от кого которые холопи полные и кабальные люди побежали; и ныне, с лета 7105 февраля с 1 числа, государь царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии приговорил со всеми бояры: от которых бояр полные холопи, и кабальные, и приданые люди, и жены и дети побежали, и бояром имена своих холопей и на них крепости прислати в Холопей приказ, да тех холопей имена, которые у государей своих служат и которые холопи от них побежали, и на них крепости старые, и полные и купчие и докладные и всякие крепости и кабалы, записывати в книги; а тем всяким холопьим крепостным людским книгам быти за диячею рукою, большого для укрепления; а пошлин с старых кабал и от всяких крепостей не имати. Да приговорил государь со всеми бояры: Московского государства всяким людем холопьи имена и на них крепости всякие записывати, с нынешнего уложения, безсрочно; а ближних городов дворяном и детем боярским и всяким служилым людем имена холопьи и на них крепости всякие писати в год; а князем и дворяном и приказным людем, которые на государевых не дальных службах, в Астрахани, и на Терке, и на Сунже, и в Сибирских городех, и на Таре, и тем князем и дворяном и детем боярским и всяким служилым людем в именах холопьих и в крепостях дати сроку три года...

...А котораго записного кабального человека которая кабала, старая или новая, по новому уложенью записана в книги, а в том кабальном холопстве у него родится сын или дочь, и те их дети тем своим государем в холопи, против докладных людей, и по го-

судареве ж смерти, как и отцы их; а женам после мужей своих и детем после отцов своих, до тех кабальных записных людей, и до их детей, которые дети в кабалах будут писаны и которые дети в том кабальном холопстве родятся, дела нет, и денег по тем отцовским кабалам на тех кабальных холопех женам и детям не указывати. А которая служилая кабала на холопа или на рабу у которого государя старая, или будет оба государя живут в одном городе, а возьмет на того ж холопа кто, ведая, новую служилую кабалу, и будет украдом тое кабалу и в книги запишет, и тех людей, и жен, и детей по тем по старым служилым кабалам отдавати прежним их государем, а по новой кабале денег не имати...

...А о вольных людех приговорил государь со всеми бояры: которые люди, на Москве и по городом, служат у кого добровольно, и Михайлу Ивановичю и дьяку Пятому тех вольных людей велети ставити перед собою с теми людьми, кто у кого служит добровольно, да тех вольных людей распрашивати: сколь давно кто у кого служит добровольно и кабалу на себя дает ли? и которые люди вольные послужили у кого недель 5—6, а кабал на себя дати не похотят, и тех людей отпущати на волю. А кто, скажет, послужил у кого добровольно с полгода и больши, а кабалы на себя дати не похочет, а сыщут, что добровольной холоп у того человека служил с полгода, и на тех вольных холопей служилые кабалы давати, и челобитья их в том не слушати, потому что тот человек того добровольного холопа кормил и одевал и обувал. И который государь того добровольного холопа одевал и обувал и кормил, и того добровольного холопа однолично ни кому, мимо того государя, никак не приимати. А кто того добровольного холопа, мимо нынешнее новое государево царево и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии уложенье, примет, и тех добровольных холопей, сыскав, отдавати совсем старым их государем, у кого кто служил добровольно, а в сносе давати суд и управа по государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии указу».

Указная книга Приказа холопьяго суда. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. III, стр. 86—94.

ЗАПУСТЕНИЕ ЦЕНТРА

Рабское и жалкое состояние русского народа

(Из книги Д. Флетчера «О государстве русском»)

Англичанин Джильс Флетчер в 1588 г. был послом английской королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу. Джильс Флетчер пробыл в России около года (с ноября по июль месяц), и после возвращения написал книгу «О государстве Русском», посвятив ее королеве Елизавете.

Сочинение Д. Флетчера, изданное впервые в Англии в 1591 году и в России в 1848 году, занимает одно из видных мест среди источников по истории России XVI века.

О состоянии низшего класса и простого народа можно иметь некоторое понятие из того, что уже было сказано касательно обра-

за правления, состояния дворянства и заведывания областями и главными городами в государстве. Во-первых, о свободе их, в какой мере они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни к какому разряду и не имеют ни голоса, ни места на соборе, или в высшем земском собрании, где утверждаются законы и публичные постановления, клонящиеся обыкновенно к угнетению простолюдинов, ибо остальные два класса, т. е. дворянство и духовенство, которые имеют голос в таких собраниях (хотя далеко не пользуются свободою, необходимою в общих совещаниях для блага всего государства, согласно с значением и правами каждаго по его званию), довольствуются тем, чтобы все бремя лежало на простолюдинах и что могут облегчить сами себя, сваливая все на них. Далее, до какого рабского состояния они унижены не только в отношении к Царю, но и к боярам и вообще дворянам (которые и сами суть не что иное, как рабы, особливо с некоторого времени), это можно видеть из собственнаго сознания их в просьбах и других бумагах, подаваемых кому-либо из дворянства или высших правительственных лиц: здесь они сами себя называют и подписываются х о л о п а м и, т. е. их крепостными людьми или рабами, так точно, как, в свою очередь, дворяне признают себя холопами Царя. Можно по истине сказать, что нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина, или который бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ, и это вообще, не только в отношении к Царю, но и его дворянству, главным чиновникам и всем военным, так что если бедный мужик встретится с кем-либо из них на большой дороге, то должен отвернуться, как бы не смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головою о земь, так точно, как он преклоняется перед изображениями своих святых.

Во-вторых, что касается до земель, движимаго имущества и другой собственности простого народа, то все это принадлежит ему только по названию и на самом деле нисколько не ограждено от хищничества и грабежа как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат. Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий, налагаемых Царем, простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным, особенно в так называемых ямах *) и богатых городах, что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили, или целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий. Так, по дороге к Москве, между Вологдою и Ярославлем (на расстоянии двух девяностых верст, по их исчислению, немного более ста английских миль) встречается, по крайней мере, до пятидесяти деревень, иныя в полмили, другия в целую милю длины, совершенно оставленныя, так что в них нет ни одного жителя. То же мож-

*) Ям — а) селение, где крестьяне обязаны гонять почту; почтовая станция, где меняли лошадей; б) подводная повинность натуральная или денежная.

но видеть и во всех других частях государства, как разсказывают те, которые путешествовали в здешней стране более, нежели сколько дозволили мне это время или случай.

Чрезвычайныя притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском. Этот страх простирается в них до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, когда кто из бояр или дворян узнает о товаре, который они намерены продать. Я нередко видал, как они, разложа товар свой (как-то: меха и т. п.), все оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян, или какого сына боярского, и чтоб они не пришли с своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар.

Д. Флетчер — «О государстве русском», стр. 53—55.

Опустение центра

1. В Московском уезде: в 1584—86 г.г. по 11 станам и волостям Московского уезда приходилось на 673 ⅓ деревни *) — 3 починка = 0,1% 2184 ⅛ пустошей, т. е. 76,3%.

2. В Дмитровском уезде — из 42 актов — 24 акта о пустошах **) — 57,1% и 2 акта о починках, ***) 4,7%.

3. В Можайском уезде у Симонова монастыря на 4 деревни приходилось 25 пустошей, т. е. 86,2%.

4. В Переяславль-Залесском уезде — из 55 грамот (за 30-летие конца XVI века) 28 грамот упоминают о пустошах—50,9% и только о 30 починках, т. е. 5,4%.

5. Во Владимирском уезде из 52 грамот о пустошах — 26 грамот, т. е. 50%, о починках — 6 грамот, т. е. 11,6%.

6. В Тверском уезде — из сохранившихся от последнего тридцатилетия XVI века — 40 грамот в 19 о пустошах, 47,5% и лишь в 3-х починки, 7,5%.

7. В Кашинском уезде — из 14 грамот — 7, о пустошах = 50%, и 30 о починках = 21,4%.

---

*) Деревня. Селение из известного количества крестьянских дворов. Древнее понятие деревни — селение из одного крестьянского двора.

**) Пустошь. Незаселенные участки земли самой разнообразной величины, представлявшие нечто целое или в силу природных условий, или потому, что ранее представляли владение одного селения.

***) Починок. В XVI—XVII вв.—селение из одного двора. Иногда вместо термина починок употребляется «выставка» (Владимирский, Дмитровский уезды).

Куда уходили?

«Много множество разыдеся людей из Можайска, и из Волока на Рязань и в Мещеру, и в понизовые города...».

Летописец Русский, изд. Лебедевым в «Чтении Общ. ист. и древ.», 1895 г., кн. III, стр. 146.

«...некоторые обосновались в северных степных уездах, но большинство шли дальше — так Ливны были заселены служилыми людьми из Каширы, Орла, Калуги; в 1594 г. в Воронеже работали тульские и пронские плотники».

Рожков—«Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», стр. 305—310; 345—346.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

Выписка из приходной книги Иосифова Волоколамского монастыря о крестьянских волнениях в монастыре и об их усмирении (1594 г., октября 21)

Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря 1594—1595 гг.

Лета 7103-го октября в 21 день приезжали в Осифов монастырь от государя Андрей Яковлич Измайлов да подьячей Казарин Петров обыскивать и сыскивать и дозирать всяких монастырских дел по ложному челобитью бывшаго келаря чернца—Антона Лопотинского. А тот чернец Антон приезжал с Ондреем же в Осифов монастырь. И в кои поры Андрей был в Осифове монастыре, и в те поры по науку того Антона крестьяне монастырские не почели слушати приказщиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати; хлеба молотити и в монастырь возити и солодов ростити и даней монастырских давати. И старець Мисаила Безнин и келарь и казночей и соборные старцы сказывали про то Андрею и Казарину. И Андрей и Казарин велели крестьяном всякие монастырские дела делати. И крестьян за то велели смиряти, что оне не слушают и пени на них имати. И как Андрей и Казарин из монастыря поехали, и крестьяне монастырскее почели пущее не слушати и приказчиков и ключников учели бити и дел монастырских не почели делати и оброчных денег не учели давати и вина почели держати и леса монастырскее заповедные почели сечи. И старец Мисаил Безнин про то велел крестьян острастити и смирити. И которые крестьяне прожиточнее сами воровали и научали всех воровать, и старец Мисаила велел на тех пени имати. И от того крестьяне унелись воровати и почели во всем слушати...

ВОССТАНИЕ ХЛОПКИ КОСОЛАПА

«О разбойниках около Москвы и о посылке на них»

«В тоже время около Москвы начаша ся быти разбоеве велицыи и человекоубийство на путех и по местом. Царь же Борис многажды посылаше против их служилых людей, но не возможе ничего учинити им, яко умножися их, и служивым противни бяху, и многих побиваху, в них же един старейшина, его же нарицаху Хлопко. Царь же Борис призва боляр начат с ними советовати, како может оных разбойников укротити, и умыслиша послати на них многую рать. Царь же Борис посла на них окольничего *) Ивана Федоровича Басманова со многою ратию; он же шед нападе на них близ Москвы; разбойницы же учиниша с ними бой, и убиша самого воеводу; прочии же людие видеша падение воеводы своего, возбояшася Бориса Царя, яко не соблюдоша его от убиения оных разбойников, и умыслиша оную вину заслужити и разбойников всех искоренити, и начаша битись с ними крепко, и едва возмогоша одолети им, малых же живых возмогоша яти, но все побиени быша. Старейшену же их Хлопка взяша жива и от раны изнемогша, оставшии же разбегошася по Украйным городам, и тамо переимани и повешени вси быша; окольничего ж Ивана Басманова Царь Борис в Троицком монастыре повеле погрести».

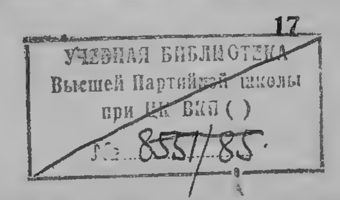
«Новый летописец», гл. 88, стр. 57—58.

Сказание Авраамия Палицына — «О зачале разбойничества и ворех во всей России»

Авраамий Палицын — Келарь Троице-Сергиева монастыря. (Келарь—монастырский инок, заведующий монастырскими припасами, или вообще светскими делами монастыря). Он жил в бурную эпоху начала XVII в., являлся очевидцем событий крестьянской войны и оставил после себя описание этих событий, называемое «Сказание». В своем сочинении Авраамий Палицын стоит на стороне крепостников и защищает их интересы.

Последова же царь Борис в некиих нравех царю Ивану Васильевичю еже бы наполнити на краи предел земли своея воинственым чином, дабы против сопостат крепцы были украйные грады, паче же Полския и Северския; и гад кто злодействующий осужен будет к смерти и аще убежит в те грады Полския и Северския, то тамо да избудит смерти своя. И много времени сего бысть собрания злодеем от лет царя Ивана Васильевича, даже и до Розстриги Гриши; разумом же и жестостию царя Ивана Васильевича не смеюще двизатися таковии змиеве; царь же Федор, яко ужем твердом, молитвою своею всех связа. В правлении же при сем велицем государе Борис Годунов и иннии мнози от велмож, не токмо род его,

*) Окольничий — сан приближенного к царю по службе лица, второй сверху по чину — член Боярской Думы. (Смотри примечание на стр. 20).

но и блюдомии ими, многих человек в неволю к себе введше служить, инех же ласканием и дарми в домы своя притягнувше,— и не от простых токмо ради нарочитаго рукоделства или какова хитра художества, но и от чествующих издавна многим имением и с селы и с винограды, наипаче же избранных меченосцов и крепких со оружии во бранех, и светлы и красны образом и взрастом лишествующи. И мнозии инии, началствующе последующе, в неволе поработивающе кого мощно и написание служивое силою и муками емлюще иных же винца токмо испити взывающи — и по трех или по четырех чарочкох достоверен неволею раб бываше тем. Во время же великаго глада сего озревшеся вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускати; и инии убо истинно, инии же и лицемерством: истинствующей убо с написанием и за утверждением руки своея, лицемерницы же не тако, ино токмо из дому изгонит. И аще х кому прибегнет, той зле продаваем бываше и много снос и убыток платяше; инии же ради воровства нигде не приемлемы бываху, инии же от неразумия и безремества погибаху; и инии срама ради скончавахуся бедне, за отечества ради. Мнози же и имуще, чем препитати и на много время домашних своих, но восхотевше много богатства притяжат и того ради челядь свою отпускающе; и не токмо челядь, но и род и ближних своих не пощадеша и гладом скончающихся туне презреша. Бяше же и се зло во многих; лето убо все тружаются, зиму же и главы не имеют где подклонить, и паки в лето, и не хотя, в делех страждут; в сицевых *) же озлоблениих разлучахуся мужа от жены, и брат от брата, и отец от чад, и друг от друга.

Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 482—483.

БОРЬБА ВНУТРИ КЛАССА ФЕОДАЛОВ

1584 г. июля 20. Из приговорной грамоты духовного собора о прекращении вкладов земли по душе и продажи монастырям имений и о временной отмене тарханов **)

«И преж убо о сем блаженные памяти при благочестивом царе и великом князе Иване Васильевиче, а во иноцех Ионе, и сыне его блаженные памяти царевиче княже Иване и при освященном Антоние митрополите всеа Русии и всего освященного собора и всего царского синклита ***), уложена быша сице, и на утверждение грамоту написавше, утвердивша в лете 7088-го году генваря в 15 день: что с того году и с того дни митрополиту и архиепископом и владыкам и монастырем вотчин не покупати, и по душе ни по ком вотчин в монастыри не имати для воинского оскуденья,

*) Сицевых — таковых.

**) Тархан — жалованная грамота, выданная государем вотчиннику или монастырю, освобождающая последних от всех податей.

***) Царский синклит — собрание высших чиновников.

что воинство велие прийде во оскудение. И тое бы грамоту переписати и укрепити по тому ж. Другое ж и о том советоваху и утвердихом, с повелением благочестиваго царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, смиренный Деонисей митрополит со всем освященным собором и со всем царским синклитом, о тарханех чтоб вперед тарханом не быти; что земли митрополичи, и архепископли, и владычни, и монастырские в тарханех, и с тех никакие царские дани и земских розметов *) не платят, а воинство служилые люди те их земли оплачивают; и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы; а крестьяне, вышед из за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людем прииде. И сего ради, для великих нужд и тощеты воинским людем, по совету благочестиваго царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, мы преосвященный Деонисей митрополит всеа Русии и со всем освященным собором и со всеми бояры и со всем царским синклитом уложихом сице: да церкви божия и священныя места без мятежа будут, а воинской чин на брань противу врагов креста Христова ополчатца крепце, и сице устроихом и утвердихом по тому ж, как отец его, государь блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и сын его, блаженные памяти царевич князь Иван Иванович утвердили прежнюю грамоту: елико есть земель и земляных угодей, и елико недвижимых вещей, еже есть села и деревни, и пожни **) и сеножати, что до сего данная, с лета 7088-го генваря месяца 15 дня, и возложенная богови в митрополие и в епископиях и по монастырем, да ничтоже претворяетца и из митропольи и из епископьи и из монастырей не исходит, и вотчины никоторым судом ни тяжею у митрополита и у владык и у монастыря с того лета не емлют и не выкупают; хоти которое место и не утвержено крепостьми, и у того монастыря не выкупить; и вперед с монастыри о вотчинах не тягатися, а в монастыри вотчин не давати. Также от сего году, лета 7093-го месяца сентября 1-го числа, на время, до государева царева и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии указу, для воинского чину и оскудения тарханы отставити, покаместа земля поустроитца, и помочь во всем учинитца царским осмотрением; а платить тарханом всякие царские подати и земские розметы всяким тарханом от священных и боярским и княженецким со всеми людьми ровно всей земле, как тарханом, так и всяким служилым людем, и тамга ***) тарханом и всяким людем в то время до государева указу платить, хто ни почнет торговать, чтоб воинство конечне во оскудение от того не было, для ради тое вины, и государеве казне в том убытка не было».

«Собрание госуд. грамот и договоров», ч. I, № 200 и 202.

---

*) Земские розметы — «Розмет» — подать. «Разруб» — раздел — Земские повинности — налоги на податные сословия, денежные и натуральные (дорожные, мостовые, подводные и др., постоянные и временные).

**) Пожни — покосы.

***) Тамга — торговая пошлина.

Память Окольничему Морозову

О выходе крестьянском

1601 г. ноября 28

Лета 7110 Ноября в 28 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, память околничему Василью Петровичу Морозову.

В нынешнем во 110 году, великий Государь Царь и Великий Князь Борис Федорович всеа Русии и сын его великий государь Царевич Князь Федор Борисович всеа Русии пожаловали, во всем своем государстве от налога и от продаж *) велели крестьяном давати выход. А отказывати и возити крестьян дворяном, которые служат из выбору, и жилцом, детем боярским городовым **), и Большого Дворца дворовым людем всех чинов ***), ключником, стряпчим, ситником, подключником, Конюшенного приказу ****), приказчиком и конюхом стремянным и стряпчим, ловчего пути *****), охотником и конным псарем сокольничья пути кречетником и соколником и ястребником, трубником и сурначеем ******)... и всех приказов под'ячим *******) и Стрелецкого приказу ********),

*) Продажа — судебная пошлина, идущая в доход князю.

**) К началу XVII века в Московском государстве сложилось следующее подразделение внутри класса феодалов.

Московские чины

Самые знатные		Чины служивые (последовательно по важности)
1) Бояре (1-й чин)	Думные чины	1) Стольники
2) Окольничьи (2-й чин)		2) Стряпчие
3) Думные дворяне (3-й чин)		3) Жильцы
		4) Дворяне Московские

В провинции:

1) Дворяне выборные
2) Дворяне городовые
3) Дети боярские

***) Большой дворец — приказ, ведающий личным хозяйством и доходами великого князя, государя.

****) Приказ — орган государственного управления, ведающий определенной областью, напр. Посольский приказ — иностранными делами, разбойный — уголовными и т. д.

*****) Путь — ведомство путного боярина, управляющего отдельной частью княжеских владений, напр. ловчий путь — ведомство охоты; стольничий путь — ведомство дворцовых волостей для сбора с'естных припасов княжескому двору.

******) Сурначей (с татарск.) — музыкант, играющий на дуде (персидск.) оглушительно-резкого звука.

*******) Дьяк или под'ячий — во главе приказа был боярин; фактически дела решались дьяком и под'ячим (помощником дьяка), которые ведали канцелярией приказа.

********) Стрелецкий приказ — Стрелецкие полки назывались приказами; в Москве насчитывалось до 20 полков от 800 до 1000 человек в каждом. Стрелецкий приказ управлялся стрелецким головой, позже полковником.

сотником стрелецким и головам казачьим, и Посольского приказу переводчиком и толмачем, и патриаршим и митрополичьим и епископьим приказным людем, детем боярским, промеж себя. А срок крестьяном отказывати и возити в Юрьев день осеннего, да после Юрьева дня две недели. А пожилого крестьяном платили за двор по рублю по два алтына.

А в дворцовые села и в черные волости, и за Патриарха, и за Митрополиты, и за Архиепископы, и за владыки, и за монастыри, и за бояр, и за околничих, и за дворян болших, и за приказных людей и за дьяков, и за столников, и за стряпчих, и за голов стрелецких, и за них в нынешнем во 110 году, крестьян возити не велети. А в Московском уезде всем людем промеж себя, да из иных городов в Московской уезд потому ж крестьян не отказывати и не возити. А которым людем промеж себя крестьян возити, и те возити меж себя одному человеку из за одного же человека, крестьянина одного или дву, а трех или четырех одному из за одного никому не возити.

Н. Клочкова. Памятники по ист. крестьян. Изд. № 33.

Из беседы Валаамских чудотворцев об обострении классовой борьбы в Русском государстве

«При последнем времени» люди начнут всяко убывати, и земля начнет пространнее быти, а людей будет меньше, и тем досталным людям будет на пространной земли жити негде... царие на своих степенях царских не возмогут держаться и почасту применятися начнут».

Летопись занятий археографической экспедиции, выпуск 10-й.

Д. Флетчер—«О положении царского дома в России»

«Кроме нынешнего Государя, у котораго нет детей (и едва-ли будет, сколько можно судить по его телосложению и неплодию жены после нескольких лет брака), есть еще один только член этого дома, именно: дитя шести или семи лет, в котором заключается вся надежда и все будущее поколение царского рода. Другой старший брат из трех, и лучший из них, умер от головного ушиба, нанесеннаго ему отцом его в припадке бешенства палкою или (как некоторые говорят) от удара острым концом ея, глубоко вонзившимся в голову. Неумышленность его убийства доказывается скорбию и мучениями по смерти сына, которыя никогда не покидали его до самой могилы. Здесь видно правосудие Божие, наказавшее его жажду к пролитию крови убийством сына собственною его рукою и прекратившее в одно время и жизнь его и тиранство тою ужасною скорбию, которая свела его в могилу после такого несчастного и противоестественнаго поступка.

Младший брат Царя, дитя лет шести или семи (как сказано было прежде), содержится в отдаленном месте от Москвы, под

надзором матери и родственников из дома Нагих, но (как слышно) жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти Царя. Кормилица, отведавшая прежде него какого-то кушанья (как я слышал), умерла скоропостижно. Русские подтверждают, что он точно сын Царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых летах в нем начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть, перерезанное горло, когда течет из него кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкою гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут. Кроме лиц мужского пола, есть еще вдова, имеющая право на престол, сестра покойного и тетка теперешняго Царя, бывшая замужем за Магнусом, герцогом Голштинским, братом короля Датскаго, от котораго была у нея дочь. Эта женщина, по смерти мужа, вызвана в Россию людьми, жаждущими престола более, нежели любящими ее, как оказалось впоследствии, потому что сама она с дочерью, тотчас же по возвращении в Россию, была заключена в монастырь, где дочь в прошедшем году умерла (во время моего пребывания там) и, как предполагали, насильственною смертью. Мать пока все еще находится в монастыре, где (как слышно) она оплакивает свою участь и проклинает день своего возвращения в Россию, куда была привлечена надеждою на новый брак и другими лестными обещаниями от имени Царя. Вот в каком положении находится царский род в России из дома Белы, который, повидимому, скоро пресечется со смертию особ, ныне живущих, и произведет переворот в Русском Царстве. Если правление вследствие такого переворота сделается хотя несколько умереннее и благодушнее, то это послужит к благоденствию несчастнаго народа, удрученнаго теперь невыносимым рабством».

Д. Флетчер—«О государстве русском», стр. 20—21.

Д. Флетчер — О царе Федоре Ивановиче

«Теперешний Царь (по имени Феодор Иванович), относительно своей наружности, росту малаго, приземист и толстоват, телосложения слабаго и склонен к водяной: нос у него ястребиный, поступь не твердая от некоторой разслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей. От роду ему 34 года или около того, а царствует он почти шесть лет».

Д. Флетчер — «О государстве русском», стр. 122.

Характеристика царя Федора Ивановича в оценке Сапеги

«Великий князь мал ростом; говорит он тихо и очень медленно; разсудка у него мало, или как другие говорят и как я сам заметил, вовсе нет. Когда он, во время моего представления, сидел на престоле во всех царских украшениях, то, смотря на скипетр и державу, все смеялся».

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 7, гл. 3-я, стр. 551.

Характеристика Бориса Годунова

«Право постоянного личного участия в дипломатических сношениях государства было для Бориса, после выразительного титула, вторым и еще более действительным средством укрепить высокое положение правителя. Третьим же к тому средством служил старательно обдуманный этикет, тонкости которого были направлены к тому, чтобы сообщить особе Бориса значение не простого государева слуги, а соправителя. Послы, приезжавшие в Москву, представлялись Борису с большою торжественностью. Церемония их встречи на Борисовом дворе, представления Борису, отпуска и посылки от Бориса «кормов» послам была точною копиею царских приемов... Все дела в государстве, по словам Бориса, делались «за его печалованием» и «его промыслом». Самое обращение послов к Борису официально рассматривалось, как челобитье «с великим прошеньем», чтобы он ходатайствовал у царя о деле, и дело это делалось «по повеленью великого государя, а по приказу царского величества шурина». Словом, всем давалось понять, что Борис есть истинный носитель власти в Москве. Очень интересно одно позднейшее осложнение этикета при «дворе» царского шурина. Если не ошибаемся, не позднее 1595 года рядом с именем Бориса начинает упоминаться имя его сына, а сам Федор Борисович показывается, как действующее лицо в церемониях. Когда Борис посылает подарки шаху, Федор посылает подарок шахову сыну. В этом привлечении мальчика в сферу политических отношений можно видеть знак тонкой предусмотрительности Годунова и доказательство того, что все мелочи его поступков и слов, приведенные выше, были обдуманы и соображены. В своем сыне он задолго до воцарения уже намерен был видеть преемника своего положения и власти...

Один дьяк Ив. Тимофеев осмелился прямо поставить пред своим читателем вопрос о виновности Бориса в смерти царевича, но и то лишь потому, что в конце концов убедился в вине Бориса и готов был доказывать его преступность. Он решался спорить с теми, кто не желал верить вине Бориса: «где суть иже некогда глаголющии, яко неповинна суща Бориса закланию царского детища?» спрашивает он, принимаясь собирать улики на Годунова. Но Тимофеев — исключение среди пишущей братии его времени: он всех откровеннее, он простодушно смел, искренен и словоохотлив. Все

прочие умеют сдержать свою речь настолько, что ея смысл становится едва уловимым; они предпочитают молчать, чем сказать неосторожное слово. Тем знаменательнее и важнее для историка две особенности в изложении дел Бориса независимыми и самостоятельными русскими писателями XVII века. Если исключим из их числа таких односторонних авторов, как панигирист Бориса патриарх Иов и панигирист Шуйских автор «повести 1606 года», то сделаем над прочими такое наблюдение: во-первых, они все неохотно и очень осторожно говорят об участии Бориса в умерщвлении царевича Димитрия, а, во-вторых, они все славят Бориса, как человека и правителя. Характеристика Бориса у них строится обыкновенно на красивой антитезе добродетелей Бориса, созидающих счастье и покой Русской земли, и его роковой страсти властолюбия, обращающей погибель на главу его и его ближних...».

С. Ф. Платонов. «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.», стр. 208—210 и 212.

Воцарение Бориса Годунова

«Итак, с достоверностию можно положить, что Годунов не хотел принять короны до приезда выборных из областей и всех лиц, которые на соборах бывают, советных людей, как тогда выражались, хотел быть избран земским собором...

На соборе должны были участвовать 474 человека: из них 99 духовных лиц, которые не могли противоречить патриарху, да и сами по себе были за Годунова; 272 человека бояр, окольничих, придворных чинов, дворян, дьяков; у Годунова была партия и между боярами, тем легче было ему приобресть большинство между второстепенными лицами; выборных из городов было 33 человека только; затем было семь голов стрелецких, 22 гостя, 5 старост гостинных сотен и 16 сотников черных сотен. Все дело решалось, значит, духовенством и дворянством второстепенным, которые были давно за Годунова или смотрели на патриарха, как на верховный авторитет; люди неслужилого сословия составляли ничтожное меньшинство, в выборе из городов видим также людей служилых.

17 февраля, в пятницу, перед масляницей *), открылся собор; патриарх начал речь, об'явил, что по смерти Феодора предложено было царство Ирине; когда та не согласилась, просили ее благословить брата, просили и самого Годунова; когда и он не согласился, отложили дело на 40 дней, до приезда выборных. «Теперь», продолжал Иов, «вы бы о том великом деле нам и всему освященному собору мысль свою об'явили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть» и, не дожидаясь от-

*) Вспомним приведенное выше известие, что чрезвычайные, великие соборы созывались по пятницам.

вета, продолжал: «А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам мимо государя Бориса Федоровича иного государя никого не искать и не хотеть». Тогда советные люди громко и как бы одними устами сказали: «Наш совет и желание одинаково с твоими, отца нашего, всего освященного собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и кроме его на государство никого не искать». После этого началось на соборе исчисление прав Бориса на престол».

С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен», т. 8-й, гл. 1-я, стр. 685—686.

Следственное дело о убиении царевича Димитрия Иоанновича, произведенное в Угличе, по повелению государя царя Федора Иоанновича, бояриноом князем Василием Ивановичем Шуйским, окольничим Андреем Петровичем Клешниным и дьяком Елизарием Вылузгиным

Писано 1591 года, в мае.

Допрос Василисы Волоховой.

«...И вдова Василиса Волохова в разпросе сказала: «что разболелся Царевич Дмитрей в середу, нынешнего 99 году, Майя в 12 день, падучею болезнью, и в пятницу де- и ему маленко стало полехче, и Царица де- и его Марья взяла с собою к обедне, и от обедни пришотчи, велела ему на дворе погулять; а на завтрее, в субботу, пришотчи от обедни, Царица велела Царевичю на двор итить гулять; а с Царевичем были: она Василиса, да кормилица Орина, да маленкие робятка жилцы, да постелница Мария Самоиловна, а играл Царевичь ножиком, и тут на Царевича пришла опять таж чорная болезнь, и бросило его о землю, и тут Царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и преж того, сего году в великое говенье, таж над ним болезнь была падучеи недуг, и он поколол сваею и матерь свою Царицу Марью; в другорядь на него была таж болезнь перед Великим днем, и царевич об'ел руки Ондреевe дочке Нагово, одва у него Ондрееву дочь Нагово отнели. И как царевич в болезни в чорнои покололся ножом, и Царица Марья збежала на двор, и почала ее Василису Царица Марья бити сама поленом, и голову ее пробила во многих местах, и почала еи Василисе приговариват, что будтосе сын ее Василисин Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов Царевича Дмитрея зарезали; и она, Василиса, почала еи бить челом, чтоб велела Царица дати сыск

праведнои, а сын ее и на дворе не бывал; и Царица де велела ее темже поленом бити по боком Григорью Нагово, и тут ее толко чють живу покинули замертва. И почали звонити у Спаса в колокола, и многие люди посадцкие и всякие люди прибежали на двор; и Царица де Марья велела ее, Василису, взяти посадцким людем, и мужики де ее взяли и ее ободрали и простоволосу ее держали перед Царицею; и прибежал де на двор Михаило Битяговской, и почал был разговаривать посадцким людем и Михаилу Нагому, и Царица де Марья и Михайло Нагои велели убити Михаила Битяговского и Михайлова сына, и Микиту Качалова и Данила Третьякова; а говорила де Царица миру, то де душегубцы Царевичю.

А сын ее Осип втепоры был у себя; и как почал шум быти великои, и сын ее Осип прибежал к Михайлове жене Битяговского, и тут его и поимали посадцкие люди и привели его ещо жива перед Царицу, и Михайлову жену Битяговского з дочерми перед Царицуж привели; и царица де миру молила, то де-и убоица Царевичю сын ее Осип Волохов, и сына ее Осипа тут до смерти и убили; а убив, и прохолкали, что над зайцем.

А человек сына его, Васкою звали, и он кинулся и пал на сыне ее на Осипе, чтоб его не убили до смерти, и человека его Васку тутож над сыном ее убили: а другово человека Василисина убили, что увидел Василису, что она простоволоса стоит, и он на нее положил свою шапку, и посадцкие люди за то его убили до смертиж. Да была жоночка уродливая у Михаила у Битяговского, и хаживала от Михаила к Ондрею к Нагому, и сказали про нее Царице Марье, и Царица ее велела приходить для потехи, и та жоночка приходила к Царице; и как Царевичю смерть сталася, и Царица и ту жонку, после того два дни спустя, велела добыть и велела ее убитиж, что будтось та жонка Царевича портила...».

«Собрание госуд. грамот и договоров», т. II, № 60.

Голод в Москве

Дороговизна в Москве

«В то время, по воле божией, во всей московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного еще не приходилось описывать ни одному историку. Даже голодные времена, списанные Альбертом, аббатом Штаденским и многими другими, нельзя сравнить с этим, так велик был голод и нужда во всей Московии. Так что даже матери ели своих детей; все крестьяне и поселяне, у которых были коровы, лошади, овцы и куры, с'ели их, невзирая на пост, собирали в лесах различные коренья, грибы и многие другие и ели их с большой жадностью; ели также мякину, кошек и собак; и от такой пищи животы у них становились толстые, как у коров, и постигала их жалкая смерть; зимою случались с ними странные обмороки, и они в беспамятстве падали на землю,

И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы, также собаки и другие животные.

В самой Москве было не лучше; провозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой; и были наряжены люди с телегами и санями, которые каждодневно собирали множество мертвых и свозили их в ямы, вырытые за городом в поле, и сваливали их туда, как мусор, подобно тому, как здесь в деревнях опрокидывают в навозные ямы телеги с соломой и навозом, и когда эти ямы наполнялись, их покрывали землей и рыли новые; и те, что подбирали мертвых на улицах и дорогах, брали, что достоверно, много и таких, у коих душа еще не разлучилась с телом, хотя они и лежали бездыханными; их хватали за руки или за ноги, втаскивали на телегу, где они, брошенные друг на друга, лежали, как мотовила в корзине, так что поистине иные, взятые в беспамятстве и брошенные среди мертвых, скоро погибали; и никто не смел подать кому-нибудь на улице милостыню, ибо собиравшаяся толпа могла задавить того до смерти. И я сам охотно бы дал поесть молодому человеку, который сидел против нашего дома и с большой жадностью ел сено в течение четырех дней, от чего надорвался и умер, но я, опасаясь, что заметят и нападут на меня, не посмел. Утром за городом можно было видеть мертвых, одного возле кучи навоза, другого наполовину с'еденного и так далее, отчего волосы становились дыбом у того, кто это видел.

Голландец Арендт Классен, долго служивший в царской аптеке и пользовавшийся почетом у тамошних вельмож, как правду рассказывал мне, что он поехал в свое поместье или деревню, и это случилось зимой, и, проезжая по запустелой стране, он нашел дитя, казалось, еще живое и лежащее в снегу без памяти от холода и голода; он поднял дитя и положил в сани под шубы и медвежьи шкуры, которые там были, и, прибыв в одну деревню, где еще оставалось в живых несколько человек, он принес закутанное в шубу дитя в избу и тотчас положил на горячую печку и когда маленькая девочка стала приходить в себя, он немного покормил и напоил ее горячим, тем, что у него было, так что она оправилась и могла немного говорить и понимать слова, то сказала, что вся семья ее умерла от голода и в живых осталась только мать. И говорила она: «Мать бродила со мною; не могла видеть, как я умираю с голоду, убежала в глухое место в кустарник и оставила меня в снегу, на дороге».

Больше ничего нельзя было узнать от нее, и так как Арендту Классену еще предстоял долгий путь, то он оставил ребенка там, в избе, и дал кое-что на его пропитание, сказав: «Я скоро ворочусь и возьму ее с собой, поберегите ее до сего времени». И когда он снова возвратился в ту деревню, то никого не нашел—все жители вымерли, и он был твердо убежден, что ребенка вместе с оставленными им припасами с'ели, а потом сами умерли с голоду. Кто без ужаса может слышать о том? Все это было правдиво передано Классеном и вполне достоверно; и сверх того в то время повсеместно случалось много подобного, и московиты, у которых

был достаточный запас хлеба, пренебрегали этим бедствием и ставили его ни во что».

Исаак Масса — «Краткое известие о Московии в начале XVII в.», стр. 59—60.

Исаак Масса голландский купец, проживавший в Московском государстве с 1601 по 1609 год. В 1610 г. И. Масса написал: «Краткое известие о Московии в начале XVII века», посвятив свой труд принцу Морицу Оранскому (штатгалтер северных провинций Нидерландов). Впервые в России эта книга появилась в 1874 году в переводе Шаховского. Записки Исаака Массы являются одним из важнейших иностранных источников по истории крестьянской войны и польско-шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века.

НАЧАЛО ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. ЛЖЕДМИТРИЙ I

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛЬШИ В КОНЦЕ XVI в. И ЕЕ ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

«К концу XVI в. польское государство превратилось в федеративную шляхетскую республику с избираемым королем во главе, который получил значение только перваго сановника Речи Посполитой, но не государя в собственном смысле. Важнейшие общегосударственные дела стали решаться на сеймах, в состав которых входили король, сенат и шляхетские послы (иногда и вся шляхта...) от отдельных воеводств, представлявших также как бы отдельные шляхетские республики в миниатюре. Послы в подаче своих голосов и мнений строго ограничены были данными им инструкциями от местных шляхетских сеймиков, которые их выбирали и которые предварительно обсуждали все вопросы, подлежащие решению на общем сейме государства. Вследствие этого на сеймах сплошь и рядом не могло состояться общее решение по добровольному соглашению. В таких случаях стали составляться частные союзы шляхты, или конфедерации, для проведения того или другого государственного мероприятия силою. Такой индивидуализм, в существе дела бывший отрицанием государственнаго союза, очень ценился польскою шляхтою, как современниками, так и потомками, и слыл у них, как «золотая вольность»... шляхты. Эта золотая вольность, тесно связанная притом с железным порабощением народной массы, и была главною причиной упадка и окончательнаго падения Речи Посполитой».

М. Любавский — «История западных славян». Раздел о Польше, стр. 310.

Обличения и предсказания иезуита Петра Скарги

«При отсутствии сильной государственной власти, при недостатке военных и финансовых средств, при внутренних смутах и неурядицах, при моральном упадке правящего класса и угнетении народной массы Польское государство имело очень мало шансов на сохранение своего существования. Это ясно сознавалось лучшими людьми польского общества уже в начале

XVII в. В этом отношении особенно выдается знаменитый проповедник, иезуит Петр Скарга, который в своих сеймовых «казаниях» дал яркое изображение всех недугов, которыми страдала Речь Посполитая, и начертал всю ея дальнейшую историю. С таким, чисто пророческим предведением того, что произойдет в будущем, редко приходится встречаться в истории. «Боже мой, — говорил Скарга, — какая роскошь проникла в это царство. От мала и до велика все отвергли святую умеренность и презрели жизнь старопольскую, воинственную. Всякий хочет пить вино, редкий пан без шелку, без шестерни лошадей, без ливреи. Пропало и сотрадание к Речи Посполитой. Никто не озаботится поддержанием крепостей и стен. Речь Посполитая становится убогою, богатеют лишь отдельные дома. Завелось такое казнокрадство, что лишь половина податей, собираемых с мещан и крестьян, доходит по назначению. Кто исчислит все клеветы, ябеды, обманы и измены в судах? Все кровосмешения, прелюбодеяния и лжесвидетельства? А этот кровавый пот живых подданных или крестьян, который льется безпрестанно, не накликает ли он кару Божью на — все государство? По какому праву кмети вольные, поляки и христиане убогие, обращаются в крепостных, как будто бы они были купленные невольники или военнопленные? По какому праву владельцы делают с ними, что хотят? Почему эти люди не имеют ни защиты, ни суда, который охранял бы их жизнь, здоровье и собственность? Почему мы распространяем на них жестокое насилие, которого сами для себя терпеть не можем? Зачем обращаться с ними, как с невольниками, а не как с наймитами?» Скарга понимал, что все его сетования напрасны, все его обличения не тронут тех, против кого они направлены, и уста его с ясноведением древнего пророка предрекали гибель отечеству. «Что мне делать с тобою, бедное государство? Если бы я был Исаия, то я бы ходил наг и бос, взывая к вам, преступники и преступницы закона Божия! **Стены вашей Речи Посполитой трескаются безпрестанно, а вы говорите: ничего, пустяки: Польша держится безначалием.** Вы не понимаете, что нельзя Польше держаться безначалием, что это противно разуму. Безначалием и безпечностью все валится и падает: а так как безначалие проистекает от слепоты греховной, то вышло бы, что Польша держится грехами и уходит как-то от Божьего наказания. Она падет, когда вы и чаять не будете, и всех вас раздавит развалинами. Наступит на вас враг внешний; воспользовавшись вашими распрями, скажет: разделилось сердце их, теперь они погибнут. Эти раздоры заведут вас в плен, в котором все вольности ваши утонут и в смех обратятся. Земли и княжества великие, которые соединились и в одно тело срослись с короною, отпадут и разорвутся... Вы поглощены будете другими народами, которые вас ненавидят. Вы лишитесь не только государя из крови вашей и права избирать его, но и королевства и отече-

ства; вы станете нищими изгнанниками, презренными бродягами, которых будут попирать ногами там, где их прежде превозносили и славили».

М. Любавский—«История западных славян». Раздел о Польше, стр. 317.

Из польских условий мира с русским государством 3-XII—1600 года

«Сапега *) представил условия вечного мира, состоявшие из следующих статей: ...7) Подданным обоих государств вольно приезжать, вступать в службу придворную, военную и земскую— Полякам и Литовцам в Москве, Русским — в Польше и Литве. ...9) Поляки и Литовцы в Московском государстве. Русские в Польше и Литве могут выслуживать вотчины, поместья, покупать земли, брать в приданое. 10) Жителям польских владений вольно присылать детей своих учиться и в службу в Московское государство, и жителям последнего во владения польския. 11) Тем Русским, которые приедут в Польшу в Литву для науки или для службы, вольно держать веру Русскую; а которые из них поселятся там, приобретут земли, таким вольно на своих землях строить церкви русские. Тем же правом пользуются Поляки и Литовцы в Московском государстве, держат веру Римскую и ставят римские церкви на своих землях. 12) Государь и великий князь Борис Федорович позволит в Москве и по другим местам строить римские церкви для тех Поляков, которые у него будут в службе, для купцов и послов польских и других католических государств. 13) Купцам путь чистый по землям обоих государств и чрез них в другие государства; мыто остается старое. 14) Беглецов, воров, разбойников, зажигателей и всяких преступников выдавать с обеих сторон. 15) Заодно оборонять Украйну от Татар. 16) Оба государства должны иметь общий флот на море Литовском и на море Великом. 17) Монета должна быть одинаковая в обоих государствах. 18) Для крепчайшего соединения этих славных государств и для об'явления его пред целым светом должны быть сделаны двойные короны: одна послом московским возлагается при коронации на короля Польского, а другая — послом польским возлагается на государя Московского. 19) Король в Польше избирается по совету с государем Московским. 20) Если бы король Сигизмунд не оставил сына, **то Польша и Литва имеют право выбрать в коро-**

*) Лев Сапега, канцлер Литовского княжества, не раз бывавший в составе польских посольств в Москву, бывалый и ловкий дипломат.

Канцлер — важнейшая государственная должность в Польско-Литовском государстве. Это был королевский министр (назначавшийся отдельно для Польши и Литовского княжества), хранитель государственной печати, начальник государственной канцелярии, выступавший от имени короля на сеймах, в переговорах с иностранными послами, кроме того, канцлер следил, чтобы королевские распоряжения не нарушали прав «вольности шляхетской».

ли государя Московского, который, утвердив права и вольности их, должен жить поочередно два года в Польше и Литве и год в Москве. 21) По смерти государя Московского, сын его, при вступлении на престол, подтверждает присягою этот союз. 22) Если бы у государя Московского не осталось сына, то король Сигизмунд должен быть государем Московским. 23) Княжество Смоленское и Северское с тремя крепостями, принадлежавшими к Полоцку, должны быть возвращены Польше».

С. М. Соловьев—«История России с древнейших времен», т. 8, гл. I, стр. 698—700.

Письмо Сигизмунда III к канцлеру Яну Замойскому *)

«Сигизмунд III, Божиею милостию король Польский, великий князь Литовский... (титул сокращаем).

«Ясновельможный, любезный нашему сердцу.

Есть обстоятельство и случай, достойный большаго внимания, о котором Мы хотели написать к вам и узнать о нем ваше мнение. В пределах нашего государства показался московский человек, который первоначально проживал по русским монастырям, потом об'явил себя сыном умершаго великаго князя Московского, Ивана Васильевича, Димитрием. У Ивана, уже после войн, которыя он вел с предком нашим, королем Стефаном, был сын Димитрий, который остался, по смерти его, младенцем. Он, в царствование брата своего Феодора, недавно умершаго великаго князя Московскаго, как известно, умер. Одни говорили, что он был убит, — другие причиною смерти его выставляли иныя обстоятельства. Тот, который в настоящее время выдает себя за сына Иванова, передает следующее: его учитель, человек благоразумный, заметивши, что умышляют на жизнь того, который поручен был его опеке, взял — при появлении тех, которые должны были убить Димитрия — другаго младенца, отданнаго ему на воспитание, который ничего не знал об этом обстоятельстве, и положил его в постель Димитрия: таким образом, этот младенец, неузнанный, ночью в постели был убит, — а того учитель укрыл, потом отдал в надежное место для воспитания; подросши, уже по смерти учителя, он — для прикрытия себя — поступил в монахи и за тем отправился в наши пределы; отсюда признавшись и об'явивши, что он сын великаго князя, отправился к князю Адаму Вишневецкому, который дал нам знать о нем, а мы приказали, чтобы он прислал его к нам; до сего времени он не присылал его и до нас доходит слух, будто бы Димитрий отправился к Низовым казакам, с тем, чтобы при помощи их занять Московский престол. Это обстоятельство учинило в Москве не малую тревогу и, вероятно, теперешний князь, Борис Годунов,

*) Ян Замойский — канцлер польский, тогда как Лев Сапега был канцлер литовский.

обратив внимание на этого князька, и видя также подданных не очень к себе расположенными, тревожится и шлет к нашей границе людей, замки занимает людьми надежными, или родственниками, или такими, которые обязаны ему его благодеяниями. Лазутчики принесли известие с границы Смоленской, что там тревога великая; также и один знатный московитянин, убегший из Смоленска, тоже разсказывает, что в Москве идет молва об этом Димитрие, и что там все поражены этим обстоятельством. Есть один инфлянтец, который прислуживал сыну покойнаго Ивана, Димитрию, в детстве его, и был при этом обстоятельстве, когда напали на дитя и совершили убийство истиннаго ли сына или подложеннаго младенца — не знал он об этом ничего; теперь он ездил к тому, что находится у князя Вишневецкаго и — по известным ему знакам на теле Димитрия и по многим обстоятельствам, упомянутым в это время в разговоре Димитрием, он находит его истинным сыном Ивана. Некоторые из наших **панов-рад указывают нам, что этот важный случай послужит к добру, славе и увеличению Речи-посполитой: ибо, еслибы этот Димитрий, при нашей помощи, был посажен на царство, много бы выгод произошло из этого обстоятельства и Швеция, в таком случае, легче могла бы быть освобождена и Инфлянты были бы успокоены и силы, сравнительно с каждым неприятелем, могло бы много прибыть;** с другой стороны, дело идет о нарушении союза, о трудностях, которыя бы пали на Речь-посполитую, к тому не только на время настоящее. В этом деле, на той и на другой стороне, есть много такого, на что нужно обратить внимание; почему мы обращаемся к вам за вашими советами и желаем, чтобы вы написали нам свое мнение по этому предмету. За тем желаем вам добраго здравия от Господа Бога».

Дан в Кракове, месяца февраля 15 дня, лета 1604, царствования нашего — Польскаго 17, Шведскаго 10-го года. Сигизмунд король.

«Записки гетмана Жолкевского». Приложения, док. № 2, стр. 6—8.

Станислав Жолкевский — коронный гетман (главный военноначальник) Польши. В войне Стефана Батория с Московским государством Жолкевский уже командовал эскадроном кавалерии; разгромил восстание запорожских казаков в Лубнах в 1596 году; участник многочисленных войн Польши со Шведами, Нагайскими и Крымскими татарами, турками. Жолкевский был против польской интервенции России вследствие напряженного внешнего положения Польши, но по принуждению Сигизмунда III отправился в Московский поход. Умный и дальновидный политик, пользуясь предательством московских бояр, он добился избрания на русский престол королевича Владислава. Но когда в королевском стане Сигизмунд, несмотря на уговоры Жолкевского, не хотел утвердить заключенного с боярами договора, добиваясь русского престола для себя, Жолкевский, не желая участвовать в авантюристских планах короля, удалился в свои поместья и решительно устранился от участия в дальнейшей борьбе Польши с Россией. Погиб 1620 г. в войне с турками. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне найдены и изданы Н. Мухановым в 1834 г.

Договора Лжедимитрия 1-го с Мариной Мнишек, Юрием Мнишек и польским королем

«Мы, Димитрий Иванович, Божиею милостью, царевич Великой Русии, Углецкий, Дмитровский и иных, князь от колена предков своих и всех государств Московских государь и дедичь...» (титул сокращаем).

«Разсуждая о будущем состоянии жития нашего не только по примеру иных монархов и предков наших, но и всех християнски живущих, за призрением Господа Бога всемогущего, от которого живет начало и конец, а жена и смерть бывает от негож, усмотрили есмя и улюбили себе, будучи в королевстве в Польском, в дому честнем, великого роду, житья честного и побожного, приятеля и товарыща, с которым бы мне, за помочью Божиею, в милости и любви непременяемой житие свое проводити, ясневельможную панну Марину с Великих Кончиц Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Львовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь ясневельможного пана Юрия Мнишка с Великих Кончиц, воеводы Сендомирского, Львовского, Меденицкого и проч. старосты, жуп, Русских жупника, которого мы испытавши честность, любовь и доброжелательство, для чего мы взяли его себе за отца, и о том мы убедительно его просили, для большаго утверждения взаимной нашей любви, чтобы вышереченную дочь свою панну Марину за нас выдал в замужество. А что тепере мы есть не на государствах своих, и то теперь до часу: а как даст Бог, буду на своих государствах жити, и емуб попомнити слово свое прямое, вместе с панною Мариною, за присягою; а яз помню свою присягу, и нам бы то прямо обема сдержати и любовь бы была меж нас, а на том мы писаньем своим укрепляемся. А вперед во имя пресвятыя Троицы, даю ему слово свое прямое царское: что женюсь, на панне Марине; а не женюсь, и яз проклятство на себя даю, утверждая сие следующими условиями. Первое: кой час доступлю наследственного нашего Московского государства, яз пану отцу его милости дам десять сот тысяч злотых Польских, как его милости самому для ускорения под'ема и заплаты долгов, так и для препровождения к нам ее, панны Марины будущей жены нашей, из казны нашей Московской выдам клейнотов драгоценнейших, а равно и серебра столового к снаряду ея; будене самому ея, панны, отцу, в небытность его по какой либо причине, то послам, которых его милость пришлет, или нами отправленных, как выше сказано без замедления дать, даровать нашим царским словом обещаем. Другое то: как ступим на наш царский престол отца нашего, и мы тотчас послов своих пришлем до наяснейшего короля Польского, извещающи ему и бьючи челом, чтоб то наше дело, которое ныне промеж нас, было ему ведомо и позволил бы то нам сделать, без убытка. Третее то: той же преж реченной панне жене нашей дам два государства

великия, Великий Новгород да Псков, со всеми уезды, и с думными людьми, и с дворяны, и с детьми боярскими, и с попы, и со всеми приходы, и с пригородки, и с месты, и с селы, со всяким владением, и с повольностью, со всем с тем, как мы и отец наш теми государствы владели и указывали; а мне в тех обоих государствах, в Новегороде и во Пскове, ничем не владети, и в них ни во что не вступатися; тем нашим писаньем укрепляем и даруем ей панне то за тем своим словом прямо. А как, за помочью Божиею, с нею венчаемся, и мы то все, что в нынешнем нашем письме написано, отдадим ей, и в канцрерии нашей ей то в веки напишем, и печать свою царскую к тому приложим. А будет у нашей жены, по грехом, с нами детей не будет, и те обои государства ей приказати наместником своим владети ими и судити, и вольно ей будет своим служилым людям поместья и вотчины давати, и купити и продавати, также вольно ей, как ся ей полюбит, что в своих в прямых удельных государствах монастыри и костелы ставити Римские, и бискупы и попы Латинские, и школы поставляти и их наполняти, как им вперед жити; а самой жити с нами; а попы свои себе держати, сколько ей надобе, также набоженство своей Римские веры держати безо всякие забороны, якоже и мы сами, с Божиею милостью, соединение сие приняли; и станем о том накрепко промышляти, чтоб все государство Московское в одну веру Римскую всех привести, и костелыб Римские устроити. А того Боже нам не дай, будет те наши речи в государствах наших не полюбятся, и в год того не сделаем, ино будет вольно пану отцу и панне Марине со мною развестися, или пожалуют побольше того подождут до другого году. А яз тепере в том во всем даю на себя запись своею рукою, с крестным целованьем, что мне все сделати по сему письму, и присягою на том, на всем, при святцком чину, при попех, что мне все по сей записи сдержати крепко и всех Русских людей в веру Латынскую привести. Писана в Самборе, месяца мая 25 дня, лета 1604.

Подпись: Царевич Димитрий».

Подобным же договором 1604 года Лжедимитрий отдавал одну половину Смоленской и Северской областей воеводе Сендомирскому, а другую королю Польскому.

«Собрание госуд. грамот и договоров», том 2, № 139, 165.

Письмо Лжедмитрия I к папе Клименту VIII

(Перевод с латинского)

«Святейший и блаженнейший во Христе Отец!

Кто я, дерзающий моим письмом обезпокоить ВС., из'яснит ВС. Высокопреподобный ВСтва при ЕВ, короле польском посол, которому я открыл причины возникновения всех моих

помыслов. Я избегнул рук лютейшего тирана и ушел от смерти, от которой еще в самом течении моего детства избавил меня Всемогущий Бог дивным и во истину необычным своим промыслом, направил в эту страну, подвластную ЕВ, королю польскому и сохранил доныне в безвестии и тайне. Но настало время, когда я должен был наконец открыться, и предстать перед ЕВ. королем. Когда явился я к нему, и когда я прилежнее присмотрелся к цветущему состоянию католической веры по обряду С. Римской церкви, я постепенно стал прилагать свое сердце к восприятию и познанию ея, и обрел, наконец, сокровище ценнейшее и царство много славнейшее и лучшее чем то, которого я лишился великим нечестием тирана.

И, усердно радея о спасении души моей, воочию постиг я, в какой вместе со мной великой опасности находится все московское государство по причине греческой схизмы, враждебной возсоединению с католической церковью, и сколь незаслуженно позорят непорочное и древнейшее учение и веру католической и апостольской римской церкви греки, виновники и зачинщики схизмы.

А посему, укрепленный духом, силою исключительной благодати Божией, без всякого промедления приступил я к помянутому возсоединению и римско-католической вере и, укрепленный церковными таинствами, стал смиренною овцою ВСтва, как верховного пастыря всего христианства.

Но в силу моих обстоятельств я должен еще доселе скрываться в чаянии того, что решит обо мне Бог всего мира, избавивший меня от стольких опасностей и сохранивший доселе. Уповаю, однакоже, на Его Божью благость в том, что после стольких ниспосланных мне благодеяний, возстановит он на отчем царстве меня, рожденного от славной и древней крови державнейших московских князей, если на то будет его святая воля, коей я себя всецело поручаю.

Но если и не будет сие Ему благоугодно достаточно мне будет и того даже, что я познал католическую истину и приступил к возсоединению с церковью Божией, которое возможет привести меня к вечному царствию.

Буде же Всеблагий и Всемогущий Бог откроет мне путь к отчему моему престолу и воззрит на мою справедливость и правоту, всенижайше молю ВС. не оставить меня без покровительства и благоволения. Может, ведь, Всемогущий Бог мною недостойным (рабом своим) расширить свою божественную славу в обращении к истине заблудших душ и в возсоединении с церковью столь великого народа. Кто знает, на что благоволил Он присоединить меня к своей церкви?

Лобызаю ноги ВС., как Самого Христа и низменно преклоняясь, возношу должное повиновение и подчинение Верховному Пастырю и отцу всего христианства. Все сие излагаю ныне

пока в тайне и униженно прошу ВС. благоволить сохранить сие до времени в тайне. Дан в Кракове 24 апреля в год спасения 1604. ВС. Нижайший слуга Дмитрий Иванович царевич России и наследник Московской Монархии».

«Известия отделения русского языка и словесности», т. IV, кн. II-я, стр. 381—385.

Сношения Лжедмитрия I-го с Польшей, папой и иезуитами *)

В Польше знали все, что происходило в Московии; туда бежало из Москвы также много воров, поступавших на службу к некоторым польским вельможам, к пану Вишневецкому, к воеводе Сандомирскому и многим другим, называть которых нет надобности. В числе их был один человек, некогда бывший в Москве служкою у одного монаха или игумена в Чудовом монастыре; этот служка был потом пострижен в монахи, и он списывал или копировал многие книги своего учителя и таким образом достиг разумения всех тайн в государстве, также обладал он острым умом и знал все деяния Бориса, и как он, Борис, повелел убить Димитрия, и это убийство было затемнено многими другими происшествиями и забыто, как о том было довольно сказано. Все эти и подобные им дела накрепко запечатлелись в его памяти и, взяв то, что ему было нужно, и похитив у своего учителя несколько тайных бумаг, он бежал, нищим прошел всю страну и пришел в Польшу, где хорошо научился польскому языку, и затем несколько раз побывал в Московии, то как батрак, то как нищий странник, также был он в Москве в 1601 г. вместе с польским послом, заключившим мир между Польшею и Московией на 22 года, и выдавал себя за дворянина и слышал все тайны государства и (узнал) все, что там происходило; с давнего времени он выдавал себя в Польше за сына Ивана Васильевича, коего считали убитым в Угличе, и умел привести многие доказательства, рассказывая о том, как и каким способом он спасся при помощи некоторых царедворцев, которых он мог назвать по имени, но из коих ни одного не было в живых, также умел он слово в слово перечислять все обстоятельства, ничего не упуская, и как вместо него убили другого, одетого в его платье и совершенно на него похожего, одним словом, он

---

*) Иезуиты — это был воинствующий католический, духовный орден, созданный римским папой в XVI в., как главное орудие борьбы с реформационным движением в Западной Европе.

Орден иезуитов не брезговал самыми подлыми и низкими средствами: лицемерием, подкупом, обманом, изменой, убийствами и т. д.

Иезуиты вели работу по распространению католичества и искоренению православия.

твердо стоял на своем, и в Польше иезуиты, подвергнув его строгим испытаниям и допросам, как сказано, заставили подтвердить под присягою; также мог он сказать час и день своего рождения, убиения и похорон, как они полагали, что он узнал из книг и летописей своего учителя, так что ему твердо верили; и пан Сандомирский и многие его единомышленники, все иезуиты известили обо всем том с начала до конца папу, испрашивая у него совета; тот, по зрелому обсуждению и взвесив все обстоятельства, разрешил приступить к чудесному предприятию против Московии, сперва послав в Москву своего легата, будто для того, чтобы испросить свободный проезд через Московию в Персию, между тем ни зачем другим, кроме как для того, чтобы найти удобный случай разведать о стране и о характере народа, его состоянии, легковерии и бедности; и, получив обо всем этом обстоятельное донесение, (папа) вознамерился надежными и быстрыми средствами одолеть и присовокупить эту страну именем Димитрия, сына покойного великого князя, так как простонародье любит смену государей и всегда надеется получить лучшего государя, сверх того, они, московиты, повидимому, получили законного наследственного государя, так что полагали, что предприятие не должно потерпеть неудачи, а завершиться успехом.

Этот Димитрий начал чем дальше, тем больше заявлять о себе и держаться все смелее, добиваясь помощи от польских чинов и вельмож, чтобы отвоевать свой наследственный удел и наказать изменника, беззаконно овладевшего его отцовским престолом в Москве, и сверх того обещал жениться на дочери воеводы Сандомирского, но не прежде, чем он (Димитрий) займет отцовский престол, и обещал сделать ее царицей московской, также искал помощи от короля и во всем ему открылся.

...В Польше, однако, не угомонились; но, получив окончательное согласие папы и всех иезуитов в Польше, Димитрий заключил с воеводой Сандомирским договор, по коему он должен был взять в жены его дочь и сделать ее царицею, как только займет отцовский престол на Москве; сверх того должен был он уплатить все, что польские паны и иезуиты из некоторых монастырей дадут ему взаймы. И обещал воеводе Сандомирскому княжества Псковское и Новгородское, сыну его — Смоленск и, далее, землю Северскую, а сверх того он должен был прежде всего обещать папе, что вся страна так скоро, как он сможет, переменит религию и перейдет в римско-католическую (веру), также должен был он обещать переменить все церковные обряды и повелеть совершать их подобно тому, как определят те, коих к тому определит папа, также повелеть учредить школы в городах и деревнях, подобно существующим повсеместно в Польше, дабы юношество, которое в Московии воспитывают глупо и невежественно, было направлено на путь, по их (поляков) мнению истинный; одним словом, он обещал

им все и твердо вознамерился исполнить обещание, но всемогущее провидение тому воспрепятствовало.

Исаак Масса — «Краткое известие о Московии в нач. XVII в.», стр. 74—76.

Письмо папы Павла V к Марине Мнишек

«Содержание письма к Марине, супруге Димитрия, было следующее: папа Павел V возлюбленнейшей во Христе дочери посылает мир и апостольское благословение. Неоднократно мы будем впредь из'являть твоей светлости чувства отцовской нашей любви; тебя, подобно новому растению, посаженному в вертограде Господнем, будем орошать частыми благословениями, чтобы, принося ежегодно счастливый плод, ты множилась подобно виноградной лозе, осеняющей дом твой. Благословенная Господом дочь моя, да будут благословенны все сыны твои, от которых мы ожидаем, что они будут такими, какими их желает видеть церковь, и какими она вправе ожидать их от набожности родителей, то есть всегда готовыми к распространению веры христианской. Добрые родители должны детей своих воспитывать не в лести, но в набожности и страхе Божием; ежели с детства будут вселяемы в них эти добродетели, служащия к тем большему возбуждению каждому человеку врожденнаго религиознаго чувства, то дети, достигнув зрелых лет, сделаются мужественными защитниками религии и ревностными ея распространителями. Тебя, возлюбленная дочь, мы просим обратить внимание на то, как Апостол приказывает воспитывать детей: сынов ваших воспитывайте в набожности и страхе Божием. Теперь, по обязанности нашего сана, мы просим твою светлость только об одном этом; а ты слушайся отцовских наших увещаний. Доверяй Андрею Ланицию, который вручит это письмо, и который откроет тебе чувства отцовской любви нашей. Люби его и орден иезуитов, спасительный для целаго света; люби их так горячо, как мы любим. Апостольским благословлением нашим, которое ты получишь от Ланиция, укрепляйся в христианской набожности. Дан в Риме, 10-го апреля 1606, первосвященничества нашего в первом году. Адрес письма был такой: возлюбленной во Христе дочери Марине, великой княгине Московской».

«Записки гетмана Жолкевского». Из рукописи Ксендза Яна Велевицкого *), стр. 150—151.

---

*) Ян Велевицкий, член ордена иезуитов; отрывки из его дневника найдены и переведены Н. Мухановым и изданы в приложении к «Запискам гетмана Жолкевского». Н. Муханов — участник похода Паскевича для подавления восстания в Польше; в Варшаве отыскал ценнейшие рукописи Жолкевского и др. материалы о польской интервенции в Россию, двести лет пролежавшие под спудом.

ЛЖЕДМИТРИЙ 1-й

Разоблачения Петрея *) о Лжедимитрие

*) Шведский посланник Петрей жил в Москве 4 года в царствование Годунова, Лжедмитрия и Шуйского, и в 1620 году издал хронику Московскую. Н. Устрялов дает ее в отрывках, («Сказания современников...», том 1-й), как приложение к «Беровой Московской Летописи», так как Петрей многие страницы переписал у Бера.

«Петрей обличает самозванство Димитрия следующим образом:

1. Если бы истинный Димитрий вступил на престол, то он был бы не старее 22 лет; а Гришка имел по крайней мере 30 лет.

2. Едва Гришка был коронован, явился в Кремле один монах из того самого монастыря, откуда бежал обманщик, и всенародно говорил, что он прежде знал нового царя; что этот царь не сын Иоанна Васильевича, а Гришка Отрепьев, беглец, обманщик, изменник; уверял, что сам учил его чтению и письму, что знает его родину, его отца и мать, знает почему родня посадила его в монастырь, как долго там он был и когда скрылся. Народ, услышав такие речи, схватил монаха и представил царю. Чернец не испугался, говорил тоже самое, и смело называл Димитрия обманщиком. Его казнили мучительною смертию, без всякого исследования: правда глаза колет.

3. Гришкин родственник Елеазар Отрепьев говорил и Московским боярам и Польскому королю Сигизмунду, пред всем сенатом, и Шведскому государю Карлу IX, что мнимый Дмитрий был сын его брата и что заключенный отцем в монастырь, за не годные поступки, для исправления, он ушел тайно в Польшу, научился там военному искусству, и по совету злых людей, недоброжелателей Борисовых, особенно какого-то монаха, назвал себя Дмитрием.

4. Князь Василий Иванович Шуйский, знавший истинного царевича, видевший его мертвое тело и похоронивший его, свидетельствовал самозванство Отрепьева. Гришка велел схватить уличителя, вывести на площадь и положить на плаху, в намерении умертвить его, если не отречется от своих слов. Князь, по слабости человеческой, любил жизнь более смерти, зажал себе рот и об'явил, что все слова его были клеветою: ибо он ценил жизнь и обман дороже истины и славы...

И так его простили и возвели в прежнее достоинство.

5. Один стопятилетний благородный старец, служивший убиенному Димитрию, уверял в Угличе многих, что он видел своими глазами мертвого царевича, что убитый был точно сын Иоаннов, а не подложный отрок, как разглашали крамольники, и что принявший имя Дмитрия был самозванец.

6. Голландский аптекарь Аренд Клаузенд, бывший 40 лет при царских аптеках, свидетельствовал, что он видал истинного Димитрия еще младенцем, что царевич был так же смугл, как и мать его, Мария Федоровна, а в мнимом Димитрии этого сходства не заметно.

7. То же самое говорила благородная Лифляндка фон-Тизенгаузен, которая безотлучно находилась при царице-матери, видела Димитрия мертвым в Угличе и присутствовала на его погребении.

8. Лжедимитрий, сведав, что общий голос именовал его Самозванцем, пришел в монастырь к царице Марии Федоровне и об'явил ей о своем намерении вырыть из могилы и перенести на другое кладбище кости того священнического сына, который был убит вместо его и погребен, как царевич; но царица отвергла такое предложение, ибо знала, что в могиле покоился прах ея собственного сына. Следовательно, если бы Гришка был истинный царевич, мать охотно исполнила бы его желание, для рассеяния неблагоприятных ему слухов и для утверждения его на престоле. Называла же царица обманщика сыном своим единственно потому, что ложью она возвратила себе прежнее достоинство, и что весь род Годунова, убийцы ея сына, долженствовал погибнуть.

9. Петр Басманов, вернейший советник и царедворец Лжедимитрия, пожертвовавший за него жизнию, признавался по доверенности многим людям, еще до смерти Самозванца, что царь был не истинный Димитрий, а другой человек; но как он правил государством благоразумно и Русские ему присягнули, то, говорил Басманов, мы должны быть им довольны и молить всемогущего Бога о его здравии и благоденствии; притом во всей России нельзя найти лучшего и умнейшего государя.

10. Знаменитый Польский вельможа Ян Сапега говорил, что мнимый Димитрий был побочный сын Стефана Батория (но это ложь: он был Гришка Отрепьев); что посему-то Поляки словом и делом, войском и казною, помогали ему завоевать Москву; что на зло Русским, Димитрий, сын Иоанна Васильевича, умерщвленный и в Угличе и в Москве, опять воскрес и должен покорить их, хотя бы они перебесились от досады; что если и сей Димитрий погибнет, Поляки найдут другого и непременно завладеют Московиею».

Н. Устрялов, «Сказания современников о Дмитрие», т. 1-й, стр. 386—387.

Поход Лжедимитрия I

«Той же Рострига, названный царевичь, приходит к единому порубежному городку от Северских городов, Монастыревской зовомый, и посылает писание свое во град, яко он есть царевичь Дмитрей, его же Борис Годунов повеле убити, и милостию

же Божиею избавлен бысть от убиения, идет доступати отеческаго своего престола. Людие же городка того радуютца о том радостию великою зело и приимают его с честию. И оттоле посылает от себя грамоты во град в Чернигов и во град Путивль, во все грады Северскыя страны, яко он есть царевичь Дмитрей, сохранен от смерти, идет на царский престол. Воеводы же Черниговскые, яко крепкые поборницы, князь Иван Ондреевичь Татев и князь Петр Михайловичь Шеховской, и Путивлскые воеводы, Михайло Михайловичь Салтыков да князь Василей Михайловичь Мосалской, никако того восхотеша прияти и поведают о нем народу, дабы не сумневалися о том, яко ложь есть, а не истинна: той есть существенной рострига Гришка Отрепьев, а не царевичь Дмитрей, и идет на разорение християнские веры. Народи же градов тех возопиша гласом велиим, да пойманы будут воеводы, яко изменницы суть и единогласникы Бориса Годунова: не хотя видети прироженнаго государя на Московском царствии, поведают нам сия пустошная словеса! — И пойманных воевод и связанных ведут безчестне до нареченнаго царевича и предают ему грады в руце ево, Путимль и Чернигов и ины грады страны Северския. И ту собирает воинство великое Литовского народу и тамо жителствующих Северских людей, и грядет под Северский Новгородок, и тамо ево облягает и утверждаетца обозами, и начинает по городу стреляти и всяческими домышленьми досегати какобы ему град той одолети. В том же граде бысть воеводы от царя Бориса князь Никита Романовичь Трубецкой да Петр Федоровичь Басманов; той же Петр Басманов многое дивное о собе творяще и град ополчением своим мужески защищаще.

Предреченныи же бояре и воеводы к царю Борису, князь Федор Ивановичь Мстисловской и князь Дмитрей Иванович Шуйской с товарыщи своими, со многою ратию приидоша под он Новгородок на избавление его и составиша брань велию зело с Ростригою и с воинством его. И брань плит жесточайшая на обе страны, падают трупие мертвых семо и овамо*); на конец же той брани, греха ради православного християнства, побежденно быша Московское воинство, уже давшесе бегству. Поляцы же усты меча гонят, в крови християнской руце свои обагриша, и началника всего Московского воинства, князя Федора Ивановича Мстисловского, поранивше зело, и с коня его низвергоша, и отвезен бысть з бою ранен. И тако плит брань жесточайшая чрез день; уже солнцу уклоншуся на запад и покрыся земля ношною тмою, и тако преста брань. Рострига с воинством поиде на свои станы, а воеводы царя Бориса, отшед от городка якобы едину 10 верст, и тамо шатры поставиша и почиша сном. И от тое брани Рострига возвратися во град Путивль и нача к себе войско Литовское призывати и, собрав

*) «Семо и овамо» — туда и сюда.

войско велие зело, устремися поити на воевод Московского воинства; началницы же и воеводы всего Московского воинства никако сего ужасошася и повеленное царем Борисом вся исполняют. Поидоша противу Ростриги, и сошедшимся има в месте, глаголемом Чемлиге, и ту составиша брань жесточайшую; блистают сабелныя лучи, аки солнце, падают трупия мертвых семо и овамо, и тако бысть брань велия. Ростригино же войско помалу оскудеваше и вдашася бегству; Московстии же народи поля обретают и усты меча гонят, овых же убивают, овых *) уязвляют, овых низлагают; тако побеждены быша Поляцы. Рострига же той едва сам от поимания избы, и прибежав до града Путимля, и тамо утвердися с тамо жительствующими народы а войско же его все разыдошася от тоя брани восвояси. Царевы же воеводы и началницы поидоша со всем воинством под городок Кромы и тамо его облегоша, понеже седоша казацы в нем Ростригины и много пакости творяще царевым людем. Царевы же воеводы стояше под городком три месяца и брани безчисленны творяше, и ис пушек из великих и из огненных непрестанно стреляху, и городок той запалиша; людие же городка того никако о сем ужасошася, но и паче укрепляхуся и людей царевых безчисленно побиваху».

«Из повести князя Ивана Михайловича Катырева — Ростовского» — Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 571—574.

Из грамоты Лжедмитрия к московским боярам и другим всякого звания людям, о правах его на престол Российский 1605, в июне

«От царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, бояром нашим, Князю Федору Ивановичу Мстиславскому, да Князю Василью да Князю Дмитрею Ивановичем Шуйским, и всем бояром, и околничим, и дворяном болшим, и столником, и стряпчим, и жилцем, и приказным людем, и дьяком, и дворяном из городов, и детем боярским, и гостем и торговым лутчим людем, и середним, и всяким черным людем. Целовали есте крест блаженныя памяти отцу нашему, великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русии, и нам чадом его, что было опричь нашего государьского роду на Московское государство иного Государя никого не хотети и не искати; и как, судом Божиим, отца нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русии не стало, а на Российском государстве учинился брат наш, великий Государь Царь и Великий Князь Федор Иванович всеа Русии, и **) нас великого

*) Овых — иных.

**) Государыню мою мать, Царицу и Великую Княгиню инокиню Марфу Федоровну всеа Русии, и

Государя, изменники наши послали на Углечь и толикое утеснение нашему Царскому Величеству делали, чего и подданным делати было негодно, присылали многих воров и велели нас портити и убити: и милосердый Бог нас великого Государя от их злодейских умыслов укрыл, оттоле даже до лет возраста нашего в судбах своих сохранил; а вам, бояром нашим, и околничим, и дворяном, и приказным людем, и гостем, и торговым и всяким людем, изменники наши вмещали, будто нас великого Государя не стало и похоронили будто нас великого Государя на Углече в собраной церкви у всемилостиваго Спаса. И как, судом Божиим, брата нашего великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии не стало, и вы, не ведаючи про нас, прироженнаго Государя своего, целовали крест изменнику нашему Борису Годунову, не ведаючи его злокозненнаго нрава и бояса того, что он блаженныя памяти при брате нашем Царе и Великом Князе Федоре Ивановиче всеа Русии владел всем государьством Московским, и жаловал и казнил кого хотел; а про нас есте прироженнаго Государя своего не ведали, а чаяли нас от изменников наших убитого. А как про нас великого Государя учал быти слух во всем Российском государьстве, что, с Божиею помощию, мы великий Государь идем на православный *) престол прародителей наших, великих Государей Царей Российских, и хотели есмя государьства нашего доступати без крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякие служилые люди, против нас великого Государя стояли неведомостию и бояса от изменника нашего смертныя казни, а про нас великого Государя говорити не смели: и яз, християньский Государь, по своему **) Государьскому милосердому обычаю, в том на вас нашему гневу и опалы не держим, потому что есте учинили неведомостию и бояса казни. А ныне мы великий Государь на престол прародителей наших, великих Государей Царей Российских, идем с Божиею помощию вскоре, а с нами многия рати Русския и Литовския и Татарския; а мы великий Государь, по своему царьскому милосердому обычаю, всех вас пожалуем: и вам, бояром нашим, честь и повышение учиним, а отчинами вашими прежними вам пожалуем к тому и еще прибавим и в чести вас держати будем; а вас, дворян и приказных людей, в нашей царьской милости держати хотим; а вас, гостей и торговых людей всего Московского государьства, пожалуем, в пошлинах и в податех велим во лготе и во облегчении учинити, и все православное християньство в тишине и в покое и во благоденьственом житии учинити хотим. А не добьете челом нашему Царьскому Величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити что вам в том дати ответ в день праведнаго суда Божия, иже воздаст комуждо по делом его, и

---

*) Преславный.
**) Царьскому.

от Божия праведнаго гнева и от нашия царьския руки нигде не избыти. А с Божиею помощию нам великому Государю преславных государьств своих доступати».

«Памятники истории смутного времени». Изд. Клочкова, стр. 13—15.

Боярский приговор о беглых крестьянах

(1606, февраля I)

«Лета 7114, Февраля в I день, по Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дети боярские, и владычних и монастырских вотчин, бьют челом Государю о суде в беглых крестьянех, до 110 году, до голодных годов за год, на посады и в Государевы в дворцовые села и в черныя волости, и за помещиков и за вотчинников, во крестьяне и в холопи, и тех приговорили сыскивая отдавати старым помещиком. А которые крестьяне бежали во 110 и во 111 году, в голодные годы, с животы, а прожиты было им мочно, а пришли за иных помещиков или за вотчинников жити во крестьяне и в холопи, и тех сыскивая отдавати старым помещиком и вотчинником.

А которые бегали с животы в далные места из-за Московских городов на Украйны, а с Украйны в Московские городы, или из города в город, верст за двести и за триста и болши, а пошли от старых своих помещиков с животы и растеряв животы пришли к иным помещиком в бедности, и про то сыскати около тех поместий, откуды тот крестьянин пошел: да будет в сыску околние люди скажут, что он был не беден и сбежал от своего помещика или от вотчинника с животы, а прокормитися было ему мочно, а ныне за кем во крестьянех или у кого служит по кабале, и того по сыску отдати старому помещику или вотчиннику, из-за кого он сбежал, каков есть; а про которого крестьянина скажут, что он, в те голодные лета, от помещика или от вотчинника сбрел от бедности, что было ему прокормиться не мочно, и тому крестьянину жити за тем, кто его голодные лета прокормил, а истцу отказати: не умел он крестьянина своего кормити в те голодные лета, а ныне его не пытай...

А на беглых крестьян, по старому приговору, дале пяти лет суда не давати».

Пам. по ист. крестьян. Изд. Н. Клочкова, № 36.

Подарки Лжедмитрия в Польшу

«Теперь мы перечислим (подарки), посланные Димитрием в Польшу, вначале своего царствования, не считая тех денег, коими он уплатил свои долги и на что весьма жаловались, так как казна была совсем опустошена: с достоверностью известно, что Димитрий послал следующее:

От имени его матери был послан княжне Сандомирской образ троицы, украшенный драгоценными каменьями, оцененный . .	20.000 фл.
От Димитрия был послан адамантовый перстень ценою в	14.000 »
Платье	16.000 »
Ожерелье	48.000 »
Полный убор, на котором изображен зверь с крыльями из гелиотропа	12.000 »
Чаша гиацинтовая с ручкой из золота	32.000 »
Чаша золотая, полная драгоценных камней	26.000 »
Серебряный золоченный пеликан, весом в 50 марок	1.600 »
Крестьянин, сидящий на олене, проданный десять лет тому назад Филиппом Гольбейном	7.000 »
Часы из черного дерева от него же . .	10.000 »
Корабль серебряный с позолотою от него же	5.600 »
Две птицы	2.240 »
Сорок фунтов крупного жемчуга, по тридцать три талера за унцию	48.128 »
Три узды и дорогие сабли	60.000 »
Двенадцать кусков дорогого бархата и атласа	4.000 »
Через посла Афанасия Власова, отправленного в Польшу, отдано в Кракове по повелению его государя следующие подарки: городу Кракову — персидский ковер, изображающий сражения, чрезвычайно искусно сделанный, ценою в . .	16.000 »
Еще несколько сабель примерно (ценою) в	14.000 »
Еще ожерелье с большим кольцом . . .	38.000 »
От старой царицы несколько сабель примерно (ценою) в	10.000 »
Сверх того, считая на деньги	400.000 »
Итого на сумму . . .	784.568 фл.
что на московские деньги составляет . . .	130.761 руб.».

Исаак Масса—«Краткое известие о Московии в начале XVII века», стр. 151.

Коронование Марии Мнишек в Москве

«...После праздника Пятидесятницы или 16-го мая, княгиня, по приказанию Димитрия, была привезена из монастыря, в котором она находилась, во внутренность замка, где для нея и ея свиты была отведена особенная часть дворца. Там, в продолжение почти полутора дней, она приготовлялась к венчанию на царство. И так, в назначенный день, 18-го мая, к замку сходится огромное множество русских, поляков и разных иноземцев, и вместе с тем звонили в колокола во всех церквах Московских. Колокольный звон начался еще от полуночи. Потом около полудни княгиня выходит вместе с царем Димитрием и идет прямо в храм Пресвятой Богородицы, в котором коронуются все государи Московские. Она идет дорогою, устланною золотыми коврами, упираясь с правой стороны на воеводу отца своего, а с левой на одну знатную Московскую матрону; за нею следует знатнейшее дворянство русское и польское. Она была принята патриархом и духовенством Московским, которое, встав в ряды, ожидали ее внутри храма. Потом она была помазана и коронована по обряду церкви греческой, и после одного или двух часов отвезена обратно во дворец с тою же пышностью. ...Пиршество продолжалось несколько дней. Русские, притворно из'являя радость, рукоплескают Димитрию, а между тем приготовляют давно замышленную измену, готовят смерть Димитрию и всем полякам, секретно составляют заговор, выжидают удобнаго времени и, наконец, назначают день для совершения злодеяния...».

«Записки гетмана Жолкевского». Из рукописи Яна Велевицкого, стр. 168—170.

Насилия поляков в Москве

«...Жаловались на великие притеснения от поляков, которые повсюду своевольствовали, а также забирали в лавках все даром и не сносили ни одного слова от русских, но тотчас рубили их саблями, и когда на них приносили жалобы, то (русские) не находили правосудия, но их презирали и отвергали, словно собак, несправедливые судьи, поставленные им (Димитрием) по своему желанию; также поляки учиняли бесчинства на улицах, не чтя княгинь и боярынь, по вечерам вытаскивали их из карет, хотя их и сопровождало много слуг, и так повсюду учиняли волнения, что было несносимо».

Исаак Масса—«Краткое известие о Московии», нач. XVII в., стр. 150.

Конец Лжедмитрия I

(Из дневника Марины)

«...27 мая вспыхнул несчастный бунт, давно уже приготовленный. Начальником мятежников был князь Василий Иванович Шуйский, который в награду своим помощникам обещал раздать города, царства и доставить другие выгоды. Они склонили на свою сторону знатнейших купцов и много простаго народу, сверх того много бояр и воинов из великаго Новагорода, чтобы одержать верх над Русскими, преданными Димитрию. Цель замысла известна была только главным заговорщикам.

В субботу утром ударили тревогу; раздался крик: в Кремль, в Кремль! Горит Кремль! Молвою о пожаре хотели отвлечь внимание Поляков от мятежа. Между тем, как одни обступили польские квартиры, и никого из них не выпускали, другие ворвались в крепость. Ударили во все колокола; на рев набата сбежалось безчисленное множество вооруженного народа. Прежде всего разсеяли аллебардщиков; потом вломились во дворец. Сам Шуйский с своими клевретами вбежал в сени и там умертвил Басманова, который спал при царе.

Царица была еще не одета; ея каммерфрейлины не причесаны: оне успели только надеть юбки, бросились к окнам, увидели тревогу и спешили узнать, что случилось. Скоро сведала царица о смерти Димитрия. Не зная, на что решиться, она сбежала вниз под своды, но видя, что здесь грозила ей опасность, воротилась в палаты: ее не узнали и столкнули с лестницы; однакож—она добралась до своих комнат и тут осталась с придворными дамами. Скоро бунтовщики бросились к палатам и стали ломать двери. Царицын камердинер Ян Осмульский бросился на них с саблею и до тех пор сражался в тесноте, удерживая напор мятежников, пока не выбился из сил: его изрубили в куски. Ружейный выстрел ранил старую панью Хмелевскую: она умерла чрез несколько дней. Вломившись в комнату, где была царица с дамами, мятежники прекратили убийства и бросились грабить спальни. Между тем подоспели сюда старшие бояре, которые, разогнав чернь, приставили стражу, чтобы никто не оскорблял каммерфрейлин. Все вещи их спрятали в кладовые за печатью; царицу же со всеми дамами отвели в другую комнату и старались уверить в безопасности.

Между тем, как это происходило во дворце, другая толпа овладела конюшнями, бывшими также в крепости, за двором паны воеводы чрез-улицу: там побито 25 форейторов и кучеров панских и челядинских; а лошади числом 95 уведены. Одна лошадь была хромая; ее убили, кожу содрали и, разсекши на четыре части, унесли с собою.

Пан воевода еще ничего не знал о царе; но весьма безпокоился как об нем, так и о царице, тем более, что не мог по-

дать им помощи. Ворота его двора с улицы были завалены всякою всячиною; а мы заперлись изнутри. Нас было весьма немного: караул, состоявший из 50 человек пехоты, с разсветом дня разошелся по квартирам. Мятежники, выставив пред нашим домом знамя, старались в него войти: мы их не пустили. Жолнеры наши выстроились в боевой порядок под штандартом и хотели пробиться на конях в крепость, но никак не могли: улицы заставлены были рогатками и усеяны многочисленным народом, который однако не смел напасть на жолнеров. Чернь бросилась в их квартиры, захватила лошадей, слуг и все вещи. Воевода имел при себе немногих слуг, коморников и других дворовых людей; мы решились, при всей малочисленности, защищаться, ожидая и себе того же, что делали с другими на глазах наших. Уже наведены были на нас пушки, одне в окна, другие в стену; но как в нашем дворе были каменные подвалы, то без великих усилий нельзя было одолеть нас. Между тем посыпались камни на двор, и несколько стрельцов готовились войти к нам из монастыря чрез проломы, о коих мы ничего не знали, как вдруг прискакали к воротам нашим бояре, требуя, чтобы пан воевода послал кого-нибудь из старших для переговоров с думными боярами. Мы не верили; но когда они дали нам в залог одного боярина, начальствовавшего 500 стрельцов, пан воевода послал старшаго служителя своего, Станислава Гоголиньскаго. Мы пересадили его через забор, не смея отпереть ворота. Русские, увидев Гоголиньскаго, обвешанного оружием, заключили, что у нас много людей вооруженных.

Его привели к думным боярам. Один из сенаторов, не последний зачинщик заговора и предводитель бунтовщиков, по имени Татищев, сказал Гоголиньскому: «Всемогущий бог» взирает на все царства и по воле своей располагает ими; без «воли же его ничто не может быть. Сие должно сказать и о настоящем происшествии. Господь не восхотел, чтобы хищник, не царской крови, овладев нашим государством, долго утешался своею добычею. Господство его кончилось. И твой пан, по всей справедливости, заслуживает равной участи: он покровительствовал Самозванцу, привел его в наше государство, был виною всех минувших бедствий и кровопролития; наконец в спокойной земли нарушил мир и произвел мятеж. Но бог сохранил его до настоящаго часа; да восхвалит теперь благость Господню: опасность его миновала. Дочь его со всею челядью спасена. Иди и возвести о том господину твоему».

По возвращении Гоголинського, мы удостоверились, что царь убит. Мы вместе и печалились и радовались, получив надежду на безопасность. Чернь, между тем, опять стала приступать к нашему двору: многие уже лезли на заборы. Пан воевода снова выслал Гоголиньскаго сказать, чтобы чернь удалилась от дома; в противном же случае он умрет с оружием в руках. Мятежников разогнали, и около дома поставили стрельцов.

Едва мы успокоились, как вдруг ударили тревогу во все колокола: толпы народа вламывались в дом князя Вишневецкаго. Князь, не зная что делать, с своими слугами и дворовыми людьми сел на коней и хотел ускакать в крепость, или ускользнуть в поле; но сведав о смерти царя и гибели многих Поляков, решился остаться в доме, и упорною защитою спасти себя».

Н. Устрялов. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», т. II, стр. 161—162.

Спасение Марины Мнишек

«Бояре же и князья вломились к царице; женщины ея обмерли от страха, а сама она спряталась под юбку своей гофмейстерины. «Где царь и царица» воскликнули бояре (имя грубых мужиков было им приличнее)? «Вам лучше должно знать, куда вы девали царя; мы не обязаны его караулить» было ответом. «Непотребные!» закричали бояре, «где... царица ваша?» «На что же вам царица?» спрашивает гофмейстерина. Ей отвечают страшными угрозами. После того, бояре разделили между собою всех девиц, благородных Полек, и отослали их в свои домы, где оне через год стали матерями. Гофмейстерину же, толстую старуху, под платьем коей притаилась Марина, бояре оставили в покое, только бранили ее без пощады и требовали непременно, чтобы она призналась, куда скрылась ее царица. «Сегодня рано поутру», сказала гофмейстерина, «мы отправили ее в дом пана воеводы Сендомирского: там она и теперь».

Бер. «Летопись московская». «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», том 1-й, стр. 61—62.

Григорий Отрепьев

Да на что на нас Господь Бог прогневался
Да сослал нам Господь Бог прелестника
И вора Гришку разстригу Отрепьева?
И не успел он вор собака на царство сесть,
И похотел вор собака женитися,
И не у нас в Москве, на святой Руси,
Да во той во земле, в проклятой Литве:
Да у Юрия у пана орды польския
Да берет он Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не в указной день:
Да на вешний праздник Миколин день:
Да бояра-ты пошли ко заутрени,
Да Гришка с Маришкой в баину *) пошол;
Да бояра-ты идут от заутрени,
Да и Гришка с Маришкой из баины идe.

*) Баина — баня.

Да на Гришке-то шуба черна соболя,
На Маришке салоп краснаго золота.
Говорит-де вдова благочестивая:
«Уж вы глупые бояре, неразумные!
«Да убит наш царевич во Углицком,
«Да во том ли соборе во Архангельском».
Да и тут-де бояра догадалися,
Да и скоро до Григорья добиралися.
Да и эта Маришка, дочь Юрьевна,
Обвернулась из окошка сорокою.
Да этот Гришка Отрепьев-от
Выпадал из окошка о середу,
О середу кирпичную убился и до смерти.
Дунай, Дунай, боле вперед не знай!

«Русская устная словесность», т. II, стр. 412—413.

Крестоцеловальная запись Царя Василия Шуйского

«Божиею милостию мы великий Государь Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Русии, щедротами и человеколюбием славимаго Бога, и за молением всего освященного Российского собора, и по челобитью и прошенью всего православнаго христианства, учинился есмя на отчине прародителей наших, на Российском государстве Царем и Великим Князем, его же дарова Бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от Римского Кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего Великого Князя Александра Ярославича Невского на сем Российском государьстве быша прародители мои, и по сем на Суздалской удел розделишась, не отнятием и не от неволи, но по родству, яко же обыкли болшая братья на болшая места седати: и ныне мы великий Государь, будучи на престол Российского царствия, хотим того, чтоб православное християнство было нашим царским доброопасным правительством в тишине и в покое и благоденстве, и поволил есми яз Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Русии целовати крест на том, что мне великому Государю всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати и вотчин и дворов и животов у братьи их и у жен и у детей не от'имати, будет которые с ними в мысли не были; также у гостей и у торговых и у черных людей, хоти которой по суду и по сыску дойдет и до смертныя вины, и после их у жен и у детей дворов и лавок и животов не от'имати, будет с ними они в той вине невинны; да и доводов ложных мне великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтоб в том православное християнство безвинно не гибли; а кто на кого солжет, и сыскав того казнити, смотря по вине его, что был взвел, неподелно тем сам осудится. На том на всем, что

в сей записи писано, и язь Царь и Великий Князь Василей Иванович всеа Русии целую крест всем православным крестьяном, что мне их, жалуя, судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своей не класти, и недругом никому никого в неправде не подавати, и ото всякого насилства оберегати».

«Памятники по истории смутного времени». Изд. Клочкова, № 6, стр. 18—19.

Характеристика Шуйского

«1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство; новый царь был маленький старик лет за 50 слишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы, и сильно верил чародейству».

«История России с древнейших времен» С. М. Соловьева, том 8-й, гл. 4-я, стр. 808.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ БОЛОТНИКОВА

НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ БОЛОТНИКОВА

Выше мы говорили, что все города были довольны тем, что случилось в Москве, кроме тех, что были расположены по соседству с Польшей и Татарией, в земле Северской и волости Комарицкой, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие рядом с ними, и (жители их) умертвили гонцов, а также сожгли присланные из Москвы письма царя и его самого ругательски поносили, как бесчестного предателя, и хотели мстить ему до последней капли крови, и хотели узнать, почему, не спросив у них совета, убили венчанного царя без всякой к тому причины. И они вслед за собою возмутили еще много других городов, также все Поволжье, также и Астрахань со всеми прилежащими к ней областями, и все поклялись между собою отомстить за него и призвали к себе в предводители с Волги Петра Федоровича, который выдавал себя за незаконного сына царя Федора Ивановича, как мы уже говорили при изложении обвинений против Димитрия. И (у них) было запасено амуниции и припасов на три года, также много пушек, ибо, как мы говорили выше, Димитрий, намереваясь напасть на Татарию, отправил в Елец много припасов и амуниции на триста тысяч человек и даже более; все это они заполучили в свои руки и были готовы к войне.

Исаак Масса—«Краткое известие о Московии в начале XVII века», стр. 153.

Характеристика Болотникова

Также находился в войске мятежников некий человек, коего звали Иван Исаевич Болотников; он был в Москве крепостным человеком боярина Андрея Телятевского, но бежал от своего господина, сперва отправился в степь к казакам, а также служил в Венгрии и Турции, и пришел с казаками числом до десяти тысяч на помощь к этим мятежникам, и он был детина рослый и дюжий, родом из Московии, удалец, отважен и храбр на войне, и (мятежники) выбрали его главным атаманом или предводителем своего войска. Меж тем Петр Федорович оставался в городе Туле, осажденном московитами; и этот Болотников пошел со всем своим войском на Серпухов, лежащий в восем-

надцати милях от Москвы, и сразу занял его, а также Коломну, город при реке Москве неподалеку от Оки, и стал станом против московского войска в двенадцати милях от Москвы.

Исаак Масса—«Краткое известие о Московии в начале XVII в.», стр. 156.

Программа движения Болотникова

«О возмущении холопей и крестьян против господей своих»

«В лето 7115 году собрашася многие люди и крестьяны, к ним же присташа Украинских городов посадские люди, и начаша по градом воеводе в темницах затворяти, господ же своих домы разориша, всякий над своим господином всякое зло вымышляюще творяху, и имение их расхищаху, жен же их и детей дев за жены себе имяху, мужеск же пол убиваху, и велие зло и неисповедиму пакость сотворяху; избраша же между собою старейшину, всех в злобе оной превозшедшаго, человека князя Андрея Андреевича Телятевскаго, именем Ивашка Болотникова; он же собрався с ними пойде под Кромы против бояр и воевод, стоящих тамо с воинством. Слышавше же собрание и шествие его бояре против себя, возмнеша яко немошно им стати против его, от'идоша от Кром. Под градом же Ельцом стоящее воинство слышавше, еже под Кромами сотворися, такожде учиниша, отшедше от Ельца бездельни, приидоша к Москве, а ратные люди раз'ехашася разно кийждо к своему дому, с Царем же Василием на Москве быша малые люди».

«Новый Летописец», глава 117, стр. 78—79.

Из грамоты митрополита Ростовского Филарета

«А стоят те воры под Москвою, в Коломенском, и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопем побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням(*) и без'имянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество».

«Акты Археографической Экспедиции», т. II, стр. 129.

Отрывок из грамоты патриарха Гермогена — о мятеже в северских и рязанских городах 1606 г. Ноября 30

«...А ныне, по своим грехом, забыв страх Божий, воста плевел, хощет поглотити пшениценосные класы: окопясь разбойники и тати **) и бояр и детей боярских беглые холопи, в той же прежепогибшей и оскверненой Северской украйне, и сговорясь с

*) Шпыни — бранное слово того времени, обозначающее сброд.
**) Тати — воры.

воры с казаки, которые отступили от Бога и от православныя веры и повинулись сатане и дьяволским четам, и оскверня всякими злыми делы Северские городы и пришли в Рязанскую землю и в прочая городы, и тамо тако ж святыя иконы обесчестиша, церкви святыя конечно обругаша, и жены и девы безстудно блудом осрамиша, и домы их разграбиша, и многих смерти предаша. Московский же, Богом соблюдаемый народ, Государевы бояре, и князи, и христолюбивое воинство, и вси православные крестьяня, от мала и до велика, слышавшие таковую Богом ненавистную прелесть, еже мертваго живым нарицаху, и святым Божиим иконам и святым церквам таковое злое безчестие творяху, и братию свою православных крестьян не токмо конечному студу, но и смерти предаяху, и о всем умилишася и вси и единодушно укрепишася целованием животворящего креста Господня, еже от таковых крепко стояти, даже и до смерти, и быти во всех любви и в мире с одного на врагов Божиих и на всех супостатов стояти и не попускати таковым злодеем таковых скаредных и богоненавистных дел содевати, еже окаянныи, забыв страх Божий и час смертный и судный, страшный день, не престаша сами себя воевати, пришли к царьствующему граду Москве, в Коломенское, и стоят и розсылают воровские листы по городом и велят вмещати в шпыни и в боярские и в детей боярских люди и во всяких воров всякие злые дела, на убиение и на грабеж, и велят целовати крест мертвому злодею и прелестнику ростриге, а сказывают его проклятаго жива. И которые городы, забыв Бога и крестное целование, убояся их грабежов и насилия всякого и осквернения жен и дев, целовали крест, и те городы того ж часу пограблены, и жены и девы осквернены, и всякое зло над ними содеялось; а которых городов люди их воров и хищников не устрашилися, и те, милостию Божиею, от тех воров целы сохранены. Приходили те богоотступники, и разбойники, и злые душегубцы и сквернители, к Государевой вотчине ко граду Твери, и во Тверском уезде служивых и всяких людей привели ко кресту силно; а во Твери, Государев богомолец, а наш сын и богомолец, Феоктист, Архиепископ Тверский и Кашинский, положа упование на Бога и на Пречистую Богородицу и на всех святых, призвав к себе весь священный собор, и приказных Государевых людей, и своего архиепископля двора детей боярских, и града Твери всех православных крестиян, и укрепяся все единомышленно, поборая за святыя Божия церкви и за православную веру и за Государево крестное целование, стояти безо всякого сумнения и страха, и тех злых врагов и грабителей и разорителей под градом Тверью много злой их проклятой скоп побили и живых многих злых разбойников и еретиков поимав к Москве прислали, и они восприяли месть по своим делом».

«Памятники по истории смутного времени». Изд. Клочкова, стр. 35—36.

Ход движения Болотникова

«Меж тем московское войско вновь было разбито, и Болотников одержал верх и послал со всей поспешностью отряд в десять тысяч человек прямо на Москву, намереваясь последовать за ним со всем войском, и этот (передовой) отряд скоро подошел к Москве на расстоянии одной мили от нее, стал у речки Даниловки и занял селение Загорье, которое тотчас укрепили шанцами *), и у них было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда одни на другие, и плотно набили сеном и соломою, и несколько раз полили водою, так что все смерзлось, как камень. И у них был также скот, быки и лошади, довольно на несколько дней, и (они) стали ожидать Болотникова с главным войском.

Меж тем московское войско засело в обозе перед самыми городскими воротами, и воеводами были царские братья; и они часто учиняли большие нападения со множеством пушек на помянутые шанцы (мятежников), но без всякого успеха. Также помянутое селение было обстрелено множеством бомб, но — там их тотчас тушили мокрыми кожами, и так как неприятели держали на примете Красное село, лежащее неподалеку от них, большое и богатое селение, подобное (целому) городу, откуда они могли угрожать почти всей Москве, то московиты, страшась этого, выставили у речки Яузы, через которую они (мятежники) должны были перейти, сильное войско под начальством молодого боярина Скопина, чтобы воспрепятствовать переправе, а сами со всеми своими силами, числом в двести тысяч ратников, в течение двух дней осаждали их, но не смогли одержать победы и сами понесли большие потери.

Меж тем Болотников прислал им на подмогу тридцать тысяч человек под начальством воеводы Истомы Пашкова, и этот Пашков прибыл туда на третий день и, делая вид, что он намерен напасть на московитов, обошел сзади своих товарищей и сидевших в осаде; но Пашков (сговорившись) почти со всеми своими главными начальниками и капитанами, тайно заключил наперед с царем условие перейти к нему и все свое войско передать московитам.

Московиты, зная об этом, с большим войском напали на осажденных, а также послали отряд против Пашкова, который сперва передался с пятью стами человек, и его войско от (такой) неожиданности пришло в расстройство и московиты захватили множество пленных; и осажденные, увидев это, также обратились в бегство, и половина их была захвачена, ибо лес, через который они принуждены были бежать, был занят московитами; и там произошла неимоверная сеча, также и в плен захватили до шести тысяч, так что в Москве все темницы были полны, и сверх того многие жители московские должны были

*) Шанец — военный окоп, редут, небольшое укрепление.

стеречь по два или по три пленника, и множество их было посажено в подвалы под большими палатами, и приказами, так что было жалко смотреть на них, и были то по большей части казаки, прирожденные московиты, и чужеземцев (среди них) не было вовсе или было мало.

Эти люди недолго пробыли в заточении, но каждую ночь в Москве их водили сотнями, как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков, и (тела) спускали под лед в реку Яузу, творя так каждую ночь».

«Болотников нимало не сомневался, что отправленные им войска займут Москву, и когда бы не помешала измена Пашкова, то это могло случиться по причине великого смущения и непостоянства народа в Москве. И когда он (Болотников) узнал от беглецов о поражении, то бежал со своим войском в город Калугу, расположенный на реке Оке и он нашел (это место) удобным для того, чтобы провести там зиму, и тотчас запасся всем необходимым; и это был город многолюдный, и в нем всегда шла большая торговля солью с землей Северской, Комарицкой волостью и другими соседними местами, откуда привозили (в Калугу) мед, воск, лен, кожи и другие подобные товары, так что она хорошо была снабжена (всякими припасами); и перед тем московиты побили много (его) войска и он (Болотников) бежал с оставшимися в Калугу и здесь укрепился».

Исаак Масса — «Краткое известие о Московии в начале XVII века», стр. 162—164.

Города, участвовавшие в восстании

«Следующие города: Рязань, Карачев, Ливны, Орел, Венев, Михайлов, Болохов, Ряжск, Серебряные пруды, Новосиль; на северской стороне: Путивль, глава и зачинщик всех мятежных городов, в нем (мятежники) также держали совет, потом Чернигов, Брянск, Елец, Козельск, Рыльск, Почеп, Сосница, Рославль, Монастырище, Новгород-Северский и многие другие; также были у них: Коломна, Кашира, Алексин, Епифань, Перемышль, Льгов, Дедилов, также Калуга и Тула, где осаждали Петра, сверх того они завладели всей Волгой и опустошали все местности (по ее течению), где только ни проходили. Одним словом, у них была большая сила и они владели прекрасными землями, и кроме того еще многие города колебались и склонялись то к одной, то к другой стороне, так что царь по усердной просьбе московских бояр решил самолично выступить в поход с началом лета и повелел отписать во все города, чтобы все дети боярские или дворяне, жившие спокойно в своих поместьях и не приехавшие нести службу, были высланы, а нетчиков *) велено было переписать и лишить поместий, отчего многие отовсюду стали при-

---

*) Нетчики — служилые люди, находившиеся в бегах, на современном языке—дезертиры.

езжать на службу, так что множество ратников выступило в поход, и так шли дела до весны; также привозили в Москву пленных, и некоторые из них уверяли, что видели Димитрия, а другие, напротив, не знали, ради чего они воюют, однако всех, виновных и невинных, топили».

Исаак Масса — «Краткое известие о Московии в начале XVII в.», стр. 168.

О ВОССТАНИИ УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Отписка Вятчан к Устюжанам о присылке из Яренска возмутительного листа от восставших, о показаниях при допросе привезшего его Чуватки Яковлева, о поражении мятежников под Свияжском и о походе казанских ратных людей к Москве на государеву службу (1609 г. в январе)

«Господину Ивану Филипповичу и всем Устюжским земским людем, князь Михайло Ухтомский да Василей Иванов и вся Вятская земля челом бьют. В нынешнем, господине, 117 году генваря в 12 день вятчанин Слобоцкого города, ведомой вор, Чуватка Яковлев привезл на Вятку из Еранского города лист воровский, чтоб по тому воровскому листу нам и всей Вятской земле вору крест целовати: и на Вятке, господине, божьею милостью и пречистые богородицы и великого чудотворца Николы Великорецкого и всех святых молитвами, того вора и с листом изымали в Котелниче и привели к нам в Хлынов *). И мы, поговоря с вятчаны, того вора пытали, жгли на огне: кто его с таким листом на Вятку прислал? И Чувата с пытки нам сказал, что прислали его с тем листом из Еранска мурзы арзамаские Бибай да Перепердей, а прибежали де те мурзы из Кузмодемьянского с розгрому: а в Шанчурине и в Еранском смутились, государю изменили и с изменники с черемисою не дрався вору крест целовали; а у черемисы де было русских людей только два казака Терских да Шанчурских и Кузмодемьянских стрельцов человек с шестьдесят, а огненного де бою у них нет, все лучной, а черемиса де пошла под Царев город, а иная де черемиса вором не шертовали **), и те живут по лесом. Да слышал де он Чувата от сотника Ахтимека, что Луговая Черемиса хочет обратитись к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всеа Русии и вины свои принести; а боярин де и воевода Федор Иванович Шереметов с товарищи под Чебоксары воров побили на голову и многих живых поимали, а мордву де и черемису и татар Федор к шерти ***) приводит, а приведчи идет к Кузмодемьянскому со всеми людми и с нарядом, а Нижней Новгород дал бог здорово и в смуте не бывал. А он де

*) Хлынов — Вятка.
**) Шертовать — присягать.
***) Шерть — присяга.

Чуватка наперед сего с воровским писмом из Шанчурина приезжал в Еранской, и смута де учинилась от него; а из Еранского де он на Вятку с воровским писмом напросился ехать сам, чтоб ему потому ж на Вятке смута учинити. И его Чуватку за воровство всею Вятскою землею приговорили повесити; а для бережения от черемис, собрав мы на Вятке ратных людей, и послали с сотнями на Вятскую Украйну, да и все люди по головам на Вятке в сборе. Да генваря в 12 день писали к нам из Казани, что генваря в 1 день божьею милостью и пречистыя богородицы, и всех святых молитвами, и государевым счастьем, Казанские и Свияжские служилые люди татар, черемису, Свияжских и Чебоксарских и Цывильских и Кокшайских и Алатарских и Арзамаских воров под Свияжским многих людей безчисленно побили на голову и трупу их легло побитых на семи верстах, а кололи их, что свиней, и многих живых поймали и в Казань привели, а которые воришка утекли, и за ними послали легких людей, и то к нам писано ж, что и тем не утечь. И в Казане и на Вятке, дал бог, радость велика и на радосте за государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии молебны поют с звоном по всем храмом, а побив, Казанская сила вся и иных городов пошли к Москве, к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всеа Русии.—И тебе б, господине, ся грамота велеть вычесть во весь мир; а что у тебя на Устюге от государя царя и великого князя Василия Ивановича каких вестей, и что делается в Верховских городех, и тебе б о всем велеть к нам отписати. А вашего гонца ждем из Казани часу на час, и что у нас вперед каких вестей об'явится, и мы к вам отпишем тотчас».

«Акты Археографической Экспедиции», т. II, № 100, стр. 197—198.

Отписка из Верхотурья в Пелым о готовящемся восстании татар и вогуличей

«Господам Ивану Михайловичу, Петру Даниловичу Степан Годунов, Иван Плещеев челом бьют. В нынешнем во 117 (1609) году марта в 28 день писал на Верхотурье к нам из Туринского острогу Иван Годунов, что извещали государю ц. и в. к. Василью Ивановичу в Р. в Туринском остроге ясачные *) татарове Байгара с сыном Туринского острогу уезду на татар на Оргунчу с товарыщи, что они Оргунча с товарыщи хотят государю изменить с Тюменьским татары вместе и кони готовят, а приходити де им на русских людей и под сибирские городы с войною, как ныне снег сойдет. И в роспросе Верхотурского уезду татарове и вагуличи Нелук и Казаринко с товарыщи сказали нам, что однолично в туринских и тюменьских татаровех умышленье

*) Ясак — подать, платимая угнетенными народами, главным образом, мехами.

и шатость в них есть: хотят государю изменить и на русских людей приходить им как ныне снег сойдет. Да к нам же писал на Верхотурье с Кошая Ворошилко Власьев: апреля в 1 день приходили к нему Ворошилку на Негву Сосвы реки Верхотурского города уезду ясачной вагулятин Цыбала Паутов да Пелымского города уезду сосвынской же вогулятин сотников Кумычев сын Ондрюшка и роспрашивали де у него Ворошилка те вагуличи про русские вести и про запас и про однорятки *), и сколько де у тебя будет наемных людей и много ли пищалей, а будем де мы к тебе торговати, как лед встроетца, а про руские вести, ты, Ворошилко, нам не сказываешь, и мы де про русские вести и сами ведаем, что на Москве русские люди меж собою секутца. А наперед де того к нему те вагуличи не прихаживали и ни о чем у него Ворошилка не роспрашивали. Да Кумычев же сын Семейка приходя с Сосвы на Туру реку по юртам ясачным татар и у вагулич про руские вести проведывает, и живет в туринских юртах тот Семейка не выходя всегда, неведомо для чево. И вам бы, господа, те вести были ведомы. А про то б, господа, вам на Пелыми сыскати накрепко, для чево Кумычев сын Ондрюшка х Ворошилку на Неглу приходили и для чего они у него про запас и про люди и про пищали и про руские вести роспрашивали, и нет ли в них которые воровские шалости и измены к государю; и другой Кумычев сын Семейк для чего переходя на Туру реку по юртам вестей проведывает. А как, господа сыщете о том, что у вас на Пелыми вестей и вам бы, господа, на Верхотурье нам о том отписати тотчас о всем. А слух нам дошел, что в Туринском остроге в юртах татарове руских людей двух человек и убили...».

«Акты времени правления царя Василия Шуйского». «Чтения в о-ве истории и древностей российских», 1915 г., кн. 2, докум. 66.

Отписка из Перми великой в Вятку о сборе ратных людей для защиты вятской земли от восставших марийцев

«Господину Дмитрею Юрьевичу да Ивану Федотовичу Иван Чемоданов да Пятой Филатов челом бьют. В нынешном господине, в 118 году августа 7 день писали вы к нам, с вятчанином с Макарком Логиновым, что в нынешнем в 118 году июля в 26 день писали к вам с Уржума Василей Вельяминов да Юрья Змеев: писали де к ним из Казани бояря и воеводы и дияки, что июля в 15 день писал в Казань к боярам и воеводам и дияком с заставы из Кужуморы волости Назарей Желнырин: пришли де к нему на заставу выходцы Черемиса, Царегородского уезда Кокшайския волости Адаш Кадышев, а в распросе де им сказал: собралось де в Санчурском уезде в Южь волости воров Санчурской Черемисы, тысячи с две, а голова де у них

*) Однорятки — старинная одежда.

Южь волости сотник Черемиской Елпай Токшейков; а Царегородском же узде в Хозякове волости собралось воров черемисы царегородские, с тысячу человек, а головы де у них будут Русские люди из Чебоксар, а под воровских казаков собрали тысячу подвод; а из Козьмодемьянского де пришел черемиской сотник к Ветлужские волости Аникей Кошаков, а с ним Козьмодемьянские черемисы семь сот человек, и стоит в Кокшайском в Шермуши волости; а сходиться де тем всем вором в Царегородском уезде в Хозякове волости, а на которые де места тем вором итти, и того де им неведомо; и по тем вестям воровским людем чаяти приходу на Вятскую землю вскоре. И нам бы Вятской земли помогати и велети собрати с Перми и с Пермьских пригородов со всех с посадов и с уездов ратных людей, со всяким оружием, сколько будет пригоже, и прислати б на Вятку не измотчав, чтоб воровские люди Вятские земли городом и уезду ни которого дурна на учинили. — И мы тое вашу отписку во всем мире чли и ратных людей в Перми Великой сбираем, а собрав на Вятку к вам тотчас пошлем; а на Лозву и на Вишеру по Вогуличь и на Сылву и на Ирень по Остяков послали, а как Лозвенские и Вишерские вогуличи и Сылвенские и Иренские остяки в Пермь придут и мы их к вам за теми ж за ратными людьми пошлем тотчас...».

«Акты Археографической Экспедиции», т. II, стр. 278—279.

Отписка из Вятки в Пермь об изгнании повстанцев из Котельнича с просьбой о немедленной посылке ратных людей для защиты Вятской земли

(1609 г. Декабря 24)

«Господину Федору Петровичу да Науму Романовичу и перьмским старостам и целовальником и всем земским людем, князь Михайло Ухтомской, Василей Иванов, и вятские старосты и целовальники и все земские люди, челом бьют. Писали мы, господине, к вам наперед сего, что за грех всего православного крестьянства, приходили из Еранского к Вятке государевы царевы и великого князя Василья Ивановича всеа Русии изменники, волские и ядринские и курмыжские и алатарские казаки, и чебоксарские, и кузьмодемьянские, и шанчюрские и царегородские и еранские стрельцы и всякие воры, и черемиса, многие люди, и Котельничь город взяли, и церкви божьи осквернили, и многих людей побили и до основания разорили, а достальных крестьян привели ко кресту за вора, и сели было в Котельниче, и я князь Михайло, прося у бога милости, тотчас собрався с вятскими с ратными людьми, со всею землею, на тех государевых изменников под Котельничь пошел: и божиею милостию, и пречистые богородицы и великого чудотворца Николы Великорецкого и всех святых молитвами, и го-

сударевым царевым и великого князя Василья Ивановича всеа Русии счастьем, те государевы изменники, послыша на себя наш приход, из Котельнича побежали в Еранской, и я князь Михайло пришел в Котельничь всех крестьян привел к крестному целованью за государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии, и город поделал, и острог поставил, и осаду учинил; а выходцы в роспросех сказывают, что в Еранском у воров собрание великое. А вы, господине, к нам пишете, что у вас ратные люди в сборе, а пришлете их к нам вскоре: и от вас на Вятку ратные люди декабря по 24-е число не бывали. И вам, бы, господине однолично ратных людей к нам прислати тотчас и велети им в Вятской земле побыть до тех мест, как из Еранского воры выйдут, чтоб Вятской земле от воров в разорение не быть; а будет что, за грех над Вяткою учинитца и вам в Перми не пробыть же».

«Акты Археографической Экспедиции», т. II, стр. 263.

Отписка из Кетского острога о нападении тунгусов на остяков Кузнецкой волости

«Господину князю Ивану Михайловичу Григорей Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, во 118 (1609) году декабря в 29 день приходили, господине, в Кетцкой острог с осподаревым ясаком кетцкие ясашные остяки верховые Кетские и Кадыские волости остяк Епея Коибицы (Н) сын, а сказал вести, что воевали тунгусы государевых ясачных кецких остяков Кузнецкие волости в осень в судех, а жили те кузнецкие остяки по Енисей реке, а сказал им прибежав про ту тунгускую войну их же Кадыские волости остяк Концыльдюков зять. А приходили де тех тунгуских остяков воевать Кузнецкие волости человек со сто, а убили де государевых ясачных остяков же Идука да ево дву сынов да иных ясачных остяков трех человек, а достальные побежали в Тулкину землю, а жен их (и) детей, которые не ушли, в полон поимали.

И тебе б, господине, те вести были ведомы».

«Акты времени правления царя Василия Шуйского». «Чтения в о-ве истории и древностей российских», 1915 г., кн. 2-я, докум. 66.

Разгром Болотникова

«Меж тем московиты приобрели многое, ибо с (помощью) измены они взяли Тулу и захватили Петра Федоровича, который выдавал себя за незаконного сына Федора Ивановича, прежнего царя Московии; и этого Петра повесили в Москве; также завоевали много маленьких городов, по большей части с помощью измены; и чтобы воспрепятствовать дальнейшим успехам московитов (мятежники) отправили против них отважного

витязя Болотникова с войском. В то время как (мятежники) совещались с поляками и казаками, они (московиты) схватили также и отважного витязя Болотникова и умертвили его; одни говорили, что он сам себя выдал, другие говорят, что его предали, одним словом погибли два отважных воина и предводителя восстания *). И царь, видя, что они снова стали побеждать, а между тем приближалась осень, удовольствовавшись малой победой, возвратился в Москву, оставив воевод и войско (действовать) против неприятеля, и в Москве и тех городах, что стояли за нее, полагали, что то была (окончательная) победа, но им не посчастливилось.

И обе стороны целую зиму воевали между собой. Сверх того множество поляков наводнило землю, снова пришедшую в чрезвычайно бедственное состояние, подобное тому, которое было, когда Димитрий вступил в страну, да точно такое же, так что не надо о том снова говорить подробно. И так шли дела до лета 1608 года».

Исаак Масса — «Краткое известие о Московии в начале XVII века», стр. 173.

Указ о заповедных летах (1607 г.)

«...Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны; а буде те крестьяне вышли за кого инаго, и в том есть на крестьян тех или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентября по 1 число сего года будет бить челом, и тех крестьян отдавати по книгам со всеми их животы тем, за кем они писаны, до сроку Рождества христова 116 года без пожилаго; а не отдаст кто на тот срок, ино на нем брати за приим и пожилое по сему уложению; а не было о которых крестьянах челобитья по сей день, и сентября по 1 не будет, и тех после того срока по тем книгам не отдавати, а написати их в книги за кем они ныне живут, и впредь за пятнадцать лет о крестьянах суда не давати, и крестьян не вывозити (не возвращати).

А буде которые отныне и за кого вышед перейдут к иному кому бы то ни было, и тот примет противо сего нашего соборного уложения и у того крестьянина взяв, перевести ему со всеми того крестьянина пожитки, откуда он перебежал; а двор, есть ли тот крестьянин строил, заплатити чего судит, а двора не возити; да с него же на государя царя за то, что принял противо уложения, доправити 10 рублев, не принимай чужаго, да с него же за пожилое тому, чей крестьянин, за двор на вся-

---

*) Исаак Масса дает неточные сведения о смерти Болотникова. Он не был умерщвлен при взятии Тулы, а вместе с другими пленниками отвезен в Москву; а затем сослали на север в Каргополь, где Болотникову выкололи глаза, а потом утопили.

кий год по три рубля, и за холостого тоже на год по три рубли... А которые после сего уложения крестьяне, или холопи, или раба побежит от своего государя и придет к иному, и государю искати своего холопа и рабу и крестьянина в пятнадцати летах от побега, а за пятнадцать лет не искать.

А в городах воеводам и дьякам и всяким приказным людям наведыватись во всем их уезде через старост, и сотских и священников, нет ли где пришлых людей вновь, и где ему скажут, оных брати и спрашивати накрепко чей он, откуда, когда бежал, и где сколько жил, и не подговорил ли его кто; и буде скажет кто подговорил его и доведет на него, и того подговорщика казнити торговою казнию и взять с него поруку, что ему того беглого отвести к его государю, да с него же в казну взяти пени 10 рублев; а с приемщиков со всякаго, кто его принимал и в селе более 7 дней держал, доправити в казну по 10 рублев за двор и за одинакого мужика, а за бабу, и за девку по 3 рубля за прием...

А которой наместник, или судья или дьяк и иной приказной человек о пришлых в его уезде проведывать и сыскивать и допрашивать не будет, и за прием деньги брать не станет, а доведут на него в том, и с него те деньги доправити вдвое, и от дела отбросити, и впредь ему ни у какова государева дела не быти».

«Памятники из истории крестьян». Изд. Н. Клочкова, № 37.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

ПОЛЯКИ и ЛЖЕДМИТРИЙ II-й

«К августу 1607 года, в то время, когда царь Василий осаждал Тулу, в Стародубе-Северском об'явил себя царем Димитрием второй самозванец, тот самый, которому русские люди XVII века присвоили меткое прозвище Вора...

Вор вышел на свое дело из Пропойской тюрьмы и об'явил себя царем на Стародубской площади под страхом побоев и пытки...

Вор же во время своего похода к Москве и пребывания в Тушине зависел от польско-литовских вождей и их дружин. Поэтому московские люди часто отзывались о нем, как об эмиссаре короля Сигизмунда, а войску его давали общее имя «литвы» или «поляков». Даже в официальных актах, например, в перемирном с Польшею договоре 1608 года, дело представлялось так, что того Вора «водят с собою» по Московскому государству «королевские люди князь Р. Ружинский да князь А. Вишневецкой с товарыщи, называючи его прежним именем, как убитый Разстрига назывался, царевичем Дмитреем Ивановичем».

Действительно, Вор получил помощь из-за литовско-польского рубежа очень скоро после того, как об'явил себя царем. Если следовать хронологии, предлагаемой в «Истории ложного Димитрия», то можно сказать, что Вор пришел в Стародуб около 12-го июня 1607 года (в десятую пятницу после православной Пасхи), через месяц после того принял имя Димитрия, а уже 2-го сентября нового стиля у него были ратные люди, вышедшие из Речи Посполитой искать в Московии военного счастья и добычи. Политический кризис, переживаемый в те годы Речью Посполитою, как нельзя более способствовал такой военной эмиграции. Личная политика Сигизмунда III очень раздражала польское общество, а «златая вольность», уже вошедшая в нравы шляхты, указывала этому раздражению легкий и законный выход в рокоше. К тому времени, когда Вор кликнул свой клич из Стародуба, Польша только-что пережила домашнюю войну, очень известную под названием «рокоша *) Зебжидовского». Рокошане летом 1607 года понесли от

*) Рокош — прямое возмущение части шляхты против короля, с целью привлечения его к ответственности или низложения.

Жолкевского полное поражение под Гузовым (в Малой Польше) и в значительном числе «блуждали, разсеявшись около границ России», то-есть Московского государства. Боязнь королевской репрессии и тяжелые последствия боевой неудачи должны были побуждать их к переходу на московскую территорию, на которой они могли достать себе воинскую славу и материальное обеспечение. Но эта самая слава и добыча влекли к себе и не одних «рокошан». Если знаменитый Лисовский *) выбежал на Русь к Вору, потому что не мог оставаться на родине, так как был «выволанец и чести своей отсужен», то, с другой стороны, не менее знаменитый Ян-Петр Сапега, родственник великого канцлера литовского Льва Сапеги, вовсе не был вынужден покинуть свою родину и шел на Москву открыто, «за позволением Сигизмунда III», собирая войска. Он имел в виду не простой грабеж, а высокую, по мнению его биографа, цель — отмстить вероломной Москве за плен и гибель в ней польских гостей Самозванца и добыть славы себе и своему отечеству подвигами рыцарства. Столь почтенное намерение, не оставленное Сапегою даже и тогда, когда уже было заключено формальное перемирие между Москвою и Речью Посполитой (в июле 1608 года), не встречало препятствий ни в сознании общественном, ни в политике Сигизмунда. Король не только попустил Сапеге набрать несколько тысяч войска, но и следил за его походом, имея сведения, например, о том, что когда Сапега был под Смоленском, то «эта крепость покорилась бы ему, еслиб он захотел занять ее именем короля». За такими вождями, как Рожинский, Сапега и Лисовский, в Московское государство потянулся ряд более мелких искателей приключений до убогого наемника, которого влекла туда надежда достать войною кусок хлеба. И в конце концов у Вора собралось большое число авантюристов из Речи Посполитой, потому что, по словам Мархоцкого, там было не мало готовых к походу отрядов, как людей, которые ходили за короля на рокошан, так и самих рокошан. Благодаря этой «оказии» вербовка крупных «полков» совершалась очень быстро и легко. Сапега собрал, по счету Когновицкого, до семи с половиною тысяч конницы и пехоты. Рожинский, по счету Мархоцкого, — «близко четырех тысяч». Кроме этих крупных вождей, к Вору пришло много иных с меньшими отрядами; таковы были: Будило, два Тышкевича, Валавский, Велегловский, Рудницкий, Хруслинский, Казимирский, Микулинский, Зборовский, Млоцкий, Виламовский и т. д. Таким образом, при Воре скопилось мало-по-малу очень значительное польское войско».

С. Ф. Платонов — «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.», стр. 352—355.

---

*) Александр Лисовский, литовский шляхтич с самостоятельным отрядом в 200 человек, входил в состав войск Лжедмитрия I-го. Этот отряд впоследствии превратился в полк, под названием лисовцев, прославившихся зверствами, грабежами, убийствами не только в России, но и в Турции, Богемии и даже за Рейном.

Появление второго самозванца

(Из дневника Маскевича)

Маскевич Самуил был с собственным кавалерийским отрядом в войсках Сигизмунда III в Московском походе. 8 месяцев участвовал в осаде Смоленска; затем перешел в отряд гетмана Жолкевского; участвовал в Клушинской битве; вместе с Жолкевским был в Москве, оставался в Москве и под начальством Гонсевского; сидел в Кремле в осаде, жег и разрушал столицу. Уехал в Польшу незадолго до 2-го ополчения.

Маскевич вел подробный дневник с 1594 по 1621 год.

Дневник впервые переведен и издан Н. Устряловым в 1831 г. в сборнике «Сказания современников о Дмитрии Самозванце».

«Около этого времени, вместо убитого царя Московского Димитрия, явился другой Димитрий и распустил молву, что он тот самый царь Московский, которого Москвитяне, призвав в столицу и короновав, хотели убить, но что он с помощью божиею спасся от смерти. Так он говорил, в надежде славою первого венчанного Димитрия привлечь к себе войско и обмануть самую Москву, и хотя был Самозванец, однако-ж при содействии наших едва не достиг своей цели: все государство Московское ему покорилось, кроме трех только городов, Москвы, Новагорода и Смоленска. Царицу также взял к себе, как жену; только сочетался браком с нею тайно. Этого Димитрия воскресил Меховецкий, который, зная все дела и обыкновения первого Димитрия, заставлял вторато плясать по своей дудке».

Н. Устрялов. «Сказание современников о Дмитрии Самозванце», т. II, стр. 21.

Плеяда самозванцев

«...И казаки мечтали добыть себе корму грабежем турских людей на море или службою персидскому шаху. Неизвестно, чем бы разрешилось их затруднение, если бы, вместо экспедиций в чужеземные места, казаки Бодырина не надумали «итить на Волгу громить судов торговых»; для того же, чтобы иметь предлог к такому походу, который они решили «опроче всего войска тайно», они надумали назвать одного из своей братьи, «из молодых товарищев», именно Илейку Муромца, царевичем Петром, сыном царя Федора. Так возник новый самозванец, имя которого должно было прикрыть покушение небольшой шайки на простой разбой. За этим Петром Федоровичем XVII века очень скоро последовал ряд по одному и тому же шаблону задуманных и провозглашенных казачьих самозванцев; поэтому подробная повесть о происхождении первого из них, «вора Петрушки», имеет интерес и цену. Она вскрывает перед нами те условия, при которых возникали небывалые царевичи в Астрахани и в «польских юртах». Как известно, их стало очень много уже в начале 1608 года, и это «еретичество великое» смутило даже самого Тушинского вора, который оставил нам обличительный перечень таких своих соперников, каковы бы-

ли: «царевич Август князь Иван» и царевич Лаврентий—в Астрахани, второй царевич Петр, царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелей, царевич Симеон, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка — в казачьих юртах на Поле».

С. Ф. Платонов. «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.», стр. 330.

Тушинский перелет

(Из «сказания» Авраамия Палицына)

«Кто же тоя беды изречет, еже содеяся во всей Росии? На единой бо трапезе седяще в пиршествех во царьствующем граде, по веселии же овии убо по царьские полаты, овии же в Тушинския таборы прескакаху! И разделишася на двое вси человецы, вси иже мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет мати градом Москва, то тамо отцы наши и братия, и род и друзи,— тии нас соблюдут; аще ли мы соодолеем, то такожде им заступницы будем! — Полския же и Литовския люди и воры казаки тем перелетом ни в чем ни вероваху и, яко волца надо псами, играху, и инех искушающе, инеми же вместо щитов от меча, и от всякого оружия, и от смертного поядения защищахуся; и бяше им стена тверда злокозньство изменник. И аще и вся злая и лютая видяще и слышаще, но не отступаху от того врага, ложнаго царика, и от Поляков; и недомыслимая в разум тому лжехристу и знаменоносец антихристовым вся промышляюще изменницы и всюду водяще и везде сохраняюще врагов християнских, Литву и Поляков. К смертным же боем прежде ополчавахуся и последи престаяху, Поляцы же и Литва вооружены стояще безделно, смеяхуся безумству нашему и межеусобию».

Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 502.

Обещание II-го Лжедмитрия полякам

(Письмо II Лжедмитрия к Яну Петру Сапеге. Июль 28 день 1610 г.)

Великими и важными обстоятельствами, особенно во время таковых возмущений в областях наших, мы приведены были выдерживать различныя не только набеги и опустошения областей наших от пограничных государей, но и должны были сносить необузданную собственных подданных наших измену, столь заразительную, что, без помощи и пособия обоих городов, трудно было бы оную уничтожить. Находясь в таком положении и зная, что границы областей Короны Польской почти соединены с государ-

ством Московским, нашею отчизною и наследственным государством нашим, мы обратились касательно помощи к знаменитой Короне Польской, представляя, чтобы она в такия бурныя времена воздержалась от неприятельских нападений на государство, наказанное от Бога внутренними раздорами, но чтобы лучше по любви христианской и соседственной, к дальнейшему укрощению своевольства (дабы впоследствии свет не имел таковаго примера), подали бы помощь от столь могущественнаго королевства Польскаго; оба сии пункта нами получены: и они от насильственнаго завладения областей наших удержались. И так, приняв во уважение надлежащим образом таковое доброжелательство знаменитаго народа непобедимого королевства Польскаго относительно нас и областей наших, мы предприняли и постановили свято,— утвердясь на престоле нашем, искать с королевством Польским прочной дружбы и заключить ее постоянным образом. Что же касается теперешняго доброжелательства его, которое оказало нам в этом несчастии, не щадя для нас ни крови своей, ниже имуществ, обещаем, и как несомненный долг на себя словом нашим царским принимаем: королю Польскому, тотчас же по восшествии на престол, дать триста тысяч золотых, а в казну Речи Посполитой в продолжении десяти лет, будем обязаны давать ежегодно по триста тысяч злотых. Сверх того, королевичу также ежегодно в течение сего времени по сту тысяч злотых. Всю землю Ливонскую своим коштом обратно завоевать Короне Польской обещаем. Также касательно королевства Шведскаго собственным коштом нашим помочь королю Польскому обещаем, и пока будет продолжаться эта экспедиция, 15.000 войска способнаго к бою из народа здешняго ставить будем обязаны; обещая притом против каждаго из неприятелей Короны Польской помогать равным образом своими людьми, в чем и они нам против неприятелей помогать долженствуют. А так как между нами и королевством Польским есть недоразумение касательно земли Северской, то мы не прочь от того (когда даст Бог благополучно возсядем на престол предков наших), чтобы вести о сем посредством великих послов наших переговоры; и ежели окажется, что действительно будет что либо кому следовать, то (желая сохранить любовь и согласие) от должнаго отступать не будем; но лучше будем желать, чтобы каждый остался при своем. И на предбудущее время во всех выгодах Короны Польской и народа сего вспомоществовать обещаем, и все то, что добровольно на себя мы приняли, постоянно сдержать обещаем; равно как удовлетворить всех обещаем и присягаем верою, совестию нашею, и словом нашим царским; также желаем утвердить это, возсев на престол, с согласием и подписью думных бояр наших. К чему ныне для большей достоверности собственною рукою подписались. Писано в стане под столичным городом Москвою, июля 28-го дня (нов. стил.) 1610.

«Записки гетмана Жолкевского». Приложения, документ № 33, стр. 99—102.

Письмо Лжедмитрия II к Яну Петру Сапеге

«Димитрий Иванович, Божиею милостию царь Московский и всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр. и пр. и пр., и иных многих государств и орд Татарских, Московской монархии подвластных, государь и дедичь.

Искренно и верно нам любезный! Получив ложное известие, что изменники и неприятели наши разбиты на голову, мы писали к вам о сем торжестве нашем. Но за тем воспоследовали противныя вести: неприятель не только не разбит, но, напротив, почти на плечах нашего войска вошел в Тверь, и так разсеял оное, что едва иной в рубашке успел прибежать в лагерь. Мы не раз писали уже, напоминая, что не должно терять времени за курятниками, которые без труда будут в наших руках, когда Бог удостоит благословить предприятия наши. Теперь же, при перемене счастья, мы тем более просим благосклонность вашу оставить там все, и спешить, как можно скорее, со всем войском вашим к главному стану, давая между тем знать и другим, чтобы и они спешили сюдаже. Просим, желаем непременно, и подтверждаем, чтобы благосклонность ваша иначе не действовали. За тем желаем благосклонности вашей добраго здоровья. Дано 24-го июля 1609.—Димитрий царь. Собственноручная приписка Самозванца: «Чтобы спешил как можно скорее».

«Записки гетмана Жолкевского». Приложения, док. № 15, стр. 33—34.

Письмо Марины Мнишек к Сигизмунду III

(15 января 1610 года из-под Москвы)

Наияснейший
Милостивый Король!

Милость Вашего Королевскаго Величества, фамилии Моей и лично Мне, многократно оказанная, по существу своему требовала, дабы я в сем моем сиротстве под милостивую защиту В. К. Величества прибегла: но сие несчастное заключение, которое совсем почти отняло у меня свободу воли, воспрещало мне и сие надежнейшее и вернейшее утешение. Теперь, когда В. К. В. на границу Московскаго Государства изволили вступить, Я с моей стороны искренно желаю, чтобы хорошие намерения имели счастливое начало, предпринимаемая война — вожделенный успех, а начатые подвиги — счастливые последствия. Если кем нибудь на свете играло счастье, то конечно мною: ибо из Шляхетскаго звания вознесло меня на высоту Московскаго престола, откуда бросило в ужасное заключение; из него проглядывала обманчивая свобода, но судьба ввергла меня в лучшую, как казалось, но, вероятно, в более пагубную неволю; и теперь в таком положении меня оставила, что, по сану моему, я не могу жить спокойно. От Всевышняго Господа Бога все сие с благодарностию принимая, Его Святой пре-

мудрости предаю дальнейшие дела мои. Несомненно в том уверена, что Он, яко разными путями многое чинит, то и теперь в сих замешательствах моего счастия не оставит милостиво изторгнуть меня из бед и спасти. Так как В. К. Величество изволили быть причиною и помощником прежнего моего счастия, то я совершенно уверена в милости В. К. Величества, и полагаю надежду на Господа Бога, что и в сем несчастии моем соизволите подать мне помощь. Все отняла у меня неблагоприятная фортуна; остались при мне: одна справедливость и право на Московский престол, коронациею обезпеченное, признанием за Обладательницу утвержденное и двоякою присягою от всех сословий жителей Московскаго Государства укрепленное. Все сие на милостивое внимание и проницательный ум В. К. Величества представляю, будучи уверена, что В. К. Величество, по мудрости своей, меня и фамилию мою, которая кровию, отважностию и издержками тому способствовала, щедро вознаградите; что неминуемо будет важною причиною к возвращению сего Государства и к удержанию крепкаго союза В. К. Величества, при благословении Господа Бога, который справедливость щедро и изобильно награждает. Желая сего, предаюсь защите и милостивому вниманию В. К. Величества.— Дан в лагере под столичным городом Москвою 15-го Генваря.

В. К. Величеству, всякого счастия от
Господа Бога желающая,
Марина Царица Московская.

«Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши во время самозванцев». «Памятники XVII века», изд. Мухановым, стр. 241—244.

Депеша французского агента к своему двору о состоянии дел в России в апреле 1610 г.

«Московския дела все еще в прежнем положении, и со дня на день становятся затруднительнее. Но чем менее способов к взятию Смоленска и чем более трудностей к достижению владычества над всею Россиею, тем более его величество (Сигизмунд III) решается не двигаться с места и не возвращаться без какого либо блестящаго и храбраго подвига. Да сохранит Бог его величество от всех бед.

Осада продолжается целые семь месяцев, и во все это время королевския войска своими орудиями не произвели в стене ни одного пролома, а осажденные не сделали ни одной вылазки.

Лже-Димитрий, подозревая Поляков, бывших в его армии, особенно после того, как посетили его стан королевские (Сигизмунда III) послы, бежал, боясь, по словам его, быть изрубленным в куски.

За ним последовали многие Поляки и Москвитяне; прочие остались в стане, в двух лье от города Москвы.

После бегства Лже-Димитрия, оставшиеся, как Поляки так и Москвитяне, послали своих послов к королю: Москвитяне поддавались королю, в том случае, если он даст им в цари, т. е. кесари или императоры, старшаго своего сына, на известном договоре; Поляки из'явили покорность его величеству, с условием, чтобы им дано было жалованье и все, что обещал им Лже-Димитрий, еслибы при помощи их достиг престола.

Король на все согласился, несмотря на то, что эти обещания, по общему мнению, несбыточны, столь твердое намерение имеет он овладеть Смоленском, хотя для этого не достает ему более ничего как людей, денег, власти и тому подобнаго, чем осажденные снабжены превосходно, в мясе только они начинают чувствовать недостаток. Еслибы они были так храбры перед стенами, (т. е. в поле) как внутри стен, то в пять месяцев они принудили-б осаждающих снять осаду и отступить. Шуйский, истинный великий князь, царствующий в Московии, воспользовался бегством Лже-Димитрия и разделением его армии, разбил несколько небольших Польских отрядов в разных местах и также лагерь Сапеги (котораго брат великим канцлером в Литве), Сапега спасся с весьма немногими людьми, оставив прочих на милость Скопина, родственника Шуйскаго. Таким образом дела в этом краю столь запутаны, что я не могу вам дать решительно даже наималейшего уверения касательно того, какой будет этим делам конец.

Шуйский известен как человек гордый и жестокий, что причинило величайшее смущение в народе. Говорят, что он, будучи сам весьма богат и могущ, намерен оставить власть и позволить чинам свободное избрание, при чем, полагают, что Скопин предпочтен будет всем.

Из сего видно, что все Москвитяне, как люди непостоянные и обманчивые, присоединятся к сказанному Скопину, оставив и Димитрия и короля и всякую другую партию; и таким образом Димитрий был бы предоставлен самому себе, да и сам король встретил бы трудности гораздо большия.

Мы просим Бога о благоденствии его величества, ибо если приключится ему какое несчастье, то Польша останется в самом жалком положении, потому что там столько партий, сколько голов.

Димитрий — простой солдат, родом сын кузнеца или кучера, но лично храбр, как мечь его, неустрашим, приветлив и хитер, как ни один из его дружины.

Поляки, последовавшие за первым Димитрием, убитым в последствии в Москве, по смерти его, выставили другаго Димитрия, чтобы иметь начальника и вместе предлог к исполнению своих замыслов, выдавая, что это первый Димитрий, котораго смерть они отрицают; а не менее того они обвенчали с ним жену перваго Димитрия, дочь Сандомирскаго воеводы, с условием не вступать в права супруга до тех пор, пока он не достигнет престола.

Первый Димитрий имел столько же прав на свои притязания и предприятия, сколько и этот; но он был весьма удобным орудием для Поляков, которые начали приводить свои замыслы в дей-

ствие при возникших распрях между Москвитянами касательно избрания их великаго князя в императоры, чтобы из сего извлечь свою пользу, и в мутной воде ловить рыбу, что и теперь делают.

Говоря правду, оба они (т. е. оба Димитрия самозванцы) имели столько счастия и успеха и встретили так мало сопротивления, что можно было бы почесть тогда вероятным совершенное утверждение Лжедмитрия в этом государстве, что доставило бы Полякам средство сделаться великими и могущественными властелинами.

Король, видя такой неожиданный успех и получив обещание от Смоленскаго воеводы — предоставить во власть его землю, называемую Северским княжеством, принадлежавшим постоянно Польскому королевству до 1514 года, предпринял, на сем основании, поход, котораго до сих пор не кончил.

В Ливонии ни с той ни с другой стороны не делается ничего.

Что касается до нашего здесь пребывания, то видно, что нас досадуют всякими способами и оказывая нам неприятности. Но да поможет нам Бог, что Он и учинит, ибо тут дело идет о прославлении его святаго имени.

Писан 15 апреля (5 апр. ст. ст.), 1610 года».

«Записки гетмана Жолкевского о Московской войне». Приложения, стр. 49—52.

РАЗОРЕНИЕ ИНТЕРВЕНТАМИ РУССКОГО НАРОДА И ЕГО ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ

Из отписки Устюжан к Вычегодцам, о разорении Ростова литовскими людьми, 1608, ноября 27

«...Нынешнего, 117 году Ноября в 26 день приехал к нам на Устюг, из Ярославля, Устюжской кабацкой откупщик, Михалко Иванов; да с Вологды приехал здешной Устюжской пристав Поспелко Усов. И кабацкой откупщик Михалко сказывал нам на совете, при всем народе, что Божиим изволением, грех ради наших, сделалось над Ростовом: пришед Литовские люди в Ростов, их плоштвом, потому что жили просто, совету де и обереганья не было, и Литовские де люди Ростов весь выжгли и людей присекли, и с Митрополита с Филарета сан сняли и поругалися ему, посадя де на возок с женкою да в полки свезли; а из Ярославля де лутчие люди *), пометав **) домы своя, разбежалися, а чернь со князем Феодором Борятинским писали в полки повинные и крест де целовали, сказывают, Царевичу князю Дмитрею Ивановичу; и оттуда де, из Ярославля князь Феодор Борятинский прислал на Вологду наказ и целовалную запись, и на Вологде де Никита Пушкин с товарыщи крест целовал же и Волог-

---

*) Лутчие люди — богатые люди.
**) Пометав — побросав.

жан ко кресту приводил, и к Тотьме с того наказу список и целовалную запись прислал же, и Тотмичи, сказывают, от нужи со слезами крест целовали...

Да пристав Поспелко Усов нам, при всем же народе, сказывал: при нем же де присланы из полков два сына боярские, и чли при всем народе, а писана к мирским людем ко всей земле, на Вологду, грамота, и ту де грамоту он слышал как чли, недели с две, и в грамоте писано: велено собрати с Вологды с посаду и со всего Вологодского уезда, и со архиепископских и со всяких монастырских земель, с сохи *) по осми лошадей, с саньми, и с веретеи, и с рогожами, да по осми человек с сохи, а те лошади и люди велено порожжие гонити в полки; да в той же де грамоте написано: велено собрати с Вологды же с посаду и со всего Вологодского уезда, с выти **) со всякие, сколько в Вологодском уезде вытей есть, столового всякого запасу, с выти, по чети муки ржаной, по чети муки пшеничной, по чети круп грешневых, по чети круп овсяных, по чети толокна, по чети сухарей, по осмине гороху, по два хлеба белых, по два ржаных, да по туше по яловице по большой, да по туше по баранье, по два полти ***) свинины свежия да по два ветчины, да по лебедю, да по два гуся, по два утят, по пяти куров, по пяти ососов, по два зайца, по два сыра сметанных, по ведру масла коровья, по ведру конопляного, по ведру рыжиков, по ведру груздей, по ведру огурцов, по сту ретек, по сту моркови, по чети репы, по бочке капусты, по бочке рыбы, по сту луковиц, по сту чесноку, по осмине снедков, по осмине грибков, по пуду икры черные, да по осетру по яловцу, да по пуду красныя рыбы, да питей по ведру вина, по пуду меду, по чети солоду, по чети хмелю; то столко всякого запасу с одной выти, а с иных со всякия выти потому же; а те запасы велено провадити Вологодским уездом, мирским людемь, старостам и целовалником, на мирских подводах, опричь тех, что по осми лошадей с сохи.

А по другой грамоте велено на Вологде же, переписати у торговых людей, которые торгуют рыбою, рыбу всякую и рыбных ловцов и ловли рыбные всякие, а ловити велено свежую рыбу ловцом на него, которой ся называет князем Дмитреем пять дней и пять ночей, а шестой день велено ловити на дворецкого его, на князя Семена Звенигородского; а ловля рыбная всякая велено имати на посаде и в волостех и ловцов. И как те обе грамоты в народе прочли, и Вологжане против тех грамот ничего не сказали, а иные многие заплакали, а говорят де тихонько друг с другом: хоти де мы ему и крест целовали, а токоб милосердный Бог праведный свой гнев отвратил и дал бы победу и одоление на враги Государю Василию Ивановичу всея Русии, и мы де и всею душою ради все головами служати, токо буде иные

---

*) Соха — единица земельного обложения.
**) Выть — земельный тяглый участок, окладная единица.
***) Полоть — полтуши.

городы, Устюг и Усолье и Поморские, нам помогли, и нам всем также было безделно померечь же будет...

И мы, господине, поговорили с Устюжаны с посадскими людьми и с волостными крестьяны: как, коим обычаем, тем делом промыслити, токо к нам на Устюг также, как и к Вологде и к Тотьме, пришлют наказы и целовалную запись, и нам целовать ли крест или стояти крепко? И Устюжане, господине, посадские люди и волостные крестьяне с нами говорили накрепко, что креста целовати тому, которой называется Царем Дмитрием, не хотят, а хотят стояти накрепко, и людей сбирати хотят тотчас со всего Устюжского уезда поворотно головами. А про Московское Государство они же иные люди сказывали, что Московское Государство, дал Бог, стоит по старому здорово...

А наша мысль то: будет вы к нам приедете и стоять с нами заодин похотите, и нам вам в том крест целовати меж собя, а вам также крест целовати, что нам с вами, а вам с нами и ожидать и умереть вместе».

«Памятники истории смутного времени», № 12. Изд. Клочкова.

Челобитная самозванцу крестьян Переяславского уезда, Закубежской волости, о запрещении литовцам разорять означенную волость

(1609—1610 г.)

«Царю и государю и великому князю благоверному Димитрею Ивановичу всеа Руси бьют челом и плачутца и повинуютца Божии сироты да твое государевы, Переславского уезда Залесского, Закубежские волости, старостишко Курбатко Павлов, да Матюшка Яковлев деревни Кошелева, да Шестачко Курбатов деревни Овчинникова... (еще 21 имя) и все крестияне Закубежские волости.

Благоверной царь, государь и великий князь Дмитрей Ивановичь всеа Руси! пощади сирот своих государевых, не вели нас Литовским людям воевати и на смерть побивати, и женишек и детишек наших в полон имати, и животишек наших грабити, и своих государь, вотчинных деревень Закубежские волости пожигати; твое государь, Литовские люди нас, сирот твоих, в Закубежской волости многих людей на смерть пересекли и животишка наши все поимали; а кои, государь, досталные твое государевы крестьянишка осталися, и оне с страху и с ужасу скитаюца по лесу и болоту душею и телом, хлебишко наше рожь и ярь не жата и озимная не сеяна.

Благоверной царь, государь и великий князь Дмитрей Ивановичь всеа Русии! пощади нас сирот своих государевых, не вели нас воевати, и на смерть побивати, и животишек наших грабити; а мы, государь, сироты твое...».

Дополнение к «Актам Историческим», т. I, № 159.

Насилия поляков

«Вот какие челобитные получал Тушинский царь от своих подданных: «Царю государю и великому князю Димитрию Ивановичу всея Руси бьют челом и кланяются сироты твои, государевы, бедные, ограбленные и погорелые крестьянишки. Погибли мы, разорены от твоих ратных воинских людей; лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши все выжжены, а что было хлебца ржаного,— и тот сгорел, а достальной хлеб твои загонные люди вымолотили и развезли. Мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворов, пить и есть нечего, помираем с женишками голодною смертью, да нас же просят твои сотные деньги и панской корм, стоим в деньгах на правеже, а денег нам взять негде». Из другого места писали: «Приезжают к нам ратные люди Литовские, и Татары и Русские люди, бьют нас и мучат, и животы грабят. Пожалуй нас, сирот твоих, вели нам дать приставов!» Из третьего места писал крестьянин: «Стоит у меня в деревне пристав твой государев, пан Мушницкий; насильством взял он у меня сынишка моего к себе в таборы, а сам каждую ночь приезжает ко мне, меня из дворишка выбивает, хлеба не дает, а невестку у себя на постели насильством держит». Но не от одних притесненных дошли до нас жалобы на притеснения. Суздальский воевода Плещеев доносил Сапеге, что «во многих городах от великих денежных поборов произошла смута большая, мужики заворовались и крест целовали Василию Шуйскому: оттого денег мне собирать скоро нельзя, не та пора стала, в людях смута великая».

С. М. Соловьев — «История России с древнейших времен», том 8-й, гл. 5-я, стр. 869.

Партизанская борьба русского народа против интервентов

Бесчинства поляков, разорение и насилия от них вызывают под'ем народной борьбы с интервентами. Уже в конце 1608 года поднялись на них: Устюжна Железопольская, жители которой с помощью белозерцев несколько раз отбивали от своих стен тушинские отряды; Галич с пригородами; Кострома, Поволжский городец, Решма, Балахна и ряд др. городов.

Движение шло от народных масс, под руководством выборных предводителей, напр., губного старосты Беляя Ноговицына в Городце, стрелецкого Федора Красного в Юрьевце, крестьянина Григория Лапши в Решме и т. д.

Отрывки из отписки Устюжан к Вычегодцам от 1608 г., декабря 4 о борьбе против поляков в гг. Вологде, Галиче, Тотьме

«...I. По Государеву Цареву и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии указу, из Галича от приказных людей от Ивана Ивановича Котенина да от Третьяка Федоровича Черевина, и от князей, и от дворян, и от детей боярских, и от Галичан от посад-

ских людей и Галицких пригородов и черных волостей от крестьян, к Соле Тотомской Козме Даниловичу Строганову и всей Соли Тотомския старостам и целовалником и всей Соли Тотомския уездным старостам и целовалником и всяким людем. А здесе у нас, в Галиче, князи, и дворяне, и дети боярские, Галичане посадские люди и Галицких пригородов и черных волостей крестьяне, помня Спаса и Пречистую Богородицу, и Московских Чудотворцов дом Петра и Алексея и Ионы, и всех Святых, и Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии, и крестное целованье, хотим все заодно за православную крестьянскую веру померети; а у нас, в Галиче, собранье великое всяких людей, с сохи по сту человек, половина конных, а другая пеших, опричь того, которые сами охотно идут головами; а преж сего к вам от Соли от Галицкия приказные люди и посадские и волостные крестьяне с вами ссылалися и писали многажды, и вы тому не поверили. И вы б нашему писму однолично поверили, а которые люди у вас в сборе есть, и вы б тех людей к нам в Галичь прислали тотчас; а ссылалися бы естя меж собя по городом сами, для ратных людей, на Устюг, и к Соле Вычегоцкой, и на Вятку, и во все Подвинье, и в Пермь Великую. А послали мы к вам с сею грамотою Галиченина сына боярского Власья Матфеева сына Верховского, да Галиченина посадского человека Ивана Григорьева сына Фарафонова, да Соли Галицкие посадского человека Будила Говорова. А Черемисы у нас Луговыя пришло в Галичь пять тысячь, а Горняя сбирается головами. А которых ратных людей ведаете в сборе, и вы б к нам же посылали в Галичь тотчас; а были бы естя к нам в Галичь с зельем и с нарядом; а к Вологде мы писали же. А не почнете таким Государевым великим делом радети, и вам от Бога и от Государя не пробудет. А грамоту писал Галицкой земской диячек Никитка Огафонов сын Тюзнев. — А позади пишет: Соли Тотомския земской староста Тимошка Степанов руку приложил. К сему списку подьячей Ондрюша Новиков руку приложил. А пришла к Тотме Ноября в 1 день.

II. На Тотму, Козме Даниловичу, да Харламу Губину, да Григорью Еремееву, и всем Тотомским посадским людем, и Тотомского уезду волостным старостам и целовалником и всем крестьяном: Вологодские посадские земские целовалники Тимошка Лягушкин с товарыщи, да посадские люди, Нечайко Трофимов, да Никитка Неклюдов, да Нечайко да Исачко Щелкуновы, да Гришка Гарасимов, да Васка Малыгин, и все Вологоцкие посадские и волостные лутчие и середние и молодчие людишка и вся чернь, челом бьют. Да здесе, господине, учинилось у нас на Вологде Ноября в 29 день: приехали из полков, от . . . . от Сопеги, пан Янь Поляк со многими паны и с детми боярскими, нас побивати, и животы наши грабить, и жен наших и детей в полонь имати. И вы б, государи, попомнили Бога и Пречистые Богородицы и крестное целованье за Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии, и веры крещеныя не порушали, и за Государя и за свое крестное целованье постояли с нами вместе, и ожить и умереть за-

один друг за друга, и силы к нам людей прислали, и пушки, и затинныя, и селитру тотчас наспех, не издержав; а мы вам, против того всего, той казне пошлем роспись за своими руками; а вы б, господине, отписали к Устюгу и к Соле, а иные б отписали на Вятку и в Пермь, а они б с силою были тотчас и нас не подали, чтоб наша православная вера не разрушилась. А которые Государевы изменники, воевода Федор Нащекин и пан Янь Поляк, и многих панов и детей боярских переимали и посажали их в тюрму до Государева указу, а которыя у них грамоты изменныя выняли, что нас им побивати, и животы наши грабити, и жен и детей в полон в Литву взять, и вы б, государи, Бога попомнили и крестное целованье, людей с оружьем и с нарядом, и селитру, и порох, тотчас прислали неиздержав; а мы вам много челом бьем. — А позади пишет: К сей памяти земской целовалник Тимошка руку приложил. К сей памяти земской целовалник Тихонко руку приложил. К сей памяти целовалник Дружинка руку приложил. К сей памяти земской целовалник *) Панка руку приложил. К сей памяти Исачко руку приложил. К сей памяти Онтоманко руку приложил. Прислана на Тотму с Вологды Декабря в 1 день, а с чего писано отпущен такой же с'ем в Пермь Великую».

«Акты Археограф. Экспедиции», том 2-й, док. № 91, стр. 185—186.

Борьба русского народа с поляками

О совокуплении всех православных христиан и о побое на Литву и на русских воров

Нижегородцы же слышавшие поход ратных людей с Балчика к Нижнему, и собрався пойдоша к Балахне, и Балахну град взяша, и ко Кресту их приведоша. Бог же вложи мысль добрую во всю чернь, и нача сбиратися по городам и по волостям, в Юрьевце Повольском собрався с сотником с Федором Красным, на Решме сь крестьянином Гришкою Лапшею, на Балахне с Ивашкою Кушинниковым, в Гороховце с Федькою Наговицыным, на Холую Илейка Деньгин совокупишася все единомышленно, и пойдоша в Духь, и в Духу Литовскихь людей побиша и Дворян поимаху, и отсылаху в Нижний, а иных побиваху и домы их разоряху, и пойдоша в Шую. Лисовский же, слыша то, посла против их Феодора Плещеева в село Данилово. Они же слыша то, что Феодор прииде с воровскими людьми и сь Литовскими, и их побиша на голову. Феодор же утече вь Суздаль не с великими людьми. На Москве же прото отнюдь не ведомо было ничто.

---

*) Целовальник — должностное лицо (от слова «целовать крест», приносить присягу).

О обращении поморских городов и о побое на русских людей в селе Даниловском

Грады же поморские и Вологда и Устюг великий и иные города обратишася на истинный путь, и Царю Василию целоваша крест, и Литовскихь людей побиша, и собрашася черные люди, також, как Понизовые города и многие грады, и приидоша в село Даниловское, и поставиша там острог. Литовские жь люди и Русские воры собирались во множестве, и приидоша к Даниловскому, и бои быша многие. Грех же ради наших тот острог взяша, и многих людей черных побиша, а сами отьидоша в Ростов.

«Летопись о многих мятежах». Изд. 2-е, стр. 148—149.

Характеристика Скопина-Шуйского

Князь М. В. Скопин - Шуйский, племянник Василия Шуйского, был послан своим дядей в Новгород для заключения союза со Швецией и для сбора ратных людей против тушинцев. Молодой, но очень энергичный, умный и храбрый человек Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, опираясь на партизанское движение Московского севера, одержал блестящую победу над тушинцами, занял Александровскую слободу и прогнал поляков от Москвы. В Москве Скопина встречали с триумфом, как победителя и освободителя. Но вскоре после этого он умер. Тогда в Москве ходили упорные слухи о том, что будто бы молодой Скопин был отравлен Василием Шуйским.

«Сей Шуйский-Скопин хотя был молод, ибо ему было не более двадцати двух лет, но, как говорят люди, которые его знали, был наделен отличными дарованиями души и тела, великим разумом не по летам, не имел недостатка в мужественном духе, и был прекрасной наружности...».

«Записки гетмана Жолкевского», стр. 25.

Смерть Скопина-Шуйского

«Храбрый же Скопин... получил от Василия Шуйскаго в награду — яд. Царь приказал его отравить, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за ум и мужество более чем его самого. Вся Москва погрузилась в печаль, узнав о кончине великаго мужа».

«Записки гетмана Жолкевского». Приложения, стр. 59—62 (из Беровой Московской летописи).

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский

Поезжает Скопин-от, да князь-от Михайло Васильевич,
Поезжает Скопин-от за Москву-реку.
Да наказывает Скопину-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жена:
«Уж ты душенька, Михайло да ты Васильевич,
«Уж ты тот-ли князь да Скопин-от!
«Ты не езди, Скопин, да за Москву-реку:
«Там поставят тебя-то ведь не на пир зовут,
«Не на пир тебя зовут-то, не пировать с тобой,
«Они тебя — держать все крестника
«У того-то у князя у Московскаго.

«Ты одержишь своего хошь приемника».
Говорит ему родна-та да его матушка:
«Ты не пей-ко-се у них да зелена вина,
«Ты не кушай-ко у них все ествы сахарныя:
«Да уходит тебя кума, да дочь Малютьева».
Он не слушает наказу-то родной матушки,
Родной матушки наказу-то, молодой жены;
Поезжает-то Скопин-то князь Михайло-свет Васильевич,
Он берет, берет коня-то богатырскаго,
Он уехал за матушку Москву-реку.
Приезжает ко князю-ту ко московскому;
Да стречают Скопина-та князя Михайла Васильевича,
Да стречают его на широкой светлой улице,
Приглашают его все почестен пир,
Да идет-то Скопин — князь Михайло Васильевич,
Он идет-то да ничего все не думает;
Одержал же он своего все восприемника.
Собирает князь на радости тут почестен пир,
Он почестен пир да он навесь на мир:
На своих-то князей да он на бояров,
Для того-то собирает больше Скопина кума,
Для того-ли-то князя Михайла Васильевича;
Да садит он его все во большо место,
Во большо его место да еще все к себе.
Еще тут ведь бояра все зло подумали;
Разговорили они да все княгиню тут,
Насыпали в стакан ему зелья лютаго;
Подносила кума все ему крестовая.
Выпивает Скопин, ничего не думает.
Загорело у его скоро ретиво сердце;
Выходил-то он ведь скоро из честна пира.
Говорил-то он куме-то своей крестовою:
— Уж ты гой еси, кума ты моя крестовая!
— Опоила ты все ты меня, безбожница,
— Опоила меня ты да зельем лютыим,
— Ты злодейка кума, ты да змея лютая,
— Змея лютая ты, да дочь Малютина,
— Дочь Малютина ты, да все Скурлатова!
— Отвези ты меня, да кум крестовой мой,
— Ко своей-то отвези меня к родной матушке.
— Еще я-то на вас-то да зла не думаю:
— Уходила меня кума-злодейка зла,
— Да злодейка-та зла, да дочь Малютина. —
Уезжает он скоро да к родной матушке,
К родной матушке, к своей-то он к молодой жене,
Еще тут-то заходит-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да он ко матушке.
Он зашол-то, сам слезно да уливается,
Он всемирно во своих грехах всем он каялся,

Еще тут-то с души он скоро преставился:
Да сгорело у его-то тут ретиво сердце.

Ино что у нас на Москве учинилося:
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости Москвичи:
«А теперь наши головы загибли,
«Что не стало у нас воеводы,
«Васильевича князя Михайла!
А с'езжалися князи, бояра супротиво к ним,
Мстиславской князь, Воротынской,
И между собой они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулися:
— Высоко сокол поднялся
— И о сыру матеру землю ушибся! —
А расплачутся Свецкие Немцы:
«Что не стало у нас воеводы,
«Васильевича князя Михаила!»
Побежали Немцы в Нов-город.
И в Нове-городе заперлися,
И многой мир — народ погубили,
И в латынскую землю превратили.

«Русская устная словесность», т. II, Былины. Исторические песни, стр. 414—416.

СЕМИБОЯРЩИНА — АГЕНТУРА ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Из Окружной грамоты бояр, окольничьих и всех чинов Московскаго государства в Пермь великую, о сведении царя Василия Иоанновича с престола

(1610 г., июля 20)

«За грех всего православного крестьянства в Московском государстве многое время кровь крестьянская льется межусобною бранью и, видя меж православных крестьян межусобье, Полские и Литовские люди пришли в землю государьства Московского и многую крестьянскую кровь пролили, и церкви Божии и монастыри разорили, и образом Божьим поругаются, и хотят православную крестьянскую веру в Латынство превратити; и ныне Полской и Литовской король стоит под Смоленском, а гетман Желтовский с Польскими и с Литовскими людми стоит в Можайску, а иные Литовские люди и Руские воры пришли с вором под Москву и стали в Коломенском, а хотят Литовские люди, по ссылке с гетманом с Желтовским, государьством Московским завладети и православную крестьянскую веру разорити, а свою Латынскую веру учинити.

И дворяне и дети боярские всех городов, и гости, и торговые люди, и стрелцы, и казаки, и посадские, и всяких чинов люди все-

го Московского государьства, поговоря меж себя и услыша украинных городов ото всяких людей, что Государя Царя и Великого Князя Василия Ивановича всеа Русии на Московском государстве не любят, и к нему, к Государю, не обращаются, и служити ему не хотят, и кровь крестьянская межусобная льется многое время, и встал отец на сына и сын на отца, друг на друга, и видя всякие люди Московскому государьству такое конечное разоренье, — били челом ему, Государю, всею землею, всякие люди чтоб Государь государство отставил для межусобныя брани и для того, которые от него Государя боясь опалы или которые его Государя не любя, и к нему к Государю и ко всему Московскому Государьству не обращаются, и те б все были в соединенье и стояли б за православную крестьянскую веру, все заодно.

И Июля в 17 ден Государь, Царь и Великий Князь Василий Иванович всеа Русии, по челобитью всех людей, государьство отставил и с'ехал на свой на старой двор и ныне в чернецех. И мы... целовали животворящей крест на том, что нам всем против воров стояти всем государьством заодно и вора на государьство не хотети; и вам бы всем, всяким людем, стояти с нами вместе заодно и быти в соединенье, чтоб наша православная крестьянская вера не разорилась, и матери бы наши и жены и дети в Латынской вере не были; а на Московске б государьство выбрати нам Государя всею землею, сослався со всеми городы, кого нам Государя Бог даст, а до тех мест правити бояром князю Феодору Ивановичу Мстиславскому с товарыщи; и промеж бы всех православных крестьян убийства и бою и грабежу и всякого воровства не было, ни кому ни каковы недружбы не мстити, и против вора и Литовских людей стояти всем заодно, чтоб государьства Московского Полские и Литовские люди до конца не разорили».

«Акты Археографическ. Экспедиции», т. II, № 162.

Состав семибоярщины

«Имена «седмочисленных бояр» можно возстановить. Для этого нам послужит, во-первых, боярский список 1611 года, из которого возможно выбрать,— конечно, с известною осмотрительностью,—семь имен первенствовавших в тот момент в Москве бояр. А во-вторых, сохранился и современный перечень тех семи бояр, которые под стенами Москвы в сентябре 1610 года обсуждали с Жолкевским вопрос о введении в Москву польских войск. Это были: князья Ф. И. Мстиславский, Ив. М. Воротынский, Ан. В. Трубецкой и Ан. В. Голицын, далее Ив. Н. Романов, Ф. И. Шереметев и кн. Б. М. Лыков».

С. Ф. Платонов—«Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.», стр. 455.

Договора русских феодалов с поляками

С поляками было заключено о призвании Владислава на русский престол три письменных договора:

1-й был заключен под Смоленском самим Сигизмундом III с Михаилом Салтыковым и др. боярами из Тушинского лагеря 14/II—1610 г.

«Акты Западной России», том 4-й, стр. 314—316.

2-й — гетманом Жолкевским близ Царева-Займища с князем Елецким и Валуевым. Валуев и Елецкий предводительствовали войсками в Царево-Займище и после разгрома русских под Клушиным сдались полякам и заключили вышеназванный договор 25/VI—1610 г.

«Записки гетмана Жолкевского», приложения, док. № 24, стр. 61—64.

3-й договор заключен под Москвою между Жолкевским и Московскими боярами (Мстиславским и др.) VIII—1610 г.

Отрывки из договорных статей польского короля Сигизмунда III-го с Московскими боярами (14/II—1610 г.)

Отказ (ответ) наяснейшего Жикгимонта третьего, Божьею милостью короля Польского и великого князя Литовского, Московского господарства бояром, околничим, дворяном, дьяком думным и всим станом, на артыкулы и прозбы их:

1. Написали есте: кгды даст Бог, великий господар король его милость в Московском господарстве и на всих преславных и великих господарствах Российских захочет великим господарем царем и великим князем учинити сына своего Владыслава, абы его милость великий господар царь и великий князь на Московское господарство короновался або венчался венцом царским и диядемою, в Москве, от руки патрыарха Московского, стародавным обычаем, як прошлые великие господары Московские на преславное господарство Московское короновалися. — На то его королевская милость позволяти рачит, кгды Господь Бог волю и час свой за успокоением доскопалым того господарства пошлет.

2. Абы святая православная Греческая вера и святая апостольская церковь мела свою целость и красоту по першому, и в апостольских и вселенских научителев науце и поданью ни в чом не нарушена была, и абы учители Римские и Люторские и иных вер разорванья церковного не чинили, а которые Римское веры люди захочут приходить до церкви Греческое веры, тые абы приходили со страхом, яко пристоит правдивым христианом, а не гордостью и не в шапках, и псов бы с собою не водили в церковь, и не водлуг часу в церкви не седели...

5. Бояр и окольничих и всяких думных и ближних и приказных людей господар его милость хочет мети в учтивости и в ласце своей господарской, яко хто годен и яко было с початку, и звычаи вси давные добре хочет заховати; а жалованье, денежные сброки, и поместья и отчизны, хто што мел перед тым, тое и впе-

ред мети мает, а господарь его милость в ласки и щодробливости своее, и над то водлуг заслуг каждого прибавляти и причинятися будет рачити...

11. Естли ся хто в чом провинит з якого — кольвек стану и каранье заслужит в господарских и земских делех, того господар его милость водлуг вины и выступку карати мает, осудивши первей справедливо с бояры и с думными людьми; а жоны, дети, братья, которые того учинку не помогали и не ведали, альбо не произволяли, казнены быти не мают, и овшем при своих отчизнах и поместьях и маетностях зоставати мают; а не дошедши выступку и не осудивши судом с бояры всими, никого не карати, чести з них не брати, на вязенье не засылати, поместья и отчизны не отыймовати. А великих станов людей невинне не понижати, а меньшие станы подносити водлуг заслуг...

До Литвы теж и до Польши никого поневоле господар его милость отводити не будет рачить. А для науки вольно кождому з народу Московского людем ездити в иншые господарства христианские, опрочь бусурманских поганских, а господар его милость отчизн и маетностей у них за то отыймовати не будет.

15. Купцом Польским и Литовским в Московском господарстве, а Русским Московским в Польше и в Литве торги мають быти вольные, и не только в своих господарствах во всих всякими товарами торговати, але и до чужих земель через Польшу и Литву купцом Русским для торгов ездити позволяти рачит его королевская милость; а тамги з них на Москве и во всих городах Московского господарства, также в Польше и в Литве роскажет король его милость брати водлуг стародавного обычаю, як бирано было перед тым, ничого больш над то не прибавлячи, ани упоминков через мус не вымогаючи.

16. Мужиком хрестьяном до Литвы из Руси, а з Литвы до Руси, и на Руси всяких станов людем Руским промеж себе выходу не кажет король его милость допущати.

17. Холопов невольников боярских заховывати рачит его королевская милость при давных звычаях, абы бояром альбо паном своим служили по первшому: а вольности им господар его милость давати не будет рачить.

Краткое содержание договора Жолкевского с боярами

(17 августа 1610 г.)

1. Всем сословиям Московского государства просить короля Сигизмунда, чтобы он отпустил королевича Владислава на Московский престол.

2. Королевичу венчаться на царство от патриарха по древнему обряду.

3. Владиславу царю чтить святые храмы, иконы, мощи и все духовенство; церковных имений не отнимать, в духовные дела не вмешиваться.

4. В России не быть ни латинским, ни других вероисповеданий, костелам; евреям не в'езжать в Московское государство.

5. Не переменять древних обычаев; чиновниками и боярами должны быть одни русские.

6. Поместья и отчинны неприкосновенны.

7. В основе гражданского правосудия должен быть судебник, исправление и дополнение которого зависит от государя, думы боярской и земской.

8. Государственных преступников казнить единственно по осуждению царя с боярами и людьми думными; без торжественного суда боярского никто не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.

9. Кто умрет бездетен, имение его отдать ближним, или кому он прикажет.

10. Доходы государственные остаются прежние; а новых налогов не вводить без согласия бояр.

11. Земледельцам не переходить ни в Литву, ни в Россию от господина к господину.

12. Польше и Литве утвердить с Россией вечный мир.

13. Жителей из одного государства в другое не переводить.

14. Торговле между обоими государствами быть свободной.

15. Королю немедленно вывести войско из всех городов русских.

16. Всех пленных освободить без выкупа.

17. Гетману отвести Сапегу и других ляхов от Лжедмитрия и вместе с боярами взять меры для истребления злодея.

18. Гетману стоять с войсками у Девичьего монастыря и никого из своих не пускать в Москву, без дозволения бояр и без письменного вида.

19. Марине Мнишек ехать в Польшу и не называться государынею Московскою.

20. Отправиться великим послам российским к государю Сигизмунду и бить челом, да крестится Владислав в веру греческую.

Из письма Жолкевского о московском походе

(11/V — 1609 г.)

«...Носятся также слухи в народе, что В. К. Величество из предстоящей экспедиции намерены искать пользы не столько для республики, сколько собственно для особы вашей. А посему то происходит, что злоречием исполнен не только низший класс народа, как я уже докладывал В. К. Величеству, но и здесь неблагоприятные слухи возникли между теми, кои собрались было в Красный-Став, по удалении Людвига Вейера; да и везде, между народом и даже между сенаторами, сих слухов не оберешься: как то неприятно о сем говорят и жалуются на сей В. К. Величества замысел. По моему мнению, необходимо по крайней мере, чтобы сенаторы, как знатнейшия особы в государстве, знали о намерениях В. К.

Величества и уничтожали тем народные толки; ибо, во всяком случае, от хорошаго расположения народа многое зависит. Сохрани Господи, чтобы дела не пошли бы тотчас по желанию; но хотя бы даже (чего дай Боже) пошло как наилучше, не вдруг однако может быть конец: проволочка же времени будет требовать больших издержек; от людей же недовольных трудно ожидать помощи, упоминаю о сем для предостережения В. К. Величества. По моему мнению, для окончания сего, одной четверти года, кажется, будет недостаточно; на дальнейшее же время потребно иметь наличныя деньги. Ибо, ныне—дурныя времена: ежели бы, по истечении одной четверти года, не стало наличных денег на другую, то кто может поручиться в том, что солдаты не сделают бунта, а тогда пришлось бы остановиться на средине пути. Не делали этого прежде Польские солдаты, и на моей уже памяти, заслуженнаго жалованья ожидали терпеливо, не взирая на великие труды и нужды, но в теперешнее время весь свет развратился. С теперешним предприятием сопряжена честь и здравие В. К. Величества, — поелику изволите присутствовать там своею особою, то и должен я заботиться о сем; а для того припоминаю В. К. Величеству, что поход этот великих требует сумм, которыя трудно получить от людей недовольных. Если же, напротив, сделается известным и распространится в народе, что В. К. Величество ищете не увеличения собственнаго только достояния, но распространения областей Речи-Посполитой, то это возбудит в нем совсем иное расположение, нежели с каким теперь он слушает об этом деле: и также войско (котораго список составленный подкоморием собственноручно, прислан им ко мне), В. К. Величество будете иметь на все более готовым. Не без основания сказано, что у Бога все возможно: неизвестно кому поможет: немногим или многочисленным? Однако, сообразуясь с ходом дел человеческих, и как проведший в войнах почти всю жизнь мою, могу предсказывать, если дойдет до того, что миролюбиво (о чем должно стараться) ничего не уладится и придется решать оружием, счастливый успех, сколько знаю по преданности В. К. Величеству войска, о котором шло дело, и о чем не стану теперь распространяться. Я желал бы прибавить пехоты, в которой может быть великая потребность для гарнизонов, особенно при введении новой верховной власти. Здесь однако В. К. Величество изволите принять во внимание отдаленность пути, и что уже далеко подвинулись мы в летнюю пору, и неизвестно, как скоро мы можем выступить. Я с моей стороны не терял до сих пор времени, уговариваясь с воинством, чтобы, получив за одну четверть, мы могли выступить в поход не дожидаясь кварты за вторую, а теперь, по приказанию В. К. Величества, посылаю к тем, которые внесены в присланный ко мне реэстр; ибо желаю лучше уговаривать их таким образом по одиночке (хотя это придется мне с большею затруднительностию), нежели сзывать их всех вместе, что довольно опасно. Что только узнаю, по получении мною ответов, немедленно сообщу в. к. величеству. До сих пор однако ничего хорошаго от них не слышу: не имеют охоты выступить в скором

времени, выставляя причиною не столько ожидание целый год заслуженнаго жалованья (в чем переуверить их теперь присланное от В. К. Величества обезпечение), но в особенности, как это будет перед новым хлебом,— опасаясь голода; во время жатвы они пошли бы охотно, ибо по истине вижу их хорошее расположение. Не перестаю представлять им то, что В. К. Величество изволите предпринимать эту экспедицию не с таким намерением, как распространяют злые люди, но с целию увеличения областей Речи-посполитой, что это будет не нападение на находящихся там братьев *), но делается для собственной их же пользы, и что они безразсудною вспыльчивостью ничего не сделают; что В. К. Величество намерены основательно и милостиво обдумать как выгоды Речи-Посполитой, так равно и награду за их заслуги. Таковыя речи склоняют умы солдат к готовности на эту В. К. Величества службу...».

«Записки гетмана Жолкевского», приложения, стр. 27—30.

Директивы Сигизмунда III — Гонсевскому в Москву

Гонсевский руководил поляками после от'езда Жолкевского, т. е. в период борьбы поляков с 1-м и 2-м ополчениями. Был в должности референдария, т. е. помощника канцлера, докладчика жалоб и исков.

I. Необходимо прежде всего внушить Мстиславскому, что доброжелательство, которое он питает в отношении его величества и королевича, не только принимается с удовольствием, но, и несомненно, будет щедро вознаграждено в любое время как королем, так и королевичем. Это надо ему сообщить весьма осторожно, со всеми подробностями при передаче посылаемого ему доверительного письма...

IV. Указать Мстиславскому, что легче и быстрее будет успокоить зараз все эти волнения одной экспедицией его величества, привести все в порядок и оформить королевским именем все пожалования и привилегии, и которые они просят и которые, по обычаю, имели от своих государей...

VI. Обо всем этом (надлежит переговариваться) секретно и осторожно лишь с теми лицами, которые искренно преданы королю и пользуются доверием Мстиславского; обещать за то не только полное сохранение их прав, вотчин, поместий, но и придачу, согласно обычаю, и надбавку в порядке королевской милости, лишь бы они сами согласились предоставить его величеству достаточное время для выяснения у них прав и обычаев и для устройства всего согласно с их желаниями и с законами этой земли...

XI. Договориться с Мстиславским относительно источников, из которых будет произведена оплата войска, ибо оплата должна быть произведена, хотя бы и не в тех миллионных размерах, которые обещал вор; ведь этот весь набор был произведен его величеством для успокоения Московского государства и прекращения кровопролития, вследствие просьбы к королю многих московских

*) Т. е. поляков, находившихся уже в России.

бояр; однако, е. в. желает, чтобы все это было урегулировано с соблюдением полного порядка, дабы они видели со стороны е. в. всяческое попечение о них и о отечестве...

XIV. Важнее всего заверить патриарха и все духовенство, что их церкви, церковные обряды, церковные вотчины и все каноны сохранят полностью свое устройство и незыблемость доходов. А сверх того еще (получат) большие жалования и милости согласно обычаю их государей...

«Историк-Марксист», № 6, 1936 г., стр. 94—96.

Бояре помогают полякам занять Кремль

«...Гетман обращал внимание на то, чтобы Московская чернь, склонная к возмущениям, не произвела мятежа, не призвала бы обманщика, и не разстроила бы всего, в случае ежели бы он отвел войско от столицы. Он заметил в предусмотрительных боярах, что и они опасались того же; ибо свежее было тому доказательство: когда князь Василий Шуйский, возсев на престоле Московскаго царства, послал в Псков Шереметева, мужа знаменитаго, воеводою, и Шереметев уже находился там около полугода, вдруг, без всякого повода, чернь возмутилась и убила Шереметева с его приверженцами. Бояре опасались того же и в столице, и желали, чтобы под защитою войска е. в. короля, они могли быть безопасны от ярости народа. Патриарха и чернь, которые сопротивлялись этому введению войска, преодолели различными способами. Наконец дела были доведены до того, что войско вошло: гетман выбрал ему места, удобныя на всякий случай, так что войско полками и отрядами расположилось в особенных дворах, чтобы при всякой нечаянности одни другим могли подавать взаимную помощь. Полк Александра Зборовского расположился в Китай-Городе, все вместе, в близком один от другого разстоянии; полк Казановского и Вейгера в Бел-Городе, также по близости друг от друга; сам гетман со старостою Велижским остановился в главной крепости, Крымгроде (Кремле), во дворе, бывшем некогда царя Бориса, в то время, когда он еще был правителем при царе Феодоре».

«Записки гетмана Жолкевского», стр. 89—90.

Земельные пожалования при королевиче Владиславе

(1610—1611 г.)

«Наияснейшему Великому Государю Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, бьет челом подданной холоп сына твоего, Королевича, Государя нашего Царя и Великого Князя Владислава Жигимонтовича всеа Руси, Захарей Лепунов.

Сидели, Государь, на Москве, от вора в осаде, из городов дворяне и дети боярские; и за мою службу, бывшей Царь Василей дал мне на Резани изменничье поместье Ондрея Ржевскаго селцо Дядково да деревню Горайнову да Бограмово, да из волости на

Резани селцо Козарь; а тот, Государь, Ондрей Ржевской крестному целованью изменил, от'ехал к вору, и в воровстве его убили. И царь Василей, поговоря с Потреархом и с бояры, которые на Москве в осаде сидели, а к вору не от'езжали и не изменяли, приговорили: давати боярам, и розных городов дворянам и детем боярским за службу и за осадное сиденье, поместьи в вотчины; а мне бывшей Царь Василей поместья в вотчину не дал.

Наяснейший Великий Государь Жигимонт Король Польской и Великий Князь Литовской! пожалуй подданного холопа сына своего, Королевича, Государя нашего Царя и Великого Князя Владислава Жигимонтовича всеа Руси, тем изменничьим Ондреевским поместьем Ржевскаго да селцом Козарью, за мою службу, мне в вотчину. Наяснейший Великий Государь Жигимонт Король Полской и Великий Князь Литовской, смилуйся!».

«Акты Исторические», № 311, 111.

ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Лист Игумена Соловецкого монастыря Антония к Шведскому королю Карлу IX — о единодушном намерении всего Российского народа не избирать на престол иноплеменника. 1611 г. Март 12

Божиею великою милостию великия Росия великий святитель, святейший Гермоген Патриарх Московский и всеа Русии, и благоверные и великие князи Владимирскии, и Московскии, и Новгородскии, и Казанскии, и Псковскии, и всего Московского государьства, и Царьского Величества и богомолья Соловецкого монастыря и Сумского острогу богомолец игумен Антоней с братьею, тебе великому Каролусу девятому, Свейскому, Готскому, Вендейскому, Финскому, Лопьскому, в северной стране Каянскому, Естенскому и Влифлянскому королю. Буди тебе ведомо: которые Литовские люди на Москве великому святителю святейшему Патриарху, и бояром, и князем, и дворяном, и детем боярским, и гостем, и всем людем всего Московского государьства, крест целовали, и в том они изменили и во всем солгали; а которой назывался в Московском государстве ложным царевичем Дмитреем Ивановичем, воровски, и того ныне убили и в животе его нет; и писал с Москвы великий святитель святейший Гермоген, Патриарх Московский и всеа Русии, в Великий Новгород, и во Псков, и в Казань, и в Нижней Новгород и на Вологду, и в Ерославль, и в Северские городы, и на Резань, и во все городы Московского государства, и велел с'езжаться к Москве ратным воинским людем и стояти и промышлять единомышлено на Литовских людей: и Божиею милостию в Московском государьстве у святейшего Патриарха и у бояр и изо всех городов всего Московского государьства ссылаются, и на совет к Москве сходятся, и советуют, и стоят единомышленно на Литовских людей; а хотят выбирати на Московское государьство Царя и Великого Князя из своих прироженных бояр, кого всесил-

ный вседержитель Бог изволит и Пречистая Богородица, а иных земель иноверцов никого не хотят. А у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге и во всей Поморской области тот же совет единомышлено: не хотим никого иноверцов на Московское государство Царем и Великим Князем, опроче своих прироженных бояр Московскаго государьства. Писан в Сумском остроге, лета 7119 Марта в 12 день.

Современный список, на листе, найден в архиве Соловецкого монастыря.

«Акты Археографической Экспедиции», т. II, стр. 308.

О захвате Шведами Новгорода и других русских городов

О взятии Новогородском и Послех в Свицкую землю

«В тож время прииде под Нов город Немецкой Воевода Яков Понтусов с Немецкими людьми, и ста на Хутыне, от Нова города семь верст, в Нове городе бывшу в те поры Боярину Князь Ивану Никитичу Одоевскому, а Воеводе Василью Ивановичу Бутурлину. Грех же ради и к разорению Новогородскаго государства в Воеводах не бысть радения, а ратным людям с посадскими людьми не бяше совету. Воеводы же иные пияху беспрестанно. Василий же с Немецкими людьми ссылашеся, и торговые люди вожаху к ним всякие товары, Василий же с ними с'езжашеся. Немцы же, видя их слабость, пришед сташа на Колмове монастыре. Той же Василий тут с ними с'езд творяше и пияше с ними;... Той же Василий Бутурлин с ратными людьми на торговой стороне выграбив лавки и дворы, пойде из города вон. Против Немец же никто не противляшеся; един же помроша мученическою смертию, бьющеся за православную Християнскую веру, голова стрелецкой Василий Гаютин, да Дьяк Анфиноген Голенищев, да Василий Орлов, да атаман козачей Тимофей Шаров, да с ним сорок человек козаков, те помроша вкупе с многою статьею. Их Немцы прельщаху, чтоб они сдалися. Ониж отнюдь не сдашась, все помроша за православную Християнскую веру...

Митрополит же Исидор и Боярин Князь Иван Никитичь Одоевской, видя то, что отнюдь никого во граде не остася ратных людей, и послаша к Воеводе к Якову Понтусову, и начаша с ними уговариваться. Новгородцы же у него прошаху на Новгородское государство Королевича Филиппа. Он же им обещася дати; и поцеловаша Новгородцы Королевичу Филиппу Крест, и Яков им поцеловал Крест на том, что Новаграда не разорить, и пустиша его во град каменной, Василья же Бутурлина весь живот сыскаша, и послаша к нему на Бронницы. Он же в те поры стоял на Бронницах. Дворяне же Новогородцы, слышав то, что поцеловали Крест, поворотишася в Нов город, и целоваша все Крест Королевичу; а Василий Бутурлин пойде под Москву, а Леонтей Вельяминов с козаками пойде на Романов, и многие уезды запустошиша. Новго-

родцы же послаша для Королевича Послов Юрьевскаго Архимандрита Никандра и изо всех чинов лучших людей и от Московскаго государства и ото всей земли отлучишася».

«Летопись о многих мятежах», стр. 226—229 и 233.

Из договора, заключенного новгородцами с Шведским военачальником Яковом Де-ла-Гардием (1611 г., 11/VII)

«Пресветлейшаго и державнейшаго Князя и Государя Карла IX, Короля Шведскаго, Готоскаго, Вандальскаго и иных, слуга и главный полководец отправленных в Россию войск, я Яков де ла Гардие, Барон Экгольмский, владелец Колькский и Рунзенский, об'являю всем, что когда, Божиею помощию, под управлением пресветлейшаго и державнейшаго Короля моего и Королевства Шведскаго, вооруженною рукою овладел я Великим Новгородом и готов был осадить и самую крепость; в то время Новгородцы, для прекращения кровопролития, вступили со мною в переговоры. Тогда, с одной стороны: Митрополит Исидор, Архиепископ, Епископ, Архимандриты, Игумены и весь освященный собор, и по совету бояр и согласию народа Московскаго, я Князь Иван Никитичь Одоевский и прочие воеводы, Князья, бояре, окольничие, дворецкие стольники, (полковники), дворяне, купцы, земледельцы и все люди Великаго Княжества Новгородскаго, своим и потомков именем; а с другой, я Яков де ла Гардие, именем выше именованнаго державнейшаго моего Короля Карла девятаго, его священнаго Величества наследников мужескаго пола и преемников, и именем Королевства Шведскаго, не принужденно, но произвольно между собою договорились, согласились и заключили нижеследующия статьи, утвердив оныя крестным целованием и прикосновением ко святому Евангелию:

1. Что мы Новгородцы желаем с державнейшимь Королем и Королевством Шведским иметь искреннее дружество и вечный мир, по силе Теузинскаго крестнаго целования и договоров, в царствование Василия Шуйскаго заключенных между Швециею и Россиею; Короля же Польскаго, его наследников мужескаго пола, и никого из Поляков и Литовцев не приемлем, и намерены всячески сопротивляться им, как неприятелям, за нарушение ими своих обещаний и присяги; а вместо Польскаго, покровителем и против врагов защитником приемлем державнейшего Короля Шведского, его наследников мужескаго пола, и преемников и Королевство Шведское, обещаясь соединенными силами верно и мужественно отражать неприятеля, и не заключать с ним никакого союза и мира, без ведома и согласия на то выше именованного Короля и Королевства Шведскаго. Естьли же случится, что Московское Государство заключит с ним договор, то и Королевство Шведское заключалось бы в оном; и взаимно, естьли Король Карл вступит в союз с ним, то равным образом и Княжество Новгородское, признающее его своим покровителем, в оном же разуметься должно.

2. Сверьх того, мы Новгородцы избираем и просим котораго нибудь из сыновей державнейшаго Короля, пресветлейших Принцев, или Принца Густава Адольфа, или Принца Карла Филиппа, и с его наследниками мужескаго пола, в Цари и Великие Князья Владимирские и Московские, и утверждаем присягою сие избрание, в силу коего и Государство Московское и Княжество Владимирское признать имеют державнейшаго Короля своим покровителем, а Его Королевскаго Величества сына своим Царем и Великим Князем, исключая всех других; обещаемся оказывать пресветлейшему Принцу, как верноподанные законному Государю, во всю жизнь ненарушимую преданность и повиновение без всякаго коварства, не щадя для благосостояния его и отечества ни имений своих, ни самой жизни, и отправить в скорейшем времени к державнейшему Королю полномочных послов, для постановлений с ним и сыном его о важнейших делах обоих Государств, какия для них и Государства Московскаго будут признаны наилучшими.

3. Между тем, до прибытия Его Королевскаго Величества сына, обещаемся повиноваться главному военачальнику Якову во всех его повелениях, относящихся к чести часто упоминаемаго Королевскаго сына и общей всего Московскаго Государства пользе; вместе с ним стараться, чтоб полковники, сотники и все находящееся при нем войско, также Новгородская крепость, город Нотенбург, Ладога и проч., к Новгородскому Княжеству принадлежащие, города и уезды пребывали в верности и покорности сыну Его Королевскаго Величества; все оные защищать от всякаго неприятельскаго нападения, жертвуя в случае нужды и самою жизнию, и пошлем в вышепомянутыя места повеление, утвердить верность свою Его Королевскаго Величества сыну целованием святаго и животворящего креста.

4. Также я Митрополит Исидор и воевода Иван Никитичь Одоевский, с прочими депутатами, обещаемся искренно сообщать намерения и помогать главному военачальнику Якову и при нем находящимся полковникам; не только от него не скрывать ничего, касающагося до общаго блага, но еще заблаговременно уведомлять обо всем, дошедшем до нашего сведения из Москвы, или других окрестных стран и всей России; не предпринимать и не совершать никаких важнейших дел, без его ведома и согласия, кольми паче умышлять что-нибудь враждебное против его самого и всего войска, но все таковое открывать и отвращать; также обещаемся охотно об'явить о доходах Новагорода с областию и обо всех, в наличности имеющихся, деньгах и с'естных припасах, для снабдения всем нужным крепостей и поощрения войска к защищению оных, а тем примером убедить и других, еще не покорившихся, против которых нужно употребить принуждение, к повиновению сыну Его Королевскаго Величества и Княжеству Новгородскому.

Взаимно и я Яков де ла Гардие, вместе с находящимися при мне полковниками и сотниками, под присягою, именем державнейшаго Короля моего утверждаю, что (естьли Княжество Новго-

родское, своим и Московскаго Государства именем (по согласию между собою), с покорностию будет просить державнейшаго Короля, его наследников мужескаго пола и Королевство Шведское, о помощи и защищении против своих неприятелей, признает Его Величество и наследников его своими покровителями, соединит с ним свои силы против общаго врага и не вступит с сим последним ни в какой союз, кроме, как на вышеупомянутых условиях), то Его Королевское Величество отпустит на Княжество Новгородское, также и на Владимирское и Московское, естьли сии в том будут согласны с Новгородским, в Российские Государи, котораго-нибудь из пресветлейших сыновей своих, Густава Адольфа, или Карла Филиппа, на одинаких условиях, как скоро оныя Государства единодушно, достойным образом и со всякою покорностию и честию, чрез своих полномочённых послов, будут о том просить Его Королевское Величество. Я же вышепомянутый, именем пресветлейшаго Короля моего, Новгородскому, Владимирскому и Московскому Государствам, городам и всем уездам, желающим иметь пресветлейшаго Короля моего покровителем, а сына его Великим князем, обещаюсь ненарушимо, как в продолжение покровительства Короля моего и княжения его сына, так и ныне, пока Королевский сын призывается на престол, не делать никакого препятствия и притеснения их вероисповеданию и богослужению, не принуждать к принятию иной веры, но как доселе было, так и впредь оставить свободное отправление древняго Греческаго исповедания; не разрушать и не расхищать их храмов, монастырей, утварей и образов; не причинять никакой обиды священнослужителям, как-то: Митрополиту, Архиепископам, Архимандритам, Игуменам и всему духовенству, поступать с ними не с презрением к их вероисповеданию, но с уважением, и наконец не лишать их наследственных имений и церковных доходов».

«Собр. Госуд. грамот и договоров», том 1-й, № 264, стр. 553—563. Перевод с латинского. В русской редакции помещен отрывок в А. А. Э., т. II, № 187.

Отписка Устюжан к Пермичам, о присылке ратных людей для защиты Вологды от Немцев

(1612 г.)

«Господину Матвею Михайловичю, и Перми Великие земским судьям и старостам и целовалником и всяким жилецким людем, Гаврило Пушкин, Потап Внуков, челом бьют. В нынешнем 120 году пишут к нам на Устюг Великой, с Вологды, князь Иван Иванович . . . . да Семен Коробьин да дьяк Петр Наво . . . . . . , и Вологоцкие посацкие и уездные старосты и целовалники и всякие жилецкие люди: что де в Великом Новегороде и в Новгородцком уезде, Тифине и в Лучанех, и в Белозерском уезде, Свицкому королю крест целовали, и Немецкие люди собрався идут к ним на Вологду. И вам бы, господа, помнити Бога и Пречистую

Богородицу и великих Чюдотворцов, и нашу общую христианскую православную веру, Вологды . . . . помогали ратными людми к Вологде вскоре, как вам Бог помочи подаст, чтоб нам православной христианской . . . . а от Полских и от Литовских и от Немецких людей в разорении не быть; а у нас, господа, с Устюга Великого, с посаду и с уезду, ратных людей отпущаем вскоре к Вологде».

Акты Археографической Комиссии, т. II, док. № 200, стр. 247—248.

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ИНТЕРВЕНТАМИ

1-е ОПОЛЧЕНИЕ

Разрушение Москвы

(Из рукописи Филарета)

«...И тако разрушена бысть превеликая Москва и пограбленну всему сокровищу и седоша Поляцы во внутреннем граде в превысоком Кремле, и ту разделиша грабление по всему войску, и начаша веселитися яко победницы суть и многими изобильны богатствы. На Светлой же неделе во вторник марта в 25 день, выйдоша за Белый-город и до остатка посады сожгоша и людей множество посекоша без милости, сами же затворишася во градех Китае и Кремле; а во святых божиих церквах те осквер-ниша и в тех жилища себе поделаху; раку же серебряну святаго блаженнаго Василия обломаша и в церкви те, иже на рву, коней поставляху; и толико множество людей побиша на Москве, яко и три дни безпрестанне Литва возяху из града и метаху на леду Москвы реки, да разнесет их телеса водою. На царском же дворе, во святых Божиих церквах, и в полатех, и по погребом, все стояху Литва и Немцы и все свое скаредие*) творяху, и мнози тогда побегоша по градам, тако гонимы, за грехи наша, и никем же гоними, егда увидят единаго Литвина, то сто бежат, а егда двух, то тысяща бежат; тако попусти Бог на нас казнь свою! А иже побегоша по градам, те по лесам и по пустыням многозимным мразом изомроша, иниии же глада ради помроша».

Н. Устрялов. «Сказания современников о Дмитрие-Самозванце», ч. II, стр. 314—315.

Пожар Москвы

(«Из дневника Маскевича»)

«На другой день после Вербного воскресенья в понедельник, лазутчики извещают нас, один, что из Рязани идет Ляпунов с 80.000 человек и уже в 20 милях от столицы; другой, что из Калуги приближается Заруцкий с 50.000 и также находится недалеко; третий, что Просовецкий спешит к Москве с 15.000.

*) Скаредие—скверность, мерзость.

Со всех сторон весть за вестью, одна другой утешительнее! Латы не сходят с наших плечь; пользы однако мало. Советовали нам многие, не ожидая неприятеля в Москве, напасть на него, пока он еще не успел соединиться, и разбить по частям. Совет был принят, и мы уже решились выступить на несколько миль от столицы, для предупреждения замыслов неприятельских; но во вторник по утру, когда некоторые из нас еще слушали обедню, в Китае-городе наши поссорились с русскими. По совести, не умею сказать, кто начал ссору: мы ли, они ли? Кажется однако, наши подали первый повод к волнению, поспешая очистить Московские домы до прихода других: верно, кто-нибудь был увлечен оскорблением, и пошла потеха. Дали знать Гонсевскому о начавшейся битве: он тотчас прискакал на коне; но развести сражающихся было уже трудно, и с Русской стороны уже многие пали убитые. Гонсевский должен был оставить их в покое, чтобы кончили начатое дело.

И так 29 марта во вторник, на Страстной неделе, завязалась битва сперва в Китае-городе, где вскоре наши перерезали людей торговых (там одних лавок было до 40.000); потом в Белом-городе; тут нам управиться было труднее; здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башень полевые орудия, и, разставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями; а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитою своих загородок стреляют по нас из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из-окон, бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, т. е. всадники, не в силах ничего сделать, отсупаем; они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю.

Тут мы послали к пану Гонсевскому за пехотою; он отрядил только 100 человек: помощь слабая, в сравнении с многолюдством неприятеля, но не безполезная. Часть наших сошла с коней и, соединясь с пехотой, разбросала загороды; Московитяне ударились в бегство; только мы мало выиграли: враги снова возвратились к бою и жестоко поражали нас из пушек со всех сторон. По тесноте улиц, мы разделились на четыре или на шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: **огня! огня! жги домы!** Наши пахолики *) подожгли один дом: он не загорелся; подожгли в другой раз, нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый, — все тщетно: сгорит только то, чем поджигали; а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лу-

*) Пахолики — оруженосцы польских гусар, участвующие в сражениях. Каждый гусар имел 3—4 пахоликов, вооруженных так же, как и гусары, но не имеющие лат.

чины, и тут едва успели запалить этот дом; тоже делали и с другими домами, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дуя с нашей стороны, погнал пламя на Русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китаю-городу. Я стоял в Белом-городе, и едва успел выбрать из своей квартиры в Кремль, что было получше; все прочее пошло к чорту; одно разграбили, другое сгорело; с'естные припасы истреблены...».

«...Отдан был приказ: завтра, т. е. в среду, зажечь весь город, где только можно. В назначенный день, часа за два до рассвета, мы вышли из Кремля, распростившись с теми, которые остались в крепости, почти без надежды когда либо увидеться. Жечь город поручено было 2 000 немцев, при отряде пеших гусар наших с двумя хоругвями конницы.

...пламя охватило домы, и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских; а мы потихоньку подвигались за ними, безпрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день; а горевшие домы имели такой страшный вид, и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда безопасны: нас охранял огонь.

В четверток мы снова принялись жечь город; которого третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться. И так мы снова запалили ее, по изречению Псалмопевца: «град Господень измету, да ничтоже в нем останется». Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора».

Н. Устрялов. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», т. II, стр. 61—62; 64 и 65.

Отрывок из грамоты от находившихся в осаде Смольнян, в Москву: о претерпеваемых ими бедствиях от поляков 1611 г. в Генваре

«...Господам братьям нашим всего Московского государства... Где наши головы, где жены и дети, и братья и сродницы и друзи? Не остались ли есмя от тысячи десятой, или ото ста един, токмо единою душею и со единым телом? И та вся нашедшая нам смертная наша погибель не ведомо вам: пришли есмя из своих разоренных городов и из уездов к Королю, в обоз под Смоленск, и живем туто немало, иной и больше году живет, иной мало не год, чтоб нам выкупити от плену, из Латынства и от горькия и смертныя работы, бедных своих матерей и жен и детей, и никто не смилуется и никто не пощадит...

...И нынешнего году, за два дни пред Рождеством Христовым, писали с Москвы к Королю, Михайло Салтыков, да Федор Андронов, да Князь Василей Масальской и с своими советники, что вора убили, который назывался Царевичем Дмитреем, и в то время на Москве Руские люди возрадовалися и стали меж себя говорить, как бы де во всей земле всем людем соединятись и стати против Литовских людей, чтоб Литовские люди изо всея земли Московския вышли все до одного, на чем крест целовали; и после того, после Рождества Христова, на пятой неделе в суботу, писал с Москвы Федор же Андронов, да Михайлов Салтыков с товарищи, что на Москве Патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорить о том: будет Королевичу не креститься в Крестьянскую веру, и не выдут из Московския земли все Литовские люди, и Королевичь де нам не Государь; такия де свои слова Патриарх и в грамотах своих от себя писал во многие городы, а Московичи де посадские всякие люди, лучшие и мелкие все принялися и хотят стоять, а те предатели пишут к Королю с великим своим молением, что дал ему Бог, их службою Москву, и емуб Москвы не потеряти, только де не притти самому Королю со многими людьми к Москве и невывести с Москвы лучших людей, и Московскою де землею не владети. Есть ли которые еще хотят в православной Крестьянской вере скончатись, начните таковому делу душами своими и головами чтоб быть всем Крестьянам, обще всем в соединеньи, оставте свой страх, или которым милосердием и ласкою прельщают, и все ли чаете жити в миру и в покое? Мы не противились и животы свои все принесли, все погибли и в вечную работу и в Латынство пошли, вас же всех Московских людей и Литовских людей зовут себе противниками и врагами себе. Какую хотите милость и пощаду себе найти? Не будете только ныне в соединении, обще со всею землею, горько будет плакати и рыдати неутешимым вечным плачем, переменена будет вера Крестьянская в Латынство, и разорятся Божественныя церкви, со всею лепотою и убиен будет лютою смертию род ваш Крестьянской, поработят и осквернят и разведут в полон матерей и жен и детей ваших».

«Памятники по истории смутного времени». Изд. Клочкова, стр. 57—59.

Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства

«...Откуду начнем плакати, увы, толикаго падения преславныя ясносиящия превеликая России? которым началом воздвигнем пучину слез рыдания нашего и стонания? О, коликих бед и горестей сподобилося видети око наше! Молим послушающих со вниманием: О христоименитии людие, сынове света, чада церковнии, порожденнии банею бытия! разверзите чюв-

ственныя и умныя слухи ваша и вкупе разпространим арган словесный, вострубим в трубу плачевную, возопием к Живущему в неприступнем свете, к Царю царьствующих и Господь господьствующих, к херовимскому Владыце, с жалостию сердец наших, в перси биюще и глаголюще: Ох, увы, горе! како падеся толикий пирг благочестия, како разорися богонасажденный виноград, его же ветвие многолиственною славою до облак вознесошася, и грозд зрелый всем в сладость неисчерпаемое вино подавая? Кто от правоверных не восплачет, или кто рыдания не исполнится, видев пагубу и конечное падение толикаго многонароднаго государьства, християнскою верою святаго Греческаго от Бога даннаго закона исполненаго и, яко солнце на тверди небесней, сияющаго и светом илектру подобящася? и многими леты основан, вскоре прият разорение и всеядным огнем погоре! Весь благоприятный о Христе народ весть высоту и славу великия России, како возвысися и колик страх бысть бесерменом, и германом, и прочим языком...».

Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 220—221.

Грамота (в списке) из Рязани от Прокопия Ляпунова в Нижний Новгород: о гонении Патриарху Гермогену в Москве от Поляков; об отступлении многих городов от управлявших Государством Бояр, за приверженность их к Королю Польскому; о соединении всех Русских, для избавления царствующаго града Москвы, и о присылке войску пороха и свинца. — Писана 1611, Генваря 31

В преименитый Новгород Нижний, священнаго причта Архиманритам, и Игуменам, и протопопам и всему освященному собору, и Государственнагож сана господам воеводам, и дьякам, и дворянам и детем боярским Нижняго Новагорода и разных городов, и Нижняго Новагорода головам Литовским и стрелецким и казачьим, и Литве и Немцам, и земским старостам, и целовальникам и всем посадским людем, и пушкарем, и стрельцам и казакам, и разных городов всяким людям, обитающим в Нижнем Новегороде, всему Христоименитому народу Прокопий Ляпунов, и дворяне, и дети боярские и всякие служилые люди, и торговые и черные Рязанския области челом бьют. Генваря, господа в 24 день писали вы к нам, с сыном боярским с Иваном Аникиевым, что Генваря в 12 день, приехал с Москвы к вам в Нижний сын боярской Роман Пахомов, да посадской человек Родион Мосеев, которые посланы были от вас к Москве, ко святейшему Гермогену Патриарху Московскому и всея Русии и ко всей земли, с отписками и для подлинных вестей; а в роспросе, господа, вам сказывали, что приказывал с ними в Нижний к вам святейший Гермоген Патриарх Московский и всея Русии речью а письма к вам, господа, не привезли, что де у него писати некому, дьяки и под'ячие и всякие дворовые люди поиманы,

а двор его весь разграблен. Да выж, господа, прислали к нам на Рязань целовальную запись, по которой записи вы меж собою крест целовали и с Балахонцы, и нам бы, господа, памятуя Бога и пречистую Его Богородицу и Московских чудотворцов, по той записи також крест целовати и с вами стати за Московское Государство за один; а вы, господа, по благословенью святейшаго Гермогена Патриарха Московскаго и всея Русии и по совету всей земли, идете из Нижняго к Москве в тот час, инам бы прислати к вам в Нижний всяких чинов добрых людей для совету и с ними отписати, где нам с вами сходиться. И мы, господа, про то ведаем подлинно, что на Москве святейшему Гермогену Патриарху Московскому и всея Русии и всему освященному собору и Христоименитому народу от богоотступников от бояр и от Польских и от Литовских людей гоненье и теснота велия, и мы боярам Московским давно отказали и к ним о том писали, что они, прельстяся на славу века сего, Бога отступили и приложилися к Западным и к жестосердным, на своя овца обратились; а по своему договорному слову и по крестному целованью, на чем им договоряся с корунным гетманом Желковским Королевскою душею крест целовал, ничего не совершили; и на том, господа, мы сослався с Калуженскими, с Тульскими, и с Михайловскими, и всех Сиверских и Украиных городов со всякими людьми давно крест целовали, что нам за Московское Государство с ними и со всею землею стояти вместе заодин, и с Литовскими людьми битись до смерти. А как, господа, мы к боярам о Патриархе и о мирском гонении и о тесноте писали, с тех мест Патриарху учало быти повольнее и дворовых людей ему немногих отдали. Да бояре, господа, пишут с Москвы на Тулу, чтоб они к нам не приставали, а к нам они на Рязань шлют войною пана Сопегу, да Струса со многими людьми Литовскими, и Туляне им, господа, по томуж отказали и ту боярскую грамоту к нам прислали; а Володимир, господа, и иные городы с нами одномышленныж, хотят за веру все померети. И мы, господа, послали к вам о всяком договоре и о добром совете стряпчаго Ивана Ивановича Биркина, да дьяка Степана Пустошкина, с дворяны и всяких чинов людей, и вам бы, господа, прося у Бога милости, в тот час итти со всеми людьми к царствующему граду Москве на разорителей веры Крестьянской, на Польских и на Литовских людей, на Володимер, или вам на которые городы податнее, а к нам тотчас отписати; и мы со всеми людьми и с Понизовою силою, которые ныне стоят под Шацким, пойдем на Коломну, а с Тулы Иван Заруцкой, а из Калуги боярам велим идти прямо к Москве, чтоб нам к царствующему граду Москве придти всем в один день; да и во все, господа, Понизовские городы и поморские и к Андрею Просовецкому велите отписати, чтоб они все шли к царствующему граду Москве наспех, к нам же в сход; а мы, господа, о том к ним писалиж. Да пришлите, господа, к нам с

теми, которых к нам пошлете, пороху и свинцу пудов с десять и с двадцать, будет есть, а у нас, господа, и здесь пороху мало, а с Москвы, господа, к нам пороху не присылывали; а ныне, господа, на Москве порох у торговых людей в лавках весь поимали и ввезли в Кремль город и всякие бои у всех людей поимали, и купить пороху промыслить не мочно. Да и на Вологду, господа, и в иные Поморские городы отпишите, чтоб пошед к нам в сход, воеводы имали пороху и свинцу немало; а здесь, господа, в Украинных городех пороху оскудело. И на Коломне, господа, ворует Василий Сукин, потому что он был под Смоленским у Короля и крест Королю целовал, и Король ему дал со всем Коломну в путь; *) а Коломенские, гопода, дворяне и дети боярские и черные люди с нами в одной мысли.

«Памятники по истории смутного времени». Изд. Клочкова, стр. 61—62.

Письмо Сигизмунда к Яну Петру Сапеге о борьбе с 1-м ополчением

Искренно и верно нам любезный! Получено нами известие, что Прокопий Ляпунов, собрав людей в земле Рязанской не мало, к столице идет, и соглаcясь там с теми, кои к нам не расположены, намеревается уничтожить людей наших там же, в столице находящихся.

А как благосклонность ваша усматриваете, сколь для нас и республики важно, чтоб этот человек был удержан от исполнения своих замыслов; а по сему пишем сию нашу грамоту к благосклонности вашей, и весьма желаем, дабы вы доброхотство ваше, нам и республике не один раз ознаменованное: оказали и в настоящем случае.

Употребите, верность ваша, те войска, которыя в оном государстве имеете под предводительством вашим и немедленно теперь же выступайте, с ними вместе, туда куда указывает потребность; препятствуйте исполнению означенных замыслов сего человека (Прокопия Ляпунова), людей его истребляйте, наблюдая, чтобы не постигло нас и республику (чего Боже упаси!) какое либо безславие. В исполнении всего этого полагая надежды на верность вашу, не преминем подвиги и труды верности вашей и упомянутаго рыцарства государскою нашею милостию вполне наградить.

Желаем при сем верности вашей от Господа Бога добраго здоровья. Дана в стане под Смоленском, января 27 дня,

---

*) Дал... в путь — т. е. в доход, имущество; путь—право на владение, на пользование.

(17 стар. ст.) лета Господня 1611, государствования нашего в королевствах наших: Польском XXV, Шведском XXVII года.

Сигизмунд Король.

«Записки гетмана Жолкевского», стр. 109—110. Приложения.

Приговор Ляпуновского ополчения

(30 июня 1611 года)

«Лета 7119-го году июня в 30-й день, Московского Государства разных Земель царевичи и бояре и окольничие и чашники и стольники, и дворяне и стряпчие и жильцы и приказные люди, и князи и мурзы и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и атаманы и казаки и всякие служилые люди и дворовые, которые состоят за Дом Пресвятыя Богородицы и за православную христианскую веру против раззорителей веры христианские, Польских и Литовских людей, под Москвою, приговорили и выбрали всею Землею, бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкаго да Ивана Мартыновича Заруцкого да Думного Дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляпунова, на том, что им, будучи в правительстве, Земским и всяким ратным делом промышляти и расправа всякая меж всяких людей чинити в правду, а ратным и земским всяким людем их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем. А поместьям за бояры быти боярским, а взяти им себе поместья и вотчины боярские, и окольничих и думных дворян, боярину боярское, а окольничему окольническое, примеряся к прежним большим бояром, как было при прежних Российских прироженных Государех...

А в Поместном Приказе для поместных дел посадити дворянина из больших дворян, а с ним дьяков, выбрав всею Землею, и велети испоместити наперед дворян и детей боярских бедных разоренных беспоместных и малопоместных, которые поместьями своими не владеют от Литовского раззоренья; а за которыми были в поместьях дворцовыя села и черные волости, нынешняя боярская новая дача, и тем поместей наперед не отдавати до тех мест покаместа бедных и раззоренных всех не поместят.

А которые атаманы и казаки служат старо, а ныне похотят верстатися поместными и денежными оклады и служит с городы, и тех за их службы поместными и денежными оклады поверстать, смотря по их отечеству и по службе; а которые атаманы и казаки верстаться не похотят, и тем атаманом и казаком и стрельцом давати хлебной корм с Дворца, а деньги из Большова приходу и из Четвертей во всех полкех равно. А с приставства из городов и из дворцовых сел и из черных воло-

стей атаманов и казаков свесть, и насильства ни котораго по городам и в волостях и на дороге грабежев и убивства чинити не велети; а посылати по городам и в волости для кормов дворян добрых, а с ними для россылки детей боярских и казаков и стрельцов и велети кормы збирать по указу, почему приговорят и укажут бояре, а мимо указу никакого насильства и раззоренья крестьяном не чинити. А только на Москве в полкех и под Москвою и по городам и в волостях или по дорогам дети боярские и казаки и стрельцы и холопи боярские, или какие люди не буди учнут воровать, разбивати и грабити и душегубство чинити, и про то сыскивати всякими мерами, и от всякого воровства унимать и наказанье и смертную казнь чинити, а на то устроить Разбойной и Земской приказ потому ж, как преж сего на Москве было.

А строить Землю и всяким земским и ратным делом промышлять бояром, которых изобрали всею Землею, по сему всее Земли приговору. А смертною казнью без земскаго и всей Земли приговору бояром не по вине не казнити, и по городом не с'сылати и семьями и заговором ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые ни кому не мстити. А кому до кого какое дело, и о том о управе бити челом бояром и всей Земле. А хто учнет ходити скопом и зоговором, и кого хто убьет до смерти по недружбе, или на кого хто скажет какое изменное земское дело, — и про то сыскивать в правду, а по сыску наказанье и смертную казнь над ними чинити бояром, поговоря со всею Землею, смотря по вине; а не об'явя всей Земле, смертныя казни никому не делать и по городом не ссылать; а хто кого убьет без земскаго приговору, и того самаго казнити смертью...

А которые дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в раззоренье вывозили у своей же братвы у дворян и у детей боярских крестьяни и людей, и которые, от них выбежав, живут по городам по посадом, и про то по их челобитью сыскивати, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам.

А буде бояря, которых выбрали ныне всею Землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радети и расправы чинити не учнут во всем в правду, и по сему земскому приговору всяких земских и ратных дел делати не станут, и за ними всякие земские дела постановятся, или которые воеводы бояр во всяких делах слушати не учнут, а нам всею Землею вольно бояр и воевод переменити, и в то место выбрати иных, поговоря со всею Землею, хто будет болию и земскому делу пригодится...».

«Памятники истории смутного времени». Изд. Ключкова, № 21.

Распад 1-го ополчения

(Из рукописи Филарета)

«Малу же времени минувшу, якобы едину три месяцы проиде летние годины тоя, позавиде дьявол сему настоящему делу изрядному ополчителю; той вышеупомянутый Иван Заруцкий дьяволим научением восприя во мысль свою, да научит казаков на Прокофья и повелит его убити, да восприемлет власть над войском един, и яко же хощет, тако творит. И нача напущати казаков на Прокофья и наряди граматы ссыльные с Литвою и руку Прокофьеву подписати велел: и тако за ссылкою из города от Литвы велел их выдати, будто Прокофий с ними своими грамоты ссылается, и хочет христособранное воинство Литовским людем в руце предати и сам к ним приобщиться. И тако возсташа народы и наполнишася людие гнева и ярости на сего изряднаго властителя и воеводу Прокофья Ляпунова, без воспоминания его изряднаго и мужественнаго ополчения, и восхотеша его предати смерти. И собрався воинство на уреченное место, еже есть во круг, по казацкому обычаю, и на сего воеводу и властелина посылает посланников, дабы ехал на уреченное место в круг собрания их. Он же, злаго их ухищрения не ведяще и о смерти своей не помышляюще, возстает от места своего и в круг настоящего собрания приходит по обычаю по своему и испытует вещи позвания его. Они же в разгорении мысли своея начаша его обличати виновными делы и изменою, и грамоты в войске честь, яже Ивашко наряди. И по сем яростне на него нападают и труп его на части разделяют, и в скором часе смерти горкия предают. И тако паде мертв на землю славный сей и бодренный воевода, Прокофий Ляпунов. С ним же прииде некто от честных дворянин и нача им разсуждати, дабы недерзостне сотворили, но со испытанием, дабы напрасно крови, неповинныя не пролить. Они же вопияху: нам и сей изменник, угодник Прокофья Ляпунова. И того тако же безвинно смерти предаша. Положены же бысть во едину гробницу, и погребены же бысть честно у Благовещения пречистыя Богородицы, еже есть на Воронцовском поле. Казацы же начинаемое свое дело совершиша и разидошася в кошы своя».

Н. Устрялов. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», т. II, стр. 318—319.

Прокоп Ляпунов

(Тульск. г., Чернск., уезд село Соколы)

Как было-то у нас на святой Руси.
На святой Руси, в каменной Москве.
Было время военное, времячко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,

Погана Литва, проклята Польска сторона.
Как уж жил тут поживал нечестивый Гужмунд;
Жил он во святыих местах,
Во святыих местах, в царских Русских теремах.
Недолго продолжалась его Московска-веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя нам
накачалось.
Многи Русские бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись;
Уже один-то боярин, думный воеводушко, крепко веру
защищал,
Крепко веру защищал, изменников отгонял:
Уж как думный воевода был Прокофий Ляпунов.
Как Прокофий-то Петровичь разослал своих гонцов.
Как Прокофий Ляпунов роздал письмы гонцам.
Роздал письмы гонцам и приказ им приказал:
«Поезжайте вы, гонцы, на все Русские концы,
«На все Русские концы, во большие города!
«Вы просите воевод идти с войском сюда,
«Свободить город—Москву, защищать веру Христа».
Как узнал-то Гжмунд от своих изменников бояр,
Что разослал-то Ляпунов гонцов в города,
Гонцов в города, просить воевод с войском сюда,
Разсердился, распалился нечестивый Гужмунд;
Распалившись, велел воеводушку убить,
Того-ли воеводу Прокофья Ляпунова.
И убили злы изменники воеводушку.
Как и двинулись думны воеводы со больших городов:
Все большие города — Казань, Нижний — пришли с
войском сюда,
Как и начали Русаки погану Литву колоть-рубить,
Погану Литву рубить, нечестиваго Гужмунда веревкой
душить;
Удушили, все нечестивое племя из Москвы повыгнали.
(Пела старуха).

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. VII, стр. 17—18.

2-е ОПОЛЧЕНИЕ

Грамота патриарха Гермогена в Нижний Новгород о непризнавании сына Марины Мнишек государем

(1611 г. Август 30)

Благословение архимаритом, и игуменом и протопопом, и всему святому собору, и воеводам и диаком, и дворяном, и детем боярским, и всему миру: от Патриарха Ермогена Москов-

ского и всеа Русии, мир вам, и прощение, и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к Митрополиту Ефрему, чтоб Митрополит писал в полки к бояром учителную грамоту, да и казацкому войску, чтоб они стояли крепко в вере, и бояром бы говорили и атаманье безстрашно, чтоб они отнюдь на царьство проклятого Маринкина паньина сына, . . . не благославляю. И на Вологду ко властем пишите ж, так'же бы писали в полки; да и к Рязанскому пишите тож, чтоб в полки так-же писали к бояром учителную грамоту, чтоб уняли грабеж, кормчу, и имели б чистоту душевную и братство, и промышляли б, как реклись души свои положити за Пречистыя дом и за Чудотворцов и за веру, так бы и совершили; да и во все городы пишите, чтоб из городов писали в полки к бояром и атаманье, что отнюдь Маринкин на царьство ненадобен: проклят от святого собору и от нас. Да те бы вам грамоты с городов собрати к себе в Нижней Новгород да прислати в полки к бояром и атаманье; а прислати прежних же, коих естя присылати ко мне с советными челобитными, безстрашных людей, Свияженина Родиона Мосеева да Ратмана Пахомова, а им бы в полкех говорити, безстрашно, что проклятый отнюд ненадобе; а хоти буде и постражате, и вас в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем; а в городы для грамот посылати их же, а велети им говорити моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем что стоите за веру неподвижно; а яз должен за вас Бога молити.

«Памятники истории смутного времени», стр. 78—79. Изд. Клочкова.

Грамота от находившихся в Москве бояр, осажденных поляками в Кострому: с увещанием о пребывании в верности избранному королевичу Владиславу Сигизмундовичу 1612 г. Январь 25

Великого Государя Царя и Великого Князя Владислава Жигимонтовича всеа Русии Самодержца Моско . . . . Государьства бояре, Князь Федор Иванович Мстиславской с товарыщи, на Кострому воеводам Ивану Петровичю Шереметеву, да Ондрею Семенов . . . Колычову, да диаку Марку Поздееву, и дворяном, и детем боярским, и стрелцом . . . всяким служилым людем, и гостем, и . . . м и жилецким черным и уездным всяким людем... ...ныне нам ведомо учинилось от послов, от боярина от Князя Юрья Никитича Трубецкого с товарыщи подлинно, что Божиею милостию Великий Государь Жигимонт Король Полский и Великий Князь Литовский, з болшого соиму, с совету всее Полские и Литовские земли, сына своего Великого Государя Королевича Владислава Жигимонтовича на Владимерское и Московское Государьство и на все великие

и православные Государьства Росийского Царствия Государем Царем и Великим Князем всеа Русии Самодержцем дал, и сам его Королевская милость сына своего, Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Владислава Жигимонтовича всеа Русии до Смоленска проводит своею Королевскою парсуною, со многою конною и пешею ратью, для большого успокоенья Московского Государства, что и сами вскоре от порубежных мест уведаете подлинно. И мы его Царского Величества ожидаем на его Царской престол в царьствующий град Москву с радостию вскоре; а вам бы, отстав воровские смуты от Ивашка Заруцкого с товарыщи, и сослався з гетманом и с нами, так же его Царского приходу ожидали к Москве вскоре. А то вы все сами разумеете и видите, что Князь Дмитреи Трубецкой, да Иван Заруцкои с товарыщи стоят под Москвою на болшое Крестьянское кровопролитие, и Московскому Государьству и городом всем на большое и конечное разоренье, и не на покой Крестьянской и не на тишину, что сами вскоре над ними увидите, только к Царьскому Величеству вскоре не обратятца. А вам надобе памятовати свои души и Государьское крестное целованье, и служитиб всем нам вам Великим Государем, их Царьскому благородному корени, которои из давных лет их Государьскои корень на великих и преславных Государьствах ведетца, а не к вором приставати; и вам бы ныне однолично к Царьскому величеству обратитися вскоре и вина своя покрыти нынешнею своею службою, и з гетманом и с нами о добром деле и о покое сослатися не мешкая, пока места болшая Крестьянская кровь еще вновь не пролилася, и Московскоеб Государьство и городы все конечного разоренья не принели; а сами вы все видите его Государьское счастье и его Царьскую высокую руку и надо враги одоленье, что вам от его Государьские высокие руки нигде не укрытись. А пишем вам воистинно всю истинную правду, жалея о вас и о душах ваших, и о пролитии крови Крестьянские невинных душ, и против бы есте сеи нашеи грамоты нам ведомо учинили вскоре; да и в-ыныеб есте городы от себя писали, чтоб от воровские смуты отсталиж и обратились к Царьскому Величеству вскоре; и будет вашею службою к Государю, доброму делу и к покою Крестьянскому начало будет, ивы за то от Бога милость, а от Великого Государя нашего от Его Царского величества жалованье, а от людцкого народу славу и хвалу получите. Писана на Москве, лета 1612 Генваря в 25 и 26 день.

На обороте Грамоты находятся своеручныя подписи:
Боярин Князь Федор Иванович Мстиславской.
Боярин князь Иван Семенович Куракин.
Боярин князь Борис Михайлович Лыков.
Боярин Федор Иванович Шереметев.
Боярин Иван Никитич Романов.

Боярин Михайло Олександрович Нагово в боярина место князя Андрея Васильевича Трубецково.

Боярин Михайло Олександрович Нагово.

Тимофей Совин (?)

Иван Горбатой (?)

Третьяк Корсаков.

Дьяк Остафей Кувшинов.

Околничей Федор Васильевич Головин и в брата своего Иваново место околничево ж.

Ловчей и думный дворянин Иван Романович Безабразов.

Диак Степан Соловецкии.

По склейке листов скрепа:

Думнаи диак Иван Чичерин.

Думнои диак Петр Третьяков.

Надпись:

На Кострому воеводам Ивану Петровичу Шереметеву, да Ондрею Семеновичю Колычеву, да диаку Марку Поздееву, и дворяном, и детем боярским, и стрелцом, и казаком, и гостем, и торговым и посатцким, и жилетцким, и черным и уездным всяким людом.

«Памятники истории смутного времени», стр. 83—84. Изд. Клочкова.

Из отписки Нижегородцев к Вологжанам, о разорении Московскаго государства поляками, о единодушном намерении всех городов избавить отечество от неприятелей, о походе нижегородцев к Москве и о скорейшей присылке ратных людей для освобождения столицы и изгнания врагов из пределов России

«На Вологду, архимандритом, и игуменом, и протопопом, и попом, и дияконом и всему освященному собору, господам князю Ивану Ивановичу да Семену Гавриловичу да Петру Никитичу, и дворяном, и детем боярским, и всяким служилым людем, и земским старостам, и таможенным головам, и всяким посадским и жилецким людем: Дмитрей Пожарской, Иван Биркин, Василей Июдин, дворяне и дети боярские Нижнего Новагорода, и Смольяне, и Дорогобужане, и Вязмичи, и иных многих городов дворяне, и дети боярские, и головы Литовские и Стрелецкие, и Литва, и Немци, и земские старосты, и таможенные головы, и все посадские люди Нижнего Новагорода, стрелци, и пушкари, и затинщики и всякие служилые люди, и жилецкие люди, челом бьют... А то вам самем известно ж, что Литовские многие люди многие Замосковные городы ныне, около Московского государьства, воюют и в уездех и в селех и в деревнях запасы пасут, и хотят провозити в Москву к Литовским людем; а пишут к нам из Верховых городов, что нам прислати к ним в

помощь ратных людей. Ныне, мы, Нижнего Новагорода всякие люди, сослався с Казанью и со всеми Понизовными городы и с Поволскими, собрався со многими ратными людми, видя Московскому государьству и Верховым городам от Полских и Литовских людей конечное разоренье, прося у Бога милости, идем все головами своими в помочь к Московскому государьству, с нами со князем Дмитреем да с Иваном; да к нам же приехали в Нижней, из Арзамаса, Смольяне и Дорогобужане и Вязмичи и иных многих городов дворяне и дети боярские: и мы, всякие люди Нижнего Новагорода, посоветовав меж себя, приговорили животы свои и домы с ними розделити, жалованье им и подмогу дати, а дав им жалованье и подмогу посылаем в помочь Московскому государьству, на Полских и Литовских людей с Нижегородскими и иных городов ратными людми вместе. И вам, бы, господа, Вологодским дворяном и детем боярским, и стрелцом и всяким ратным людем, помнити общее свое, на чем мы все животворящий крест целовали, чтоб было нам за надежи нашия пресвятые Богородицы и за целбоносные мощи великих Московских Чюдотворцов и за непорочную християнскую веру, против врагов наших, Полских и Литовских людей, до смерти своей стояти и ныне бы итти на Литовских людей всем вскоре до тех мест, покаместа ратние люди стоят, чтоб Литовские люди Московскому государьству конечные погибели не навели; Верховых бы городов и Понизовых и досталь не разорили; а токмо над Литовскими людми поиск чинити не учнем и вскоре на них не пойдем, а нашим будет нераденьем учинится конечное разоренье Московскому государьству... А мы, свестяся с Казанью и с Понизовыми городы, собрався со многими ратными людми, прося у Бога милости, идем на Полских и Литовских людей, которые ныне стоят под Суздалем. А из Казани, и из Свиязского, и из Чебоксара и изо всех Понизовских городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими; а передовых людей, из Казани, и голов с стрелцами к нам послали и идут к нам вскоре: а как будем все Понизовые и Верховые городы в сходе вместе, и мы всею землею выберем на Московское государьство Государя, кого нам Бог даст. А что у вас на Вологде каких вестей и на чем у вам земской о ратном деле договор, где вам с нами сходиться, и вам бы о том о всем отписати к нам подлинно вскоре, чтобы нам про ваш совет и про ратных людей поход было ведомо; а однолично б вашим ратным людем в сход с иными людьми сходиться с нами вместе и от нашего совету отступным не быти. Да здесь у нас, в Нижнем, и многих розных городов ратные люди, и дворяне, и дети боярские, и стрелцы, и казаки, в великом собраньи идут под Москву, на очищенье Московского государьства; а в Казани и в Нижнем зелья и свинцу мало, и вам бы зелья и свинцу к нам в Нижней прислать тотчас, чтобы за тем походу мешкоты и земской службе порухи не было. Да по-

слали мы к вам Смольянина Кондратья Алексиевича Недовеекова, Ивана Леонтьева сына Угримова, Нижегородца посадского человека Петра Оксенова; и вам бы, господа, их к нам отпустить не замешкав тотчас».

«Акты Археографической Экспедиции», т. II, стр. 248—251.

Избрание нижегородцами в воеводы ополчения Пожарского и о привлечении к организации ополчения Минина

«О присылке из Нижняго Новагорода к Князю Дмитрию Михайловичу и о приходе в Нижний и о собрании ратных во всех же городех Московскаго государства.

Слышаху такое душевредство под Москвою, и о том скорбяще и плакахуся, и Креста не целоваху ни в котором городе, а помощи никто не можаше содеяти, ото всех же городов во едином граде, рекомом в Нижнем Нове граде, те же Нижегородцы поревновав православной Християнской вере, не хотяху видети православной Християнской веры в Латынстве, начаша мыслити, како бы помочь Московскому государству. Един же от них Нижегородец имеяше торговлю мясную Козьма Минин, рекомый Сухорукой, возопи во все люди: буде нам похотеть помощи Московскому государству, и то нам не пожалети животов своих; да не токмо животов своих, и дворы свои продавати, и жены и детей закладывать и бити челом, чтоб кто вступился за истинную православную веру, и был бы у нас начальником. Нижегородцем же всем его слово любо бысть, и вздумаша послати бить челом к Стольнику Князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому Печерскаго Архимандрита Феодосия, да изо всех чинов лучших людей. Князю Дмитрию же Михайловичу в то время бывшу у себя в вотчине лежащу ст ран от Нижняго сто двадцать поприщ. Архимандрит же и все Новогородцы приидоша ко Князю Дмитрию Михайловичу, и биша ему челом со слезами, чтоб к ним ехал в Нижний Новгород, и стал бы за православную веру, и помочь бы учинил Московскому государству. Князь Дмитрий же их совету ряд бысть, и хотяше ехати. В тот час доведоша Нижегородцов усердие и непослушанье к Воеводам, и писаше к ним, чтоб они выбрали у себя из посадских людей, кому быти с ним у такого великаго дела, и казну сбирати. А с Кузьмою Мининым бысть у них по слову. Той же Архимандрит и Нижегородцы говориша Князю Дмитрию, что у них такого человека во граде нет. Он же им рече: есть у вас Козьма Минин, той бывал человек служилой, тому то дело за обычай. Нижегородцы же, слышав такия слова, наипаче ради быша, и приидоша в Нижний, и возвестиша вся. Нижегородцы же тому обрадовашася, и начаша Козьме бити челом. Козьма же им для укрепления отказывает, что не хощет быти у такого дела. Они же ему с при-

лежанием говоряху. Он же нача у них прошать приговору, чтоб им во всем быти послушным и покорливым, и ратным людям давати деньги. Они же даша ему приговор. Он же написа приговор, не токмо что у них имать животы, но жены и дети продавати, а ратным людям давати. И взяв у них приговор за руками, посла тот приговор к Князю Дмитрию в тот час для того, чтобы того приговору назад у него не взяли. В тож время приидоша из Арзамаса от Смольянь челобитчики, чтоб их приняти к себе в Нижний. Нижегородцы же послаша ко Князю Дмитрию, и тех челобитчиков Смолян послаша к нему же, и веляху им бить челом, чтобы шел в Нижний не мешкая. Он же пойде в Нижний, а их отпусти наперед, а Смолянам повеле итти в Нижний. На дороге же к нему приидоша Дорогобужане и Вязмичи. Он же прииде с ними в Нижний. Нижегородцы его стретиша, и прияша его с великою честию. Смолянеж в Нижний приидоша в тож время. Он же им нача давать жалованье, кое сбиралось в Нижнем».

«Летопись о многих мятежах», стр. 234—236.

Характеристика Минина

«Авторитет Минина, как человека высокой честности, высоких патриотических добродетелей, утвердился не фантазиями наших современников, а правдивыми свидетельствами его современников, которые были в великом множестве распространены в хронографах в течении всего XVII ст. и не подвергались сомнениям. Да и записали эти свидетельства очевидцы событий, принадлежавшие к различным сторонам и партиям. У всех мы, напротив, находим особую симпатию к Минину, а у иных восторженные ему похвалы. Легенды же пошли разумеется еще дальше, и в одной присвивается ему же, помимо Пожарскаго, даже и воеводство над Ополчением и все победы под Москвою, с изображением боярскаго высокомерия со стороны Трубецкаго, говорившаго: «вот мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и раденье ни во что будет! Я стою под Москвой не малое время... Посмотрю, что будет у того мужика, увижу его промысл!»

Об этом-то мужике вот что писали его современники: «Воздвизает Бог некоего мужа от христианскаго (крестьянскаго) благочестиваго народа, не славнаго родом, но мудраго смыслом, который, видя многих насильствуемых, зело оскорбился и Зоровавельски поболел душею за людей Господних: принял на себя молву безчисленных печалей, всегда носился бурями различных попечений, непрестанно о своем деле попечение имел; если и не искусен воинским стремлением, но смел (гражданским) дерзновением, собрал от народа многая сокровища сребра; одарил ратных людей оброками довольными и таким способом собрал многие полки. И военачальника, искуснаго во бранех,

кн. Д. М. Пожарскаго, совосприподобил; сам же никогда от полков не отлучался: как древний Гедеон всех сердца укреплял на врагов: благим добронравием своим, как солнечным любовнаго луча светом, военачальников совокупил и всех храбрых во едино собрал...»

Витиеватые фразы, изысканные слова бывали в то время особым выражением писательского восторга, о чем без риторики говорить было невозможно. Но поддельного восторга мы здесь не находим. Это только книжное выражение того, что другие летописцы обозначают словами простыми, деловыми, излагая дело.

Однакож, какие черты личного характера мы можем раскрыть во всех этих словах? Первая и самая важнейшая черта, это то, что Минин способен был сильно, до глубины души, оскорбляться общественным злом; не мог он холодно и безучастно смотреть на насильство, которому подверглась вся Земля от иноземцев, а еще больше от своих воров. Душа его способна была заболеть Зоровавельски, т. е. заболеть чувством народной свободы, как болела душа Зоровавеля, освободившего свой народ из Персидского плена, возстановившаго этому народу его храм Иерусалимский. Но душа Зоровавеля высилась также чувством истины, правды. Он лучше всех растолковал значение истины Персидскому Дарию. Сходство личности Минина с этою библейскою личностью вспомянулось не без основания, ибо и Минин служил правде, занимая начальство «судных дел» у своей братьи. Точно также указано другое сходство, с личностью Гедеона, возставшаго за свободу своего народа, сумевшаго собрать во едино всех храбрых и достославно исполнившаго дело народного освобождения. Можно понять, как современники смотрели на подвиг Минина, когда приводили себе на память такия уподобления. Затем из их свидетельств видно, что, взявшись за дело, Минин отдался ему всем сердцем, несмотря на молву, т. е. на гнет безчисленных печалей и всевозможных затруднений и препон; и способен был довести дело до конца, своим непрестанным попечением о нем со стороны денежного и материальнаго обезпечения ратных, своим благим добронравием, т. е. своею гуманностью и любовью, со стороны примирения враждующих интересов между начальниками рати...».

Забелин «Минин и Пожарский», стр. 43—45. «Изборник Попова», стр. 202, 310.

Характеристика Пожарского

«...Он чисто и честно исполнил обыкновенный долг сына родной земли, и только! Точно также обыкновенно он вел себя и во всех прежних своих делах с врагами, поражая Салькова, Черкас, Сунбулова, отказываясь от измены Ляпунова и потом всеми мерами помогая тому же Ляпунову... Не нужно особенно

зорких глаз, чтобы разсмотреть, чем именно были всегда исполнены побуждения Пожарскаго. Не за личныя цели он стоял и не целям какой-либо партии он служил; он стоял за общее земское дело и служил ему чисто, прямо и честно. Вот эти-то обыкновенные его дела и действия и придали его личности необыкновенное для того времени значение, которое было хорошо понято в Нижнем и там же обозначено желанием найдти воеводу, который бы «в измене не явился», который бы не припадал на всякие стороны, смотря, где выгоднее для чести или для корысти, как поступало великое большинство тогдашних князей, бояр и воевод.

Таким образом Нижегородский народ, выбирая Пожарскаго, поступал со всех сторон очень разсудительно, основательно и самостоятельно, ибо хорошо знал, кого выбирал, и вовсе не нуждался в том, чтоб его в этом выборе кто-либо особенно подгонял. Как только было произнесено имя Пожарскаго, то весь город и остановился на этом лице, не отыскивая другого, и стоял в своей мысли в течении всей зимы. Стояли на той же мысли и с'ехавшиеся потом в Нижний князья, бояре, воеводы, очень большие перед Пожарским, честью своего отечества...».

Забелин «Минин и Пожарский», стр. 60—61.

Организация ополчения

«Все летописцы единогласно свидетельствуют, что ратные люди Нижегородскаго ополчения были во все время вполне и с довольством обезпечены, и жалованьем, и кормом; что не только свои, но и чужих полков люди, именно подмосковных, от Заруцкого и Трубецкаго, приходившие в стан Пожарскаго, всегда получали довольное содержание и денежную помогу; что Минин «жаждущия сердца ратных и утолял, и наготу их прикрывал, и во всем их покоил, и сими делами собрал воинство немалое», прибавляет летописец. В этом и состояла главнейшая и великая заслуга Минина; в этом и обнаруживался его дальновидный, практический ум. Он хорошо понимал, что никакие диктаторские приговоры и никакие патриотические воодушевления не собрали бы ратных, еслиб нечего им было есть, или скудно б им было жить; а еслиб и собрали, то от скудости развратили бы Ополчение, и оно снова разсыпалось бы от буйства и грабежей. Довольное содержание служило крепким основанием для нравственного устройства полков. Жалованье он давал большое: первой статье по 50 р., второй по 45 р., третьей по 40 р., и меньше 30 р. не было. Так устроены были в начале самого дела Смольяне, более 2000 чел. пришедшие в Нижний совсем разоренными. С ними и начало собираться Ополчение, они составили его основное ядро».

Забелин. «Минин и Пожарский», стр. 40.

Бой в Москве

«Августа ж в 23 день, на память Святого Митрополита Петра Чудотворца Московского, пойде гетман прямо ко граду, хотя пробитися во град и провесть запасы, понеже во граде велий глад належаше. Князь Дмитрий же Трубецкой, вышед против его, ста от Москвы реки от Лужников, а Князь Дмитрий Пожарской от своей страны ста у Москвы реки, у церкви Пророка Илии, рекомаго Обыденнаго; воевод же, из Ярославля присланных, поставиша по рву, где был древяный град, и послаша против гетмана многие сотни; начаша ж битися от первого часа и бишася до шестаго, ни на единой стране победа не являшеся. Гетман же, собрав всех лучших людей и всеми людьми учинил напуск, и смяте всеми людьми конными и пешими, и гна их до самые реки Москвы; аще не бы устоял Князь Дмитрий Пожарской с своим полком, побил бы многих. Князь Дмитрий же Трубецкой и казаки с ним отшедше в таборы своя; а гетман, видев сие, пришед ста у церкви Екатерининской и таборы своя устрои тут, и острожек, стоящий у церкви Климента Римскаго Папы, и казаков в нем седящих взят, и посади в него королевских людей. Ратний же вси во страсе быша велицем; воеводы же вси посылаху к казаком, чтоб за едино стояти против гетмана; они же не хотяху. Прилучищеся тогда бытии в полку Князя Дмитрия Пожарскаго Троицкаго монастыря келарю Аврамию Палицыну; сей шед к казакам в таборы и обеща им дати монастырские казны, да идут на гетмана; они ж обещанием казны послушавше поидоша и, обославшеся с полком Пожарскаго, придоша на гетмана со обоих сторон, и вкупе соединившеся первее взяша паки острожек Климентовской, и всех седящих в нем побиша, единых Угров убиено в нем 700 человек, и паки заседоша в нем Московские людие. Прочая же пехота вси разно скрышася по ямам и по иным местам, яко же утаитися мощно, стрегущи пути онаго, да не пройдут запасы от гетмана во град. Вси же людие начаша со слезами взывати к Богу да помилует падших и сотрет рог сопротивных, и обещашася вси вкупе воздвигнути храм Пресвятей Богородице честнаго Ея Сретения, и Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, и Чудотворца Петра Митрополита Московского. День же преклоняшеся к вечеру, Бог же, услыша вопль призывающих его с верою, посла свыше помощь сицеву; немощнаго и к ратному делу неискуснаго охрабри Нижегородца Кузму, Минина сына, Сухорука, от него ж первее таковое собрание очищения ради начася, да не похвалятся силнии силою своею и не рекут, яко мы тако учинихом, не в лыстех бо мужеских благоволит, но волю его творящих. Той Кузма, пришед ко Князю Дмитрию Михайловичу, прошаше у него людей, хотяше сам идти битися; он же вопроси его, колико требует; Кузма ж малых людей взя, единаго ротмистра Хмелевскаго, да дворян три сотни; против же Крымскаго двора поста-

ви гетман две роты; конную да пешую. Кузма, же, переправясь за Москву реку, великою прудкостию напусти на оные две роты, Бог же устраши их пред ним; абие нимало постоявше, обратившися к таборам своим побегоша; конная рота пешую всю потопта. Кузма ж, видев их смятшихся, паче приложи за ними гнати; пешие ж Московские люди, седящие в ямах и в прочих тайных местах, стрегущи пути во град, чтоб запасов не пропустити, слышаша вопль побивающих и побиваемых и видеша королевских людей от Кузмы бежащих велиим стремлением, абие вси во един час от всех мест, иде же скрышася, напрасно искочивше бежаху к таборам гетманским. Гетман же с людьми своими абие престрашися и, вся оставив, побеже из таборов своих вон. Воеводы ж и вси ратные люди прогнаша его за рвы, сами ж сташа по рву, где был древяной град; таборы же гетманские вси разграбиша и запасы, что хотел ввести в Москву, все от'яша».

«Новый Летописец», стр. 155—157.

Переговоры Пожарского с польским командиром Будило

«...Об этом Будиле можно прибавить, что когда Пожарский, еще вскоре после удаления от Москвы Ходкевича, предложил осажденным в Кремле Полякам сдаться, изображая им весьма толково и справедливо, без малейшаго высокомерия, безвыходное их положение, то Будило ответил бранью и польским хвастовством, уподоблял Русских по мужеству и доблести ослам и байбакам, говоря, что в рыцарских делах Русские хуже и ниже всех других народов. «Лучше ты, Пожарский, писал он, отпусти к сохам своих людей. Пусть хлоп по прежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей, — царству тогда лучше будет, чем теперь, при твоем управлении» и т. д.

Забелин «Минин и Пожарский», стр. 114—115. «Русск. ист. Библиотека», т. 2-й, стр. 326, 354, 356.

Наказная память Белозерскаго воеводы Григория Образцова, об исправном содержании засек в Озадской волости для предосторожности от Литовских людей

(1612 г. декабря 12)

«Лета 7121 декабря в 12 день, по указу Московского государьства бояр и воевод, боярина и воеводы Князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да столника и воеводы Князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго с товарыщи, воевода Григорей Федоровичь Образцов да дьяк Богдан Ильин велели ехать . . . . да Белозерскому розсылщику, в Белозерской уезд, в дворцовую Озадскую волость для того: нынешняго 121 году Декабря в 12 день писали к воеводе к Григорью Фе-

доровичу Образцову да к дьяку Богдану Ильину и к земским людем, Озадския волости крестьяне Первушка Фомин да Михалко: велено де ему Первуше да Михалку Матфиеву, по наказу, от болшия от Надпорожския дороги Межиловским сороком, в Озадской волости, для Литовских и воровских людей приходу, по дорогам засеки засечи и караулы поставити тое ж Озадские волости крестьяны поголовно; и он де Первушка по дороге три засеки засек на пяти верстах и по караулом ездит днем и ночью на своих лошадех, а он де Михалко засеку засек на Ондозерской дороге, и стоят де на тех засеках крестьяне и бобыли все поголовно безпрестани...».

«Акты Археографической Экспедиции», т. 2-й, стр. 277.

Собор 1613 года

Об избрании царя Михаила Романова 1613, в феврале

«Лета 7121, как по милости всемогущего и всесильного, в Троице славимого Бога и пречистые его Богоматери Христианские надежи и заступницы, и великих чудотворцев молитвами, просиявших в Российском Царствии, и службою и промыслом и раденьем ко всей земли бояр и воевод и всяких ратных людей, которые за православную истинную Христианскую веру Греческого закона, и за чудотворный образ пречистыя Богородицы Владимирския, и за многоцелебные мощи Московских чудотворцев и за Московское Государство своим мужеством и храбростию стояли против Польских и Литовских людей крепко и неподвижно, — Московское Государство, и царствующий град Москва, от Польского и от литовского короля и от Польских и Литовских людей, от их злаго пленения, очистилося и учинилося свободно; и Московского Государства бояре и воеводы и всяких чинов всякие люди, которые в то время были на Москве, писали во все городы всего великого Российского Государства... чтоб изо всех городов изо всяких чинов послали к Москве, для земского совета и для Государского обиранья, лучших и разумных людей, и с их бы земского совета выбрати... на все великия Российския Государства Государем Царем и Великим Князем, всея Русии Самодержцем, кого Бог даст, чтоб великое Российское Государство, после Московского разорения, вперед безгосударно не было, и православная б Крестьянская вера от Латынь и от Люторских богомерзских вер в разореньи и во обруганьи и досталь не учинилась.

И как изо всех городов всего великого Российского Царства... для Государского обиранья с'ехалися, и всещедрый в Троице славимый Бог наш, по умолению пречистыя Своея Богоматери и великих Московских чудотворцев, не хотя видети всего православного Крестьянства в конечной погибели, а пра-

вославной истинной Крестьянской веры Греческого закона от Латин и от Люторских и богомерзких вер во обругании, по Своему человеколюбию, послал Свой святый Дух в сердца всех православных Крестьян всего великого Российского Царствия от мала и до велика, не только в мужественном возрасте, и до сущих младенцев, единомышленной и нерозвратной совет, что быти на Владимирском и Московском и на Новгородском Государствах, и на Царствах Казанском и Астраханском и Сибирском, и на всех великих и преславных Российских Государствах Государем Царем и Великим князем, всея Русии Самодержцем,— прежних Великих благородных и благоверных и Богом венчанных Российских Государей Царей, от их Царского благородного племени, блаженные славныя памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Ивановича всея Русии сродичу, Михаилу Феодоровичу Романову-Юрьеву; а мимо его Михаила Феодоровича Романова-Юрьева, из иных Государств и из Московских родов на Московском Государстве Государя никак иному никому не быти...».

«Собрание госуд. грамот и договоров», ч. III, № 1.

Конец Марины Мнишек

«Посем Царь Михайло Федорович посла под Астрахань на Заруцкого боярина Князя Ивана Никитича Одоевского да окольничаго Семена Васильевича Головина, да с ними дьяка Василья Юдина. Они же шедше зимоваша в Казани, а Заруцкой в то время был во Астрахани, и во Астрахани сотвори всем жителем многую тесноту, и воеводу Князя Ивана Дмитриевича Хворостинина убил, и сотворися во Астрахани в людех велия разнь. На Терках же бывший тогда воевода Петр Васильевич Головин, слышав сия. посла от себя Казанца Василья Хохлова с ратными людьми; Астараханцы же видевши приход его, избегжи из града, совокупишася с ним. Заруцкой же, виде Астараханцов с Терскими единомыслие, побеже оттуду и с Маринкою на Яик, а Петр Головин с тою своею послугою посла к Москве от себя сеунщика того же Василья Хохлова. Боярин же Князь Иван Никитичь Одоевский с товарищи скоро пойде во Астарахань, и пришед, многих воров товарищей Заруцкаго еще заста, и переимав их вверже в темницы, и Астарахань паки укрепи; за Заруцким же посла многую рать и снидоша его со всем на Яике стояща на острову. Поразивши же сущих с ним, самого жива яша с Маринкою и с сыном ея, многую же казну при нем обретоша, и отослаша его с Маринкою и с сыном ея к Москве. На Москве же вси казнени быша; Заруцкаго на кол всадиша, а товарища его Федку Андронова с Маринкиным сыном повесиша, и тако злии зле погибоша, а Маринка на Москве умре».

«Новый Летописец», стр. 166—167.

Безымянные герои русского народа в борьбе с интервентами

«Бедственное время нашей Смуты в начале XVII ст. выставило множество героев на всех путях и по всем направлениям жизни. Подле знаменитых мужей — заводчиков крови, мужей вероломства и темных интриг, которые жадно отыскивали всякие корысти и почести, — блистают люди чистаго сердца и высоких помыслов, которые с полным самоотвержением отдавали свою жизнь одному святому делу спасения и очищения отечества от врагов.

Славный Иван Сусанин, который представляется нам как бы одиночным явлением, совершившим свой Русский подвиг по особенной мысли только о спасении своего господина в качестве избраннаго и излюбленнаго царя, в сущности представляет рядовой тип многих точно таких же деяний, пропавших без вести для летописцев и для историков по той причине, что подобные подвиги, как обычные и рядовые, летописцы и не почитали за особенно важное событие. Поляк Маскевич, разсказывая об опасностях, каким иногда подвергался в своих походах по Подмосковным местам, описывает один случай, в точности изображающий и подвиг Сусанина. Однажды, в марте 1612 г. с небольшим отрядом он пробирался на помощь своим в Московский Кремль. Где-то вблизи Волокаламска, «в деревне Вишенце, говорит он, мы поймали стараго крестьянина и взяли его проводником, чтобы не заблудиться и не набресть на Волок, где стоял сильный неприятель. Он вел нас в одной миле от Волока; ночью же нарочно повернул к сему месту. Уже мы были от него в одной только версте: к счастию, попался нам Руцкий, который в то время, проводив Товарищей, вышедших из столицы к пану Гетману, возвращался под самыми стенами Волока на свои квартиры в Рузу, где стоял с казацкою ротою. От него узнали мы, что сами идем в руки неприятелю, и поспешили воротиться. П р о в о д н и к у о т с е к л и г о л о в у; но страха нашего никто не вознаградит».

Забелин, «Минин и Пожарский», стр. 256—257.

Песня о нижегородском земском ополчении

(Записанная в Калужской губ., Боровского уезда, с. Слобода от 70-летней старухи)

«Ох вы гой еси товарищи, нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте ваших жен, детей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себе вострых копиев,
Вострых копиев, булатных ножей,
Выбирайте себе из князей и бояр удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку;

Пойдем-ка мы сражатися
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву:
Уж заполонили-то Москву проклятые народы поляки злы!
Разобьем их, много перевешаем,
Самого-то Сузмунда короля их в полон возьмем;
Освободим мы матушку Москву от поляков злых!»

В этой песне говорится об обращении Кузьмы Минина Сухорукого к нижегородскому населению с речью идти на освобождение Москвы от поляков, о выборах воеводы «удалова молодца» — князя Дм. Ив. Пожарского, а дальше песня кратко рассказывает о том, как князь Пожарский подвел ополчение к Москве, и о том, как солдаты, проломив ворота, вошли в Кремль.

«Как и начали солдатушки поляков колоть, рубить,
Колоть, рубить, в большие кучи валить,
Самого-то Сузмунда в полон взяли,
В полон взяли, руки-ноги ему вязали.
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили».

Здесь народное предание, отступая от истории, по-своему расправляется с ненавистным польским королем Сигизмундом, который будто-бы сидел в Москве с поляками. По мнению народа, главным виновником польской интервенции был король, а поэтому он и должен был поплатиться головой за все зло, причиненное Руси поляками.

Казня «Сузмунда», песня, с другой стороны, возвеличивает доблестного воеводу князя Пожарского. Народное предание считает справедливым вознаградить Пожарского за очищение Москвы, а поэтому песня его избирает в цари, но когда Пожарский великодушно отказывается, это еще больше возвышает нравственную доблесть воеводы в глазах народа.

«Как и взговорют бояре, воеводы московские
Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына
Как и взговорит к боярам Пожарский князь:
— Ох, вы гой еси бояре, воеводы московские!
— Не достоин я такой почести от вас,
— Не могу принять я от вас царства московского.
— Уж скажу же вам бояре, воеводы московские:
— Уж мы выберем себе в православные цари
— Из славного, из богатого дому Романова —
— Михаила сына Федоровича».

Миллер — «Отголоски смутного времени в былинах». «Известия отделения русского языка и словесности». Академии Наук, том XI, кн. 2-я, стр. 164—166.

О выдаче Пожарского головой

«Тоюж году (1613) Декабря (6) день на праздник великого чудотворца Николы, пожаловал государь в бояре Бориса Михайловича Салтыкова; в боярстве велел ему государь сказывать боярину князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, да думному дьяку Сыдавному Васильеву.

И князь Дмитрий бил челом государю на Бориса Салтыкова, что ему боярство Борису сказывать и меньше его быть невместно и боярство ему не сказал и с'ехал к себе на подворне... И государь, говоря с бояры, велел князя Дмитрия Пожарского вывесть в город и велел его за Борисово безчестье выдать Борису Головой и в разряде велел записать...».

«Собрание госуд. грамот и договоров», том III, № 18, стр. 90.

Кому был «выдан головой» Пожарский?

Б. М. Салтыков был племянник «известного злодея Салтыкова, имя которого позорно разносилось по всей земле».

Забелин «Минин и Пожарский», стр. 116.

М. Г. Салтыков входил в состав кружка лиц, служивших вору и польскому королю; король их отмечал «почали служить (королю) преже всех... 1-й помощник Гонсевского М. Салтыков».

С. Ф. Платонов «Очерки по истории смуты в Моск. Госуд. в XVI—XVII вв.».

Что значит «выдать головой»

Обычай этот известен был еще в XII веке, когда с князя за вину бралась волость, а прочих людей отдавали головой, причем последняя выражала понятие о личности. Отданный головой за долг поступал к заимодавцу с женой и детьми в полное рабство и в работу, которую и отбывал до тех пор, пока не покрывал весь долг. Во время местничества оскорбитель был бит батогами и потом обязан был просить униженно прощения у обиженного и жалобщика: кланяться в землю и лежать ничком до тех пор, пока оскорбленный не утешится и не поднимет со словами: «повинную голову и меч не сечет».

А. С. Пушкин — «Роман в письмах»

Избр. пр-ния, стр. 633.

«...пишут на памятнике: «гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольничий князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минин Сухорук, выборный человек от всего государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует! Жалкий народ!»

Примечание редакции: Достаточно сопоставить былину народную о Минине и Пожарском и указ о «выдаче головою» Пожарского, чтобы понять, что возмущение Пушкина должно относиться к крепостническим верхам русского государства, пытавшимся действительно стереть из памяти все героические страницы из прошлого русского народа.

КОНЕЦ ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Разорение в русском государстве вследствие польско-шведской интервенции

(Отрывки из 3-й главы книги Ю. Готье «Замосковный край в XVII веке», стр. 114—115; 149—151 *)

«...В Углицком уезде обширная волость Кесьма запустела совершенно: в ней не осталось ни одной населенной деревни. В Троицкой вотчине селе Прилуках не забывали разоренья «как шел пан Лисовской». Древний город Микулин, составлявший когда-то удел великого княжества Тверского, запустел настолько, что превратился в «городище», в котором оставалась лишь соборная церковь архангела Михаила. Под именем городища Микулин и занесен в книги 20-х годов.

Не лучшее впечатление оставляют и окрестности столицы. В дозоре Троицких вотчин Московского уезда 1614 г. в конце описания каждого отдельного имения неизменно приводится бесстрадное заключение: «а ныне все пусто: села и деревни запустели от литовских людей», «а по новому дозору все в пусте» и т. п. Под Троицким монастырем запустели две издавна существовавшие женские обители: «на троицкой земле, на Хоткове был монастырь, а ныне стоит церковь Покрова пресвятые богородицы, да на монастыре 27 мест келейных порозжих»; «да на троицкой же земле был монастырь богородицкий Подсосеньем на речке на Торгоше, разорен от литовских людей». Для Московского уезда известное значение имел, повидимому, также поход Владислава 1618 г.: есть указания, что «королевичев приход» в окрестностях Москвы вызвал новое усиленное бегство крестьян из деревень.

На юго-восток от Москвы в Коломенском уезде большинство приходных погостов «стоят без пенья» еще в конце 20-х годов. В Звенигородском уезде южный—Угожский стан, лежавший на Смоленской дороге, превратился почти в сплошную пустыню; такая же участь постигла очень многие станы и волости Ржевского уезда. В Зубцовском уезде писцы 20-х годов, не имея под руками приправочных книг, не могли описать 268 пустошей, настолько сильно запустевших и заросших от литовского разорения, что их «мерити и сметити было не можно». Под Можайском хранилась упорная память о разорениях 1612—1615 гг. во время походов Ходкевича и Сигизмунда...».

*) Примечание редакции: Данные по Замосковному краю, этой центральной и важнейшей исторически и экономически области русского государства, достаточно характерны для общего представления об экономических последствиях польско-шведской интервенции.

«...Как только началось замирение страны, бродившее и скрывавшееся по лесам население начало возвращаться и насильно водворяться на прежние места; этим обстоятельством легче всего об'яснить необычайно сильный прирост населения, замечаемый между дозором 10-х годов и описанием следующего десятилетия. Кризис начала века не столько уничтожил, сколько распугал население.

Но в 10-х годах XVII в. положение населения было действительно тяжелым. Нужду терпели не только беглецы, но и те, которые удержались на старых местах жительства. Терпели лишения не только тяглый класс, но и помещики, в особенности средние и мелкие. Очень значительное количество поместных и даже вотчинных земель были покинуты и оставались без владельцев. Количество порозших земель в книгах 20-х годов колеблются, смотря по местности, между 5 и 60% всей территории, описываемой писцом. Иные дворяне позднее возвратились на старые места, но, конечно, далеко не все. Очень естественно, что исчезновение большого количества мелких дворян имело последствием значительные изменения в составе помещиков и вотчинников уезда. Не велико было благосостояние и тех, которые уцелели. По нескольким примерам можно себе представить, до чего могли доходить бедствия, постигавшие мелких помещиков Замосковья в 10-х и 20-х гг. Много позднее, в 1643 г., суздалец Иван Евтихиев Блудов подал царю Михаилу челобитную, в которой рассказывал следующую любопытную историю: «бил он челом в монастырские служки к Живоначальной Троице к преподобному чудотворцу Сергию от бедности, и келарь Александр Булатников хотел его отдать в холопи внуку своему князю Фадею Шаховскому, и он к нему в холопи не пошел, и келарь за то посадил его в тюрьму. И он, не стерпя от него тюремные нужи, дал на себя князю Фадею Шаховскому служилую кабалу и князь де Фадей Шаховской женил его на вольной жонке сильно. А отец де его служил 44 года и в 130 году отец его от службы отставлен, а поместье его дано ему Ивашке на прожиток и в разборном списке написан в недорослех». Блудов просил освободить его от кабалы и велеть ему «служить службу с городом». По справке в разборной десятине 130/1621—1622 гг. по Суздалю оказалось, что у отца Ивашки, Бажена Блудова, «поместьишка в даче 170 четей, пусто от лихолетья, один его дворишко». Несчастья Блудова на этом впрочем, и закончились: просьба его, изложенная в челобитной, была исполнена, и он был освобожден от кабалы. К этим же годам относится и другая аналогичная челобитная детей боярских Рогачевых, не поверстанных *) потому, что были разорены вконец от литовских и от крымских людей «и нынеча, государь, бьет на нас холопей твоих челом князь Гр. Вас. Тюфякин ложно, видючи нашу великую бедность, и называет нас крестьяны своими». Челобитная по делу, конца которого, к сожалению, не сохранилось, оканчивается просьбой «не велеть

*) Не поверстанных — не получивших службы и вознаграждения за нее. От слова «верстаный»—получивший за службу оклад жалования или поместье.

челобитчиков тому кн. Григорию неповинно во крестьяне выдать». Бедность доводила отдельных помещиков до крестьянства и холопства.

Разумеется, что при столь сильном упадке и обеднении населения и полном разорении полей должна была упасть также и торговля и промышленная жизнь Замосковного края. В мои задачи отнюдь не входит исследование состояния главнейших средоточий торговли и промышленности того времени—городов и посадов. Здесь дело идет только о тех элементах сельской торговли, какие можно было наблюдать в Замосковных уездах в начале XVII в. К сожалению, данных, по которым было бы возможно судить о состоянии сельских промыслов в Замосковных уездах, нет; что касается до внешних показателей оборота сельских ярмарок и торжков, то их полный упадок более чем вероятен. Надо думать, что состояние сельского торжка под Клином, описание которого относится к 20-м годам, является вполне характерным для большинства подобных торжков за предшествовавшее десятилетие: «На погосте св. Егория до литовского разорения было 5 лавок рубленых да 4 полки; а торговали в них с'езжие сельские люди всяким товаром в неделю один день, в пятницу, а откупу с торгу давали в большой приход по 13 рублев, а ныне торг в пусте, запустел от литовского разоренья». Как известно, общее разоренье и бедность доходили до того, что московское правительство, несмотря на пустоту казны и острую нужду в деньгах в 10-х годах, находило возможным даже понижать прямые подати в некоторых городах и уездах».

Столбовский мир 1617 г. Февраль

«С самого начала своего царствования Михаил Федорович отправляет посольства в разные государства, с одной стороны ради признания своего царского достоинства, а с другой ради помощи или по крайней мере посредничества для заключения мира с Польшею и Швецией. Таково было посольство дворянина Ушакова и дьяка Заборовского в Австрию к императору Матфею, в 1613 году. Не добившись здесь никакого благоприятного ответа, то же посольство переехало в Голландию, где было принято ласково. Генеральные Штаты не обещали дать помощи царю войском или деньгами, но из'явили готовность склонять к миру Шведского короля. Еще любезнее приняли в Англии московского посланника дворянина Зюзина. Дело в том, что Англия и Голландия, как морские торговые державы, желали скорейшего прекращения войн, которые вела Москва и которые причиняли немалый вред их торговле. Английский король Иаков I в это время не дал просимой помощи Михаилу ни деньгами, ни военными снарядами, но охотно принял на себя посредничество для замирения Москвы с Густавом Адольфом, которого он уже успел помирить с датским королем Христианом IV. Иаков назначил своим уполномоченным Джона Мерика. Это был торговый человек, с молодых лет служивший агентом

английской компании в России, хорошо изучивший страну и даже владевший русским языком. Теперь он приехал в Москву послом с верительной королевской грамотой, которая титуловала его рыцарем и «дворянином тайныя комнаты». Густав Адольф с своей стороны принял английское и голландское посредничество в мирных переговорах с Москвою, и, убежденный Мериком, снял осаду Пскова. Для мирных переговоров шведскими уполномоченными были назначены Флеминг, Генрих Горн, Яков Делегарди и Монс Мартенсон, а русскими князь Данило Мезецкий и Алексей Зюзин. Местом этих переговоров назначено сельцо Дедерино (между Осташковым и Старой Русой). Кроме Джона Мерика, сюда явились и голландские посредники, фан Бредероде с тремя товарищами. Один из них (Антон Гутерис) в своем описании этого посольства изображает крайне бедственное состояние Северозападной Руси, по которой оно проехало из Ревеля в Новгород. Страна до того была опустошена казацкими и литовскими шайками, что путешественники нигде не находили селений и ночевали обыкновенно в лесу; редко где-нибудь встречался полуразрушенный монастырь. Из Новгорода они отправились в Старую Русу и нашли ее в совершенном разорении; отсюда двинулись к месту переговоров; при переправе через реки нередко лед ломался, люди и вещи падали в воду; чтобы просушиться, надобно было зажигать ближайшие пустые хижины. Чтобы отдохнуть в какой-нибудь опустелой деревне, необходимо было прежде вытаскивать из избы трупы ея хозяев, убитых казаками; но удушливый трупный запах скоро выгонял гостей, и приходилось проводить ночь на морозе.

С'езд уполномоченных открылся 4 января 1616 года в палатке, в присутствии Джона Мерика и Голландских послов. На первом же заседании возникли горячие споры; поводом послужило включение в титул Густава Адольфа «Корельский». Шведы, кроме фактического владения Корелой, ссылались на уступку ее еще Василием Шуйским. Московские послы отрицали эту уступку после их измены в Клушинской битве; отсюда произошли у них с Делагарди взаимные упреки по поводу этой битвы. Потом еще большее неудовольствие обнаружилось по поводу королевича Филиппа, о присяге которому напомнил Делегарди. Так как посредники во время этих горячих споров страдали в шатре от ужасного холода, то следующие заседания происходили уже в помещении английского посла. Мало по малу задор и требования обеих сторон уменьшались, при помощи посредников. Между прочим Шведы отказались от кандидатуры королевича Филиппа, Русские от своих притязаний на Ливонию; но все еще далеко было до взаимного соглашения. В конце февраля уполномоченные раз'ехались, условясь летом вновь собраться в ином месте, а до того времени заключили перемирие. Во время этих переговоров обозначилось, что английский посол более держал сторону Русскую, а Голландцы—Шведскую. Следующий с'езд состоялся однако не ранее декабря; он собрался в деревне Столбове (близ Тихвина), и происходил уже без Голландцев, при посредстве одного Джона Мерика. И на сей раз це-

реговоры велись с большими затруднениями, тянулись более двух месяцев, и только в конце февраля 1617 г. закончились мирным трактатом. Сущность Столбовского договора заключалась в следующем: Швеция возвращала Москве Новгород с его областью; но оставляла за собою Ивангород, Яму, Копорье, Орешек, Корелу (Кексгольм) и Ижору (Ингрию). Москва уплачивала Швеции 20.000 серебряных рублей. Царь отказался от своих притязаний на Ливонскую и Корельскую земли. Торговля возобновляется с обеих сторон свободная; но шведским торговым людям не дозволяется ездить с товарами через Московское государство в Персию, Турцию и Крым, а равно и московским купцам через Шведское государство в Англию, Францию и другие западные страны. Подданных с обеих сторон не перезывать, а перебежчиков выдавать, и т. д.».

Иловайский — «История России», т. 4, вып. 2, стр. 11—13.

Поход Владислава на Москву

«...26 апреля 1616 года, принял предложение короля и 4 июля окончательно постановил открыть с Россиею войну, под главным предводительством Королевского сына Владислава. Цель сей войны была—распространить владения Польши на счет России, и как Нарушевич говорит, время было Посполитой Речи искренно подумать об увеличивавшейся безпрерывно опасности со стороны Москвы, а предлог—дабы Владислав силою оружия добивался Московскаго престола...

...Главное начальство над войсками Сигизмунд сначала хотел поручить Гетману Жолкевскому, бывшему тогда на Турецкой границе; но как Жолкевский, под предлогом грозящей со стороны Турции опасности, отказался, то предводительство армиею поручено Великому Гетману Литовскому, Яну Карлу Ходкевичу.

...24 декабря 1618 года армия Владислава тронулась из за Москвы в обратный путь, в свое отечество. Королевич с собственным своим полком пошел среднею дорогою на Левантовский пустый Монастырь к Вязьме; Казановский с своим полком взял направление к Севержу, а Ходкевич с Литовским войском к Волге.

Глубокие снежные насыпи, жесточайшие морозы и совершенный недостаток продовольствия в разоренных и оскудевших от продолжительных бедствий местах, по коим следовала армия Владислава, нанесли в рядах ея чрезвычайные опустошения, дороги усланы были трупами людей и лошадей, и те из воинов, коих пощадили смерть, навеки сохранили память о сей войне в страданиях и мучительных увечиях, полученных ими от морозов на возвратном пути.

Королевич, оставивши войско лично с частию своего Двора, отправился вперед; 26 числа вечером прибыл в Вязьму, откуда после 6 Генваря следующего 1619 года переехал в Смоленск.

Здесь, по случаю жестоких морозов, он пробыл до весны, отправив в Варшаву Бискупа Новодворскаго, Льва Сапегу и Якова Собиескаго с подробным известием о мире и о условиях трактата.

Так кончилась сия последняя при Сигизмунде III война, продолжавшаяся год с месяцем».

«Памятники XVII века», изд. Мухановым, стр. 4—5, 10, 103—104.

Деулинское перемирие

«Деревня Деулино назначилась с'ездом для трактатов. Собравшиеся уполномоченные, за одним столом, говорит Нарушевич, трактовали с большею уже вежливостью и с большею друг к другу доверенностию.

11-го декабря трактат подписан, приложены печати и уполномоченные с обеих сторон присягнули в точности соблюдения онаго. Трактат сей заключал 18 пунктов, из коих важнейшие суть следующие:

Мир между обеими державами заключается на 14 лет, т. е. от 3 Генваря 1619 до 3 Генваря 1633 г.; в продолжение сего времени избираются 6 месяцов июлей, в кои обе стороны сделают условия на счет дальнейшего продолжения мира или войны. В течении всего вышеозначенного времени, наезды и вообще неприязненные действия не могут быть производимы ни под каким предлогом, а равно с обеих сторон не могут быть строимы новые крепости.

Россия уступает Польше: Белой, Дорогобуж, Смоленск, Серпейск, Рославль, Трубчевск, Новгород-Северск с окрестными землями по обеим берегам Десны лежащими, также Чернигов, Монастырище и Муромск. Поляки возвратят Русским Можайск, Мещовск, Козельск и Вязьму с окрестными землями, и за оные получат от Русских в вознаграждение: Почеп, Стародуб, Попову-Гору, Невлю, Себеж, Красный Торопец и Велиж со своими землями.

Все сии города и земли с своими обывателями, также пушки, оружие и другие военные принадлежности, а равномерно уезды и земли со своими поселянами отданы будут Полякам, исключая купцов, коим свободно перейти по их желанию в другие места.

Царь Михаил Феодорович обязывался исключить из титула своего: Ливонский, Смоленский и Черниговский, предоставляя сии названия Польскому Королю.

Важнейшие пленники, как-то: Ростовский Митрополит Филарет, Василий Голицын, Фома Луговский, Шеин с женою и сыном и Архиепископ Смоленский 25 февраля имеют быть освобождены, так же Шуйский, и князь Трубецкой с прочим Московским Дворянством, получает позволение возвратиться в отечество, если пожелают. Русские с своей стороны отпустят в условленный день: Николая Струся, Харлинскаго, Хоцимирскаго и прочих, удержанных в плену по выезде Жолкевскаго из Москвы в 1612 году.

По об'явлении мира, Польские комиссары отправили немедленно гонцов к Сагайдашному с известием о сем, и с строгим повелением прекратить разбои».

«Памятники XVII века», изд. Мухановым, стр. 98—102.

Недовольство Сигизмунда Деулинским перемирием

«Преподобный! Вельможные и Благородные, искренно и верно Нам любезные! Узнали Мы из письма Б. и В. В., писаннаго из Вязьмы, о заключении перемирия и о возвращении с Сыном Нашим к Вязьме; не могли Мы без большаго соболезнования слышать, что Б. и В. В., не донесши Нам, так поспешно приступили к заключению сих трактатов с Москвою. Видим в этом не только не славу, но даже вред для Посполитой Речи потому, что безполезно сделано так много издержек и убытков, и что неприятелю, неимевшему не только сил, но и никакой ниоткуль надежды, дано время подкрепиться, и потом, по высмотрении удобной поры, излить яд на Посполитую Речь. Видим и то, какое имел утешение неприятель, смотря на несвоевременное движение и Нашего Сына и войск его, на дороги, заваленные не только лошадьми и вещами, но даже и людьми от морозу померзшими,— чем бы после проиграннаго сражения не мог более натешить и насытить своих глаз. Хотя Мы часто предлагали в письмах Наших Б. и В. В. экспедицию сию кончить, согласно с намерением Посполитой Речи, но Мы уверены были, как требовало того и самое дело, что когда уже придет до окончательного заключения, то вы о сем доложите Нам как Вышней вашей власти, а особенно когда и войско, как мы имеем известие, готово было ожидать долее, и со стороны неприятеля никакой опасности не предстояло, наконец и самой Посполитой Речи намерение не так далеко простиралось, чтобы экспедиция сия непременно в сем году окончилась, но чтобы долгу на нее не прибавлять более, чем бы могли вынести позволенные подати; сих же последних столько еще остается, что можно и долги заплатить войску и еще удержать оное на значительно долгое время. Сие Нам за несвоевременным Б. и В. В. извещением, по коему надлежало сообразить о долге войску, трудно было знать, хотя и о сем Мы столь часто писали к Б. и В. В. Принимая все сие во внимание Мы не без соболезнования, что тамошние дела так пошли, но если еще Сын Наш принужден будет уступить свое право (о чем как и о прочих условиях сего трактата ничего не знаем), то Мы принуждены бы были еще более соболезновать...».

«Памятники XVII века», изд. Мухановым, стр. 179—182.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ КОНЦА XVI в. И НАЧАЛА XVII в.

1582 г.	— Заповедные годы.
1584 г.	— Отмена тарханных грамот.
1592 г.	— Установление писцовых книг.
1597 г.	— Указ о беглых крестьянах.
1598 г. 6 января	— Смерть царя Федора Ивановича и прекращение династии Рюриковичей.
1598 г. 1 сентября	— Венчание на царство «избранного земским собором» боярина Бориса Федоровича Годунова.
1601—1603 гг.	— Голод и «Мор» (эпидемия холеры). Необычайное обострение классовых противоречий.
1603 г. Осень	— Выступление Хлопки Косолапа на Москву и его поражение.
1604 г. октябрь—декабрь	— Вступление Лжедмитрия I в пределы Московского государства с войском около 4000 чел.
1604 г. октябрь—декабрь	— Присоединение к Лжедмитрию I окраинных городов: Моравска, Чернигова, Белгорода, Путивля, Рыльска, Севска, Курска, Кром и др.
1605 г. 20 января	— Поражение Лжедмитрия I Московскими войсками на р. Севе при Добрыничах. Бегство его в Путивль.
1605 г. 13 апреля	— Смерть Бориса Годунова и воцарение его сына Федора Борисовича.
1605 г. 7 мая	— Переход войск, осаждавших Кромы, на сторону самозванца.
1605 г. 20 июня	— Вступление в Москву и воцарение Лжедмитрия I.
1606 г. 19 мая	— Провозглашение царем Василия Ивановича Шуйского.
1606 г. май—июнь	— Отпадение от Шуйского ряда окраинных городов (Путивль, Ливны, Елец, Кромы и т. д.).
1606 г. 25 мая	— Волнение Московских низов против Шуйского.
1606 г. август	— Первое крупное столкновение (под Кромами) восставших крестьян, казаков и городской бедноты под начальством Болотникова с царскими войсками.

1606 г. август—октябрь	—	Движение Болотникова от Кром мимо Кимр и Алексина на Серпухов, соединение с ним на Оке дворянских отрядов Ляпунова и Пашкова. Распространение восстания против Шуйского на замосковные города: Боровск, Можайск, Рузу, Старицу и т. д.
1606 г. 12 октября	—	Прибытие под Москву ополчения Болотникова, организация укрепленного лагеря в селе Коломенском и осада Москвы.
1606 г. 15 ноября	—	Измена Прокопия Ляпунова и Григория Сумбулова,—переход их со своими дворянскими отрядами из лагеря Болотникова к царю Василию.
1606 г. 2 декабря	—	Вылазка Шуйского против крестьянского ополчения и переход на сторону Шуйского отряда Истомы Пашкова. Разгром Болотникова и отступление его с остатками своей армии в Калугу.
1607 г. январь	—	Осада царскими войсками Калуги.
1607 г. март—апрель	—	Прибытие в Тулу отряда казаков под начальством Илейки Муромца, именовавшего себя царевичем Петром, и соединение с ним представителей дворянской оппозиции, князей Шаховского и Телятевского.
1607 г. май	—	Бегство царских войск из-под Калуги. Переход Болотникова в хорошо укрепленную Тулу.
1607 г. 30 июня	—	Начало систематической осады Тулы царскими войсками.
1607 г. июль—август	—	Появление в Стародубе-Северском нового самозванца — Лжедмитрия II.
1607 г. сентябрь—октябрь		Поход Лжедмитрия II из Стародуба к Туле. Взятие городов: Почепа, Брянска, Козельска, Белева, Крапивны и Епифани.
1607 г. 10 октября	—	Взятие Тулы Вас. Шуйским.
1607 г. 17 октября	—	Бегство Лжедмитрия II в Путивль при известии о взятии Тулы.
1608 г. 1 июня	—	Появление армии Лжедмитрия II под Москвой в селе Тушине.
1608 г. август	—	Прибытие в Тушино польских отрядов Лисовского и Сапеги.
1608 г. сентябрь	—	Маневры тушинцев, направленные к полному окружению и изоляции Москвы.
1608 г. октябрь — — 1609 г. январь		Распространение восстания против Шуйского на Вологду, Псков, Старую Руссу, Торопец, Ярославль и другие замосковные города.
1609 г. февраль	—	Заключение в Выборге стольником С. В. Головиным договора со шведами относительно помощи Вас. Шуйскому.

1609 г. июнь	— Поход Сигизмунда III с поляками к Смоленску и начало осады его.
1609 г. 26 сентября	— Снятие Скопиным-Шуйским осады с Троицкого монастыря.
1609 г. декабрь	— Отзыв из Тушина польских отрядов под Смоленск. Начало развала Тушинского лагеря.
1609 г. 29 декабря	— Бегство Лжедмитрия II из Тушина в Калугу.
1610 г. 14 февраля	— Договор московских бояр с польским королем Сигизмундом III — о призвании на Московский престол его сына королевича Владислава.
1610 г. 12 марта	— Вступление армии Скопина-Шуйского в Москву.
1610 г. 23 апреля	— Смерть Скопина-Шуйского, по мнению современников, отравленного на пиру у царского брата Дмитрия Шуйского.
1610 г. 24 июня	— Разгром гетманом Жолкевским при селе Клушине высланных против него из Москвы войск под командой Дмитрия Шуйского.
1610 г. 17 июля	— Низложение Вас. Шуйского и переход власти к боярской думе во главе с семью боярами («семибоярщина»).
1610 г.	— Новое появление Лжедмитрия II под Москвой и попытки осады им Москвы.
1610 г. 17 августа	— Договор московских бояр с подступившим к Москве гетманом Жолкевским об избрании Владислава на Московский престол.
1610 г. 21 сентября	— Вступление отрядов Жолкевского в Москву и в Кремль. Установление польской власти в Москве и отступление Лжедмитрия II обратно в Калугу.
1610 г. 11 декабря	— Убийство Лжедмитрия II в Калуге татарским князем Урусовым.
1611 г. февраль—март	— Образование первого земского ополчения.
1611 г. 19 марта	— Вступление в Москву первого земского ополчения под начальством Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого. Битва с поляками в стенах города, пожар Москвы, осада поляков в Китай-городе и Кремле.
1611 г. 3 июня	— Взятие Смоленска поляками.
1611 г. 16 июля	— Взятие Новгорода шведами.
1611 г. 22 июля	— Убийство Прокопия Ляпунова под Москвой. Распад 1-го ополчения.
1611 г. октябрь	— Начало организации в Нижнем-Новгороде второго ополчения.
1612 г. август	— Прибытие нижегородского ополчения под начальством кн. Д. М. Пожарского в Ярославль и организация там общеземского правительства.

1612 г.	— Прибытие нижегородского ополчения под Москву и осада поляков.
1612 г. 21 августа	— Приход отряда польского гетмана Хоткевича под Москву на выручку осажденным польским отрядам.
1612 г. 25 августа	— Отступление гетмана Хоткевича после неудачной битвы с войсками II-го ополчения.
1612 г. 26 октября	— Занятие Кремля войсками II-го ополчения после капитуляции польского гарнизона.
1613 г. 7—12—21 февраля	— Избрание царем Михаила Федоровича Романова.
1617 г. 27 февраля	— Столбовский мир.
1618 г. ноябрь	— Деулинское перемирие.

9*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. **К. Маркс** — «18 Брюмера Луи Бонапарта».
2. **Ф. Энгельс** — «Крестьянская война в Германии».
3. **В. И. Ленин**—«К деревенской бедноте», Соч., т. V, стр. 261—317.
4. **И. В. Сталин**—«Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом».

II. ИСТОЧНИКИ

1. Собрание Государственных грамот и договоров, т. II и III.
2. Акты исторические, т. I и II.
3. Дополнения к актам историческим.
4. Акты Археографической экспедиции, т. 2-й.
5. Русская историческая библиотека, т. 13-й и т. 2-й.
   «Иное сказание».
   «Сказание Авраамия Палицына».
   «Временник дьяка Тимофея» и др.
6. Акты Западной России, т. 4.
7. «Новый Летописец» по списку К. Н. Оболенского.
8. Памятники истории смутного времени. Под редакцией Яковлева, изд. Клочкова 1909 г.
9. **П. А. Муханов.** Подлинное свидетельство о взаимных отношениях России и Польши, преимущественно во времена самозванцев. М. 1904 г.
10. Летопись о многих мятежах.
11. **Н. Устрялов.**—«Сказание современников о Дмитрие Самозванце», т. I и II (Маржерет, Маскевич, дневник Марины и др.).
12. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Мухановым. Петерб. 1871 г.
13. **Исаак Масса**—«Краткие известия о Московии в начале XVII в.».
14. **Д. Флетчер.** — О государстве русском.
15. «Феодальная деревня».
    Сборник документов под ред. Грекова.
16. Хрестоматия по истории народов СССР. Вып. I, под. ред. Лебедева.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ и МОНОГРАФИИ

1. **С. М. Соловьев.** — История России с древнейших времен, т. VII—VIII.
2. **С. Ф. Платонов.** — Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.
3. **Д. И. Иловайский.**— История России, т. IV, в. I и II. Смутное время Московского государства. М. 1891 г.

4. **М. Любавский.**— История Западных славян (раздел о Польше).
5. **Н. И. Костомаров.**— «Смутное время Московского государства», Соч., т. V.
6. **И. Забелин.** — Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время. М. 1896 г.
7. **Гиршберг.**— Марина Мнишек, пер. Титова, М. 1908 г.
8. **В. Ф. Миллер.**— «Отголоски смутного времени в былинах». «Известия отдел. русск. яз. и словесн. Академии наук», т. XI, кн. 2. 1906 г.
9. **Пирлинг.** — Дмитрий самозванец, М. 1912 г.
10. **Пирлинг.** — Россия и папский престол.
11. **Ю. Готье.**— Замосковный край в XVII в.
12. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», т. IV, кн. 2-я, изд. 1899 г.
13. Русская устная словесность, т. 2-й, Исторические былины.
14. Песни, собранные Киреевским, вып. 7.
15. «Историк-марксист» № 6 за 1936 г. Статья Романовича. «Новая страница в польской интервенции».
16. **Н. А. Рожков.**— Сельское хозяйство в Московской Руси в XVI в.
17. **А. С. Пушкин.** — «Роман в письмах».
18. **Ю. Любавский.**—«Очерки истории литовско-русского государства».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XVI И НАЧАЛЕ XVII вв.

Краткая характеристика экономики Московского государства . . . 5

Процесс дальнейшего закрепощения крестьянства

Уставная грамота Соловецкого монастыря села Никольского-Пузырева крестьянам (1561 г. мая 2) 9

Отрывки из документов, упоминающих о «заповедных годах» . . 11

Указ о беглых крестьянах (1597 г. ноября 24) 11

Из указа царя Федора Ивановича о кабальных людях 1597 г. апреля 25 12

Запустение центра

Д. Флетчер — Рабское и жалкое состояние русского народа . . 13

Н. А. Рожков — Опустение центра 15

Куда уходили?

Крестьянские восстания

Выписка из приходной книги Иосифова Волоколамского монастыря 1594 г. 16

Восстание Хлопки Косолапа

«О разбойниках около Москвы и о посылке на них» 17

Сказание Авраамия Палицына — «О зачале разбойничества и ворех во всей России» 17

Борьба внутри класса феодалов

Из приговорной грамоты духовного собора о прекращении вкладов земли и пр. 18

Память Окольничему Морозову «О выходе крестьянском 1601 г.». 20

Из беседы Валаамских чудотворцев 21

Д. Флетчер — О положении царского дома в России 21

Д. Флетчер — О царе Федоре Ивановиче 22

Характеристика царя Федора Ивановича в оценке Сапеги 23

Характеристика Бориса Годунова 23

Воцарение Бориса Годунова 24

Следственное дело о убиении царевича Димитрия в Угличе . . . 25

Голод в Москве 26

НАЧАЛО ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. ЛЖЕДМИТРИЙ I

Внутреннее состояние Польши в конце XVI века и ее захватнические планы

Обличения и предсказания иезуита Петра Скарги 29

Из польских условий мира с русским государством 1600 г. . . . 31

Письмо Сигизмунда III к канцлеру Яну Замойскому 32

Договора Лжедмитрия I с Мариной Мнишек, Юрием Мнишек и польским королем 34

Письмо Лжедмитрия I к папе Клименту VIII 35

Сношения Лжедмитрия I-го с Польшей, папой и иезуитами . . . 37

Письмо папы Павла V к Марине Мнишек 39

Лжедмитрий I

Разоблачения Петрея о Лжедимитрие 40

Поход Лжедимитрия I 41

Из грамоты Лжедмитрия к московским боярам (1605 июнь) . . . 43

Боярский приговор о беглых крестьянах 1606 45

Стр.
Подарки Лжедмитрия в Польшу . . . 46
Коронование Марии Мнишек в Москве . . . 47
Насилия поляков в Москве . . . 47
Конец Лжедмитрия I. . . . 48
Спасение Марины Мнишек . . . 50
Григорий Отрепьев. Былина . . . 50
Крестоцеловальная запись царя Василия Шуйского . . . 51
Характеристика Шуйского . . . 52

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ БОЛОТНИКОВА

Начало движения под руководством Болотникова

Характеристика Болотникова . . . 53
Программа движения Болотникова . . . 54
Из грамоты митрополита Ростовского Филарета . . . 54
Из грамоты патриарха Гермогена о мятеже в Северских и Рязанских городах . . . 54
Ход движения Болотникова . . . 56
Города, участвовавшие в восстании . . . 57

О восстании угнетенных народов Поволжья и Сибири

1. Отписка Вятчан к Устюжанам . . . 58
2. Отписка из Верхотурья в Пелым . . . 59
3. Отписка из Перми великой в Вятку . . . 60
4. Отписка из Вятки в Пермь . . . 61
5. Отписка из Кетского острога . . . 62
Разгром Болотникова . . . 62
Указ о заповедных летах (1607 г.) . . . 63

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Поляки и Лжедмитрий II . . . 65
Появление второго самозванца . . . 67
Плеяда самозванцев . . . 67
Тушинский перелет . . . 68
Обещание II Лжедмитрия полякам . . . 68
Письмо II Лжедмитрия к Яну Петру Сапеге . . . 70
Письмо Марины Мнишек к Сигизмунду III . . . 70
Депеша французского агента к своему двору о состоянии дел в России в апреле 1610 г. . . . 71

РАЗОРЕНИЕ ИНТЕРВЕНТАМИ РУССКОГО НАРОДА И ЕГО ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ

Из отписки Устюжан к Вычегодцам о разорении Ростова литовскими людьми . . . 73
Челобитная самозванцу крестьян Переяславского уезда . . . 75
Насилия поляков . . . 76
Партизанская борьба русского народа против интервентов . . . 76
Отрывки из отписки Устюжан к Вычегодцам от 1608 г. . . . 76
Борьба русского народа с поляками . . . 78
О совокуплении всех православных христиан и о побое на Литву и на русских воров . . . 78
Обращение поморских городов . . . 79
Характеристика Скопина-Шуйского . . . 79
Смерть Скопина-Шуйского . . . 79
Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Былина . . . 79

Семибоярщина — агентура польской интервенции

Из Окружной грамоты бояр в Пермь Великую о сведении царя Василия Иоанновича с престола . . . 81
Состав семибоярщины . . . 82
Договора русских феодалов с поляками . . . 83

Стр.

Отрывки из договорных статей Сигизмунда III с Московскими боярами 83
Краткое содержание договора Жолкевского с боярами 84
Из письма Жолкевского о московском походе 85
Директивы Сигизмунда III — Гонсевскому в Москву 87
Бояре помогают полякам занять Кремль 88
Земельные пожалования при королевиче Владиславе 88

Шведская интервенция

Лист игумена Соловецкого монастыря Антония к шведскому королю Карлу IX — о единодушном намерении Российского народа не избирать на престол иноплеменника 1611 г. 89
О захвате Шведами Новгорода и других русских городов . . . 90
Договор Новгорода с Делагарди 91
Отписка Устюжан к Пермичам о защите Вологды от Немцев . . 93

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ИНТЕРВЕНТАМИ

1-е ополчение

Разрушение Москвы 95
Пожар Москвы 95
Из грамоты от находившихся в осаде Смольнян 97
Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства 98
Грамота Прокопия Ляпунова в Нижний Новгород 99
Письмо Сигизмунда к Яну Петру Сапеге о борьбе с 1-м ополчением 101
Приговор Ляпуновского ополчения 102
Распад 1-го ополчения 104
Прокоп Ляпунов. Былина 104

2-е ополчение

Грамота патриарха Гермогена в Нижний Новгород 105
Грамота от находившихся в Москве бояр в Кострому с увещанием 106
Из отписки Нижегородцев к Вологжанам о разорении Московского государства поляками 108
Избрание нижегородцами в воеводы ополчения Пожарского . . . 110
Характеристика Минина 111
Характеристика Пожарского 112
Организация ополчения 113
Бой в Москве 114
Переговоры Пожарского с польским командиром Будило 115
Наказная память Белозерского воеводы Григория Образцова об исправном содержании засек в Озадской волости 115
Собор 1613 г. об избрании царя Михаила Романова 116
Конец Марины Мнишек 117
Безымянные герои русского народа в борьбе с интервентами . . 118
Песня о нижегородском земском ополчении 118
О выдаче Пожарского головой 120
Кому был «выдан головой» Пожарский? 120
А. С. Пушкин. — «Роман в письмах» 120

КОНЕЦ ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Разорение в русском государстве вследствие польско-шведской интервенции 121
Столбовский мир 1617 г. 123
Поход Владислава на Москву 125
Деулинское перемирие 126
Недовольство Сигизмунда Деулинским перемирием 127

Приложения:

Хронологическая таблица 128
Список литературы 132

Дефектов нет.
27/XI-48 г.

